

МАКСИМАЛЬНЫЙ РАЗГОН

ИГНАТОВ СЕРГЕЙ

Директора института противодействия угрозам искусственного интеллекта убивает собственный сын. По крайней мере на это указывают видеозаписи, свидетели, да и сам виновник случившегося не отрицает, что его палец спустил курок. Да, рука бионическая, но взломать её невозможно, ведь после ядерной катастрофы, спровоцированной ИИ, в протезах нет чипов, их нельзя взломать. Тем не менее Айдж намерен если не доказать свою невиновность, то хотя бы узнать, кто настоящий убийца.

Максимальный разгон

Можно ли считать себя человеком, если смерть близкого не вызывает никаких чувств, кроме беспокойства за свою дальнейшую судьбу?

По идее, я должен быть в отчаянии, в ужасе, но я, как обычно, лишь думаю об этих эмоциях, а не испытываю их. Почему так? Две секунды назад я хотел получить ответ на этот вопрос от отца. Две секунды назад он был жив. Пистолет на него направил я, а на спуск нажал кибер-протез, но мне всё равно никто не поверит.

Идеальный план. Раньше я был бы рад достойному противнику, но теперь, впервые в жизни, я ощущаю беспомощность. Первое настоящее чувство, а не мысль о чувстве.

Всё, что я делал до этого момента, вело меня сюда с одной-единственной целью: чтобы я нажал на спуск. Как наивный котёнок следуя за пятнышком от лазерной указки, я прошёл по сложному лабиринту, повинаясь чьему-то плану. Кто-то весьма талантливый заставил меня отпилить себе кисть и установить протез, купить пистолет, прийти сюда и поднять руку с оружием.

Полиция в Нижнем Городе — редкость. Обычно ментов днём с огнём не сыщешь. Ни разу не сомневаюсь — по мою душу.

Сдаться — самый разумный вариант. Бежать — явно не худший. Вне всяких сомнений, тот, кто спланировал убийство, рассчитывает, что я поступлю одним из этих двух способов. В эту точку меня привела длинная цепь логичных и правильных решений. Значит, настало время для нелогичных и неправильных.

Пытаясь найти выход из безвыходного положения, я быстро-быстро прокручиваю в голове все те события, которые заставили меня очутиться здесь, сейчас и с дымящимся пистолетом в руке.

Я точно знаю, что началось это два дня назад, когда я ещё был почти приличным мальчиком-мажором с натуральными конечностями и без проблем с законом.

Глава 1

— Айдж, ты вообще меня слушаешь? Отец инфон забыл! — слова матери заставляют меня вынырнуть из размышлений.

Теперь слушаю. Ещё как. Ни за что не упущу шанс в него заглянуть! Секунду назад я думал о том, что мне нужно просто признать, что я психопат, а сейчас я замираю с блинчиком на полпути ко рту.

Мать сидит напротив, поглаживает кудри и ждёт ответа. Она и не подозревает о моих проблемах. Уверен, что если бы на моём месте сидел котёнок, немой китаец или говорящий динозавр — она с не меньшим энтузиазмом подкладывала ему блинчики в тарелку и рассказывала о пустяках. Я её дитя, а всё остальное значения не имеет.

— Да, сейчас доем и отнесу, — быстро тараторю в ответ.

Я не слушаю её бесполезные уточнения, я анализирую. Время — девять часов пятнадцать минут, хоть я и спал, но у меня нет ни малейших сомнений, что отец вышел из дома полтора часа назад. Даже если бы случился новый ядерный удар, уверен, он не опоздал бы ни на минуту. Директор института исследований и противодействия ИИ находится на работе. Без связи. Это невозможно.

— Только оденься поприличней, — не унимается мать.

Наверное, будь я нормальным — я бы возразил, что мне восемнадцать уже три месяца как, я и сам могу справиться с этой задачей. Напомнил бы, что сейчас конец двадцать первого века, а не середина двадцатого, всем глубоко плевать, кто и во что одет. Будь я нормальным — гиперопека меня бы злила, по крайней мере, именно такую реакцию рекомендует изобразить мозг, чтобы сойти за нормального. Но мысль о том, что я должен злиться — это вовсе не злость. Я просто учитываю, что мне придётся потратить примерно на одну минуту больше на сборы. В данный момент это весьма неприятно, но любое возражение приведёт лишь к ссоре, а это потеря куда большего количества времени.

Самое печальное — у меня недостаточно данных, чтобы рассчитать, сколько времени займёт исследование отцовского девайса. Нифига он его не забыл, он пошёл туда, где не хочет, чтобы его отследили.

Да и как можно забыть такую вещь? Я вообще никогда не снимаю инфон, сейчас, как всегда, он тонкой ниточкой обнимает моё запястье. Его экран — линза в моём глазу. Она улавливает движение зрачка и, повинаясь ему, переключает модуль управления причёской. Острый ёжик белесых пирамидок из волос превращается в нейтральную безобидную стрижку русых.

Прошлёпав в гардеробную, я скидываю футболку, надеваю чёрную рубашку и серую куртку. Сую аэроборд под мышку, теперь я готов в путь. Показываюсь матери, читая на её лице что-то вроде: "ну ладно, для ребёнка не так уж плохо он выглядит". Она протягивает мне инфон отца, и я отправляю его в карман. Время пошло. Терпеть не могу действовать, не имея всей информации, я не знаю, когда вернётся отец, но... не убьёт же он меня за эту проделку.

Скоростной лифт несёт меня к выходу, а я в сотый раз воспроизвожу в памяти последний разговор с отцом по поводу моих эмоций. И предпоследний. И тот, что был перед этим. При первых попытках докопаться до истины у него мгновенно появились срочные дела. Потом на вопрос, почему я такой, он обвинял меня в том, что я спрашиваю об этом

потому, что не желаю заводить друзей или не люблю его, или просто-напросто вспоминал мой старый косяк.

Всегда спокойный и уравновешенный отец не вёл себя подобным образом при других обстоятельствах. Значит, я задаю правильный вопрос, но он не даст мне ответ. Он же сам вынуждает искать истину самостоятельно. Только бы он не вернулся раньше меня!

Лифт тихо дзинькает. Миновав двери, оказываюсь на улице и бросаю аэроборд под ноги. Он стабилизируется, выпустив по бокам пропеллеры, и зависает у самого асфальта. Бешено вращающиеся винты поднимают небольшое облачко пыли, хотя казалось, тротуар идеально чист. Эх, если бы не ядерная заварушка — наверняка бы у меня была настоящая доска с антигравитацией, как в том древнем фильме. Увы, аэроборд не более чем дрон, который летает на пропеллерной тяге. Прошивка не разрешит ему подняться выше четырёх сантиметров от земли и разогнаться быстрее ста километров в час. Не так уж плохо, да и ограничения я могу выключить в любой момент. Взломать аэроборд было делом принципа, и я сделал это два года назад, сразу, как он попал мне в руки.

Я прыгаю на доску и мчусь вдоль тротуара со скоростью потока. Узкая улица кишит бесконечными одноместными такси-беспилотниками, мчащимися в обе стороны. Дома, будто тонкие иглы металлических кристаллов, стремятся проткнуть густые серые облака. Тысячи прилизанных, аккуратных и одинаковых, как муравьи, людей торопятся по тротуарам. Я обгоняю их, с максимально дозволенной скоростью двигаясь над тонкой белой полосой, которая выделена специально для счастливых обладателей "летальных" аппаратов вроде моего.

Друзей у меня нет, а приятелей — хоть отбавляй. Чтобы добраться до нужного человека, уходит три с половиной минуты.

Я чуть было не пролетел мимо одной из полутысячи вывесок на последней сотне метров. Узкая автодверь испуганно убирается с пути, и мои кроссовки отбивают бодрую дробь по ступенькам в подвальчик.

Сверкающая чистота нержавеющей металла и белого самоочищающегося бетона остаётся наверху, как фальшивое наваждение. Ещё одна дверь отъезжает в сторону. Внизу серо, тесно и душно. Сделав лишь шаг от лестницы, я упираюсь в высокую стойку, за которой прячется лысый лопухий парень. Он сидит среди кривых столбиков небольших пластиковых коробок и контейнеров и, судя по отсутствующему взгляду и едва заметному блеску в глазах, смотрит на то, что отображают линзы его инфона.

— Привет, Чиж!

Я нетерпеливо жду, пока он поднимет голову и ответит. Как же долго. Прищурившись, он несколько секунд всматривается в моё лицо, пока, наконец, я не замечаю, что его зрачки слегка расширяются, а уголки губ приподнимаются. Рад меня видеть, выходит? Это ненадолго.

— Даров, Айдж.

Мы не друзья, даже не приятели, так что танцевать прелюдию вежливости с узнаванием, как личная жизнь, бизнес и влияет ли на него курс кредита, я не буду:

— Мне нужен комплект для вскрытия и взлома инфона, — вытаскиваю из кармана отцовский гаджет и показываю и кладу его на стойку.

— Не-е, — Чиж сонно щурится и вяло качает головой, — оставь, я до завтра посмотрю.

— Не-е, — передразниваю его в ответ, не знаю почему, но мне кажется это хорошей идеей, — мне. Нужен. Ком..

— Слыш, Айдж, — недовольно шипит долговязый и поднимается над стойкой, — я не магазин взломных инструментов. У меня тут ремонтная мастерская чистая, белая.

— Ага, белая, аж блестит.

Взгляд невольно пробегает по серым, местами пыльным, стенам и цепляется за паутинку с пауком в дальнем верхнем углу. Хотя я имею в виду далеко не чистоту помещения, а потому нахально приподнимаю бровь, а мой собеседник хмурится.

— Осторожнее, Айдж, ты ведь не в последний раз ко мне обращаешься?

Это был плохой намёк, я должен был догадаться. Интересно, во сколько мне выльется эта глупая фраза? Главное, чтобы он меня вообще не послал. Мне приходится кивнуть, признавая ошибку, и он продолжает:

— Вот и славно. Ты один хрен не влезешь в такое.

— Покупаю по тройной цене инструмент и инструкцию к нему, если есть.

В конце концов, я тут "золотая молодёжь" или кто? Может, общением папа меня и не балует, но деньгами не обижает.

Чиж, симулируя некоторое недоверие, наклоняет голову и невозмутимо озвучивает стоимость:

— Триста косых, деньги вперёд.

Мне изображать удивление не приходится.

— Два проводка и контроллер? — я лишь добавляю в интонацию шепотку злости, надеюсь, поможет. — Это не должно стоить сотку!

— Ты модель видел? Это неломайка. Вскрыть нельзя в принципе.

— Так а что ты хотел с ним до завтра делать?

— Вскрыть нельзя, а манипулировать снаружи тем, что внутри — можно. Сотка это цена, а ты предложил три.

Не то чтобы у меня не было таких денег, но отдать почти все накопления за призрачную возможность узнать секреты отца, которых может и не быть вообще. Тем более может не быть на девайсе — крайне сомнительная перспектива.

— Я погорячился, — изображаю на лице гримасу сильнейшего расстройства и недовольства собой, — арендуй на часок... максимум до вечера.

Чиж тоже ведь не последний идиот, понимает, что не всё можно доверить постороннему взломщику, а мы, хоть и не друзья, но знаем друг друга не первый год.

— Пять Кэсов в час, летайка в залог, и у тебя ничего не выйдет, я предупредил.

Его осторожность меня не удивляет. Кладу аэроборд на стойку, параллельно заказываю такси и, чуть повысив голос, обращаюсь к Чижу, который уже скрылся в подсобке:

— Ещё камеры надо глянуть обычные, городские.

— Так смотри, они в открытом доступе, я тут зачем?

— Не хочу, чтобы кто-то знал, что меня интересует.

— А мне, значит, знать можно? — немало повеселевшим тоном спрашивает Чиж.

— Тебе да, — уверенно отвечаю я и даваю дружелюбную улыбку.

Моя бы воля — я бы плащ-невидимку надел, да его не изобрели ещё. В сухой теории никому нельзя знать, что я делаю и чем интересуюсь, в "мокрой" практике приходится выбирать наименьшее из зол.

Крохотная капсула одноместного такси мчит меня домой. Хорошо хоть от ненастоящего ИИ не отказались. Я читал, что раньше машиной надо было управлять, прям как лошадью, и

в каждом авто было специальное место с рулём и педалями для водителя-человека. Дикие времена, безумная расточительность.

Пока еду, проверяю нужные мне камеры на ускоренной прокрутке. К институту отец не подъезжал. Я с самого начала был уверен в этом на девяносто девять процентов, зато теперь знаю на все сто.

Перед тем, как зайти домой, прокручиваю в голове несколько планов. Было бы прекрасно соврать, что вернул инфон отцу, а вечером подойти к родителю с мучающими меня вопросами и козырем формата "я тебя прикрыл". Увы, я уверен, что любовницы у папы нет, да и мать непременно спишется с ним за день.

На визит к Чижу и путь обратно я потратил чуть меньше шестнадцати минут и одиннадцати тысяч кредитов. Десять ушли на аренду оборудования и тысяча на то, чтобы быстро глянуть городские камеры с чужого аккаунта.

Отец на работе не появлялся, и я спокойно вру, что смотался к институту, не нашёл его и вернулся обратно. Это я знаю, что путь туда-сюда занимает на семь минут больше, она, может, и удивится моей скорости, но точно не придаст этому особого значения.

Дверная камера под контролем, когда вернётся отец — я увижу. Посмотрим, что мне досталось в аренду.

Я достаю из небольшого чехла невзрачную пластиковую коробку, чуть больше кулака размером. Щёлкаю крохотную кнопку, в результате быстро и плавно поднимается крышка. Внутри надувается окружность, имитирующая запястье, и я оборачиваю вокруг него отцовский инфон.

Надеюсь, у меня есть хотя бы час. Всё, что мне удаётся сделать сходу — это сконнектить девайс для взлома со своим инфоном.

Городская сеть — жалкое подобие великой сети Интернет, которой уже никогда не будет. Никто не рискнёт объединять все данные и все вычислительные мощности. Ведь если коварный Искусственный Интеллект уцелел или если чей-то злобный разум его создаст вновь — катастрофа будет глобальной. А так — случись что, это станет проблемой одного города. Чуть что — врубят генераторы ЭМИ. Да, город придёт в упадок, теплицы на крышах и грядки на подоконниках. Год-два голода, и всё вернётся к норме. Я слышал, такое случалось в других городах, но никто не может сказать с уверенностью, была ли то ложная тревога или злобный ИИ всё ж таки блуждает по миру в переносных дата-банках.

Почти час у меня уходит на изучение открытой информации об отцовской модели инфона, общих принципов взлома и полутора страниц текста с инструкциями от Чижа.

Время — деньги. Надо пробовать, к тому же отец может прийти в любой момент. Хитрый девайс под моим командованием со стопятидесятой попытки подменяет нужный сигнал, оповещающий устройство о том, что хозяин не обнаружен, на противоположный. Коннекчу его к линзе в левом глазу и вижу, что я здесь не единственный гость. Ну Чиж, ну сволочь. Ты ж говорил, что нельзя сломать удалённо!

Цепляю за хвост неожиданного конкурента. Через длинную цепочку других взломанных девайсов, предназначенных для заметания следов, я выхожу на аккаунт, с которого работал другой взломщик. Никто не может быть в сети инкогнито, но едва ли это настоящая личность.

Линзой-экраном в правом глазу я управляю своим инфоном, взломным девайсом и системами дома, на ней я вижу подходящего к двери отца. Едва дыша закрываю лазейку, через которую влез другой хакер, и оставляю маленький чёрный ход для себя, чтобы

заглядывать на инфон к папе по сети, без таких плясок с бубном.

Увы, закинуть девайс в его комнату я уже не успею. Не страшно. Инфон в один карман, взломную коробку в другой, а сам прикинусь пледом. Растягиваюсь на кровати, делаю вид, что смотрю видео и думаю о том, кто вломился в папин инфон одновременно со мной.

Дверь в комнату открывается без стука.

— Кто такая Никки? — как приговор звучит вопрос отца.

Он называет имя профиля, который я поймал "за хвост". Вскакиваю, как ужаленный и упираюсь в требовательно протянутую ладонь. Молча кладу в неё инфон.

Что вообще произошло? Как это понимать? Если он оставил инфон специально и следил за мной через другое устройство, то почему он спрашивает про неизвестного хакера?

— Без понятия, — в полной растерянности бормочу я в ответ, только потому, что папа явно желает услышать хоть что-то.

Не хочется смотреть в глаза отца, но я усилием воли поднимаю взгляд. Он не верит мне, а ещё — не доверяет. Раньше он тоже не рассказывал всего, но... это больше походило на защиту ребёнка от того, что ему, то есть мне, знать рано или не нужно. Но теперь на лице моего родителя настоящее недоверие. И разочарование.

Нахрен лифт. Ноги несут меня вниз, на улицу, на свежий воздух. Я спалился. Не отвертеться, не объяснить. Остаётся только разыскать эту самую Никки и предъявить ему. Едва ли такой финт меня оправдает, но, может, как-то поможет сгладить вину.

Стройная смуглолицая девушка с бритыми висками и зелёными волосами улыбается мне с десятка фото и видео в профиле, а я смотрю сквозь неё на бесконечные вывески и редкие чахлые деревца в скупых лунках, отъеденных у тротуара. Такси везёт меня привычным маршрутом к мастерской Чижа.

Бойко Вероника, для друзей "Ника", в сети "Никки", двадцать лет, танцует в клубе. Ни разу не тянет на портрет лучшего хакера. Вероятность того, что она вообще хоть как-то причастна ко взлому инфона моего отца, стремится к нулю, но у меня просто нет других зацепок! Сначала найду её, а дальше по обстоятельствам.

Я резко отодвигаю дверь в подвал мастерской, и искусственный скрип срывается на визг, заставляя меня сморщиться, а Чижа втянуть голову в плечи. А вот и нефиг было настраивать звук на скорость открывания двери.

— Что ты знаешь про нижний город?

С вопросом я поторопился. Теперь по морде Чижа не понять, чему он удивился: моему появлению через полтора часа или интересу к Нижнему Городу.

— Ну как? — ему явно любопытно, каков из меня взломщик.

Стоит ли говорить об успехе? Теоретически — коробка, которую он мне дал — чёрный ящик. Я не знаю и половины того, что она делает, и за личиком милой зеленоволосой девушки вполне может прятаться лысая лошадиная морда Чижа. Нет, чья угодно, только не его. Уж если бы он полез в инфон отца параллельно со мной через его же девайс — я бы никогда об этом не узнал. Совершенно не исключаю, что он был там третьим, не знаю я, насколько он любопытен, но этого риска никак не избежать.

Что же ответить? С одной стороны, все любят чувствовать себя крутыми спецами, и, если скажу, что он был прав и взлом оказался мне не по силам, Чиж будет рад видеть меня снова. С другой стороны, у кого ещё спрашивать про хакера, который сделал "невозможное"?

Даже призрачная надежда на новую информацию стоит любых рисков, и я рассказываю ему про некую Никки из нижнего города, которая сделала "невозможное".

— Дело-то нехитрое, только о том, что взломать удалённо нельзя — ты мне соврал.

Чиж недоверчиво морщится, будто ему в рот льют лимонный сок из шланга. Не верит, зараза, да ещё и советует не врать. Нецензурно и в три этажа советует.

— Логи смотри, — я просто-напросто возвращаю ему взломную коробку.

Да, если у отца были секреты, а всё указывает именно на это — Чиж может увидеть лишнего. Но тот, кто хотел получить данные с инфона папы — уже их получил. Хуже не будет. Или будет, но он сам виноват!

— Думал, ты не хочешь, чтобы кто-то знал, что ты мутишь? — Чиж приподнимает бровь.

— Уже не важно, я спалился.

Бровь Чижа норовит забраться на лоб ещё выше. Врать нет смысла, он всё поймёт по логам, поэтому я отвечаю прямо:

— Хотел на батином инфоне кое-что глянуть. Он просёк — это раз, но самое интересное — не я один пытался это сделать.

— Секретки нет? — он явно не хочет лезть не в своё дело.

Обнадёживает. Понятия не имею, что там есть, я не успел всё посмотреть, но я уверенно

качаю головой и терпеливо жду, когда мой поделщик убедится в существовании того, кто совершил "невозможное".

— На кой тебе в Нижний Город? Ты же понимаешь, что она не при делах.

Я киваю и задумчиво стучу пальцем по стойке. Всё же хвост, за который я зацепился, был длинным.

— Двадцать восемь фальшивок, да я понимаю, что их может быть и двести восемьдесят, но след оборвался именно на ней. Так или иначе, работа шла с её устройства.

— Ты не можешь знать. Я могу обернувшись сделать круг и привести тебя к твоему же инфону. Будешь думать, что ты сам себя взломал, — Чиж усмехается.

— Тот, кто рылся в батинном инфоне, начал "убегать" на устройстве Никки в ту миллисекунду, когда я зашёл, с поправкой на скорость прохождения сигнала через все обманки. Он не мог начать прятаться раньше, чем узнал обо мне, если бы цепочка шла дальше — я бы понял по времени отклика.

Чиж смотрит недоверчиво. Похоже, он такими вещами никогда не заморачивался. Это я считаю минуты, секунды и миллисекунды. Затем сомнение на его лице медленно сменяется озарением:

— Как насчёт времени на реакцию человека?

Об этом я не подумал.

— Его не было, тютелька в тютельку мой вход бьётся с её отключением. Ну не вручную же она отцовский инфон ломала? Естественно, в автоматическом режиме всё вырубилось.

— А если этот умник сделал, что хотел, а твой заход просто совпал с его выходом?

— С такой точностью?

— Ты зря цепляешься, там просто стоял триггер на заход, осталось поводить тебя кругами и отключиться на случайной девке, а так там хвост ещё на триста пять петель. Да к тому же такие девочки...

— Внешность обманчива, — я бесцеремонно его перебиваю, — ну нет у меня других зацепок! Скажешь что-нибудь насчёт Нижнего Города?

— Скажу, что и я туда без нужды не пойду, а тебе, домашнему мальчику, там и часа не прожить.

Интересно, он хотел меня оскорбить или просто констатировал факт? Что правда, то правда — я ни разу не ночевал за пределами дома и не бывал в стрёмных местах.

— Кто-то говорил, что я и со взломом не справлюсь...

— Папа спалил, ещё кто-то спалил и навёл на странную девку из железячников, это называется справился?

Дверной динамик скрипит, оповещая о новом посетителе. Я делаю четыре шага вдоль стойки и упираюсь в угол. Мучительно долгие пять минут приходится ждать, пока Чиж примет заказ на ремонт какого-то давно устаревшего гаджета у седого пузатого деда.

Когда назойливый посетитель наконец оставляет нас с Чижом наедине, я возвращаюсь к своим вопросам:

— Я не просил тебя отговаривать. Подскажешь, кто может сделать лицо и личность с аккаунтом?

Я же не полный идиот, чтобы пересекать пропускной пункт под своим именем, и в своём уме, чтобы не представляться им в Нижнем городе.

— Таким не занимаюсь, — бурчит в ответ Чиж.

— Это понятно, просто скажи, кто занимается.

Двадцать семь секунд Чиж напряжённо морщит лоб, прежде чем нехотя начинает ворчать:

— Не, ты слишком палевный. Да и папа твой...

Наступает моя очередь выдать многоэтажную тираду. Внутри я абсолютно спокоен, но внешняя экспрессия должна помочь убедить моего подельника. Смысла в моих словах — никакого. Лишь обида и негодование по поводу такого недоверия ко мне. Точнее, мои попытки изобразить обиду и негодование и высказать их отборнейшим матом. Убедить Чижа сейчас самый простой способ найти нужные подвязки. Он морщит лоб повторно.

— Лады, давай так. Я скину твой контакт кое-кому и весь расклад по тебе. Возьмётся — считай, повезло. Я бы на его месте не брался.

Скотина лысая, ты ж на мне десять косых сделал задарма. Вслух я этого не скажу, но не подумать об этом трудно. Может, и не так плохо у меня с эмоциями? Чиж вот, глядя на меня, как-то ссутулился и даже извинился:

— Сорян, Айдж, по другому не варик.

Я киваю и добавляю:

— Доску верни.

А что ещё остаётся? Не силой же из него инфу выбивать?

Выхожу на улицу и запрыгиваю на аэроборд. Даже утро не кончилось, а я успел вусмерть поссориться с отцом и найти себе почти невыполнимую задачу.

Из дома папаня меня, естественно, не выгонит, да и мать не позволит, но вернуться просто так я уже не могу. Не хочу снова встретить его презрительный взгляд. Если я выясню, кто ещё позарился на его секреты, отец меня, конечно, не простит, но будет уже не так стыдно. А то сейчас выходит, будто я без причины и повода влез в его личное пространство.

Я битый час летаю вдоль тротуаров на скорости чуть выше пешеходной и жду звонка. Чиж всё ж таки не последняя сволочь, если бы не срослось — позвонил бы, сказал, что не поможет. С другой стороны, он обещал просто сообщить инфу обо мне, как о потенциальном клиенте. Проблемном клиенте. Не факт, что тот, кто может мне помочь, вообще станет ему отвечать. Тем более сразу.

Негромкий клаксон со стороны дороги заставляет меня резко повернуть голову. Большой чёрный автомобиль едет вровень со мной. Личный транспорт — глупая роскошь. Личный транспорт в стиле прошлого века на целых пять посадочных мест да ещё и с бутафорским рулём — роскошь за гранью здравого смысла. То ли дело мой аэроборд — тоже не предмет первой необходимости, но сколько ж удовольствия доставляет!

Сигнал явно предназначен мне, а ответа я жду только по одному вопросу. Правда, я рассчитывал на звонок, а не личную встречу, но выбора нет. Я останавливаюсь, и дверь авто открывается, не дожидаясь приглашения, мигом ныряю внутрь. Рядом со мной на переднем сиденье, положив руки на руль, сидит человек не менее примечательный, чем его автомобиль.

Огромный широкоплечий негр, насколько можно понять по сидящему человеку — роста в нём никак не меньше двух метров. Совсем не тот типаж, который я ожидал от торговца незаметностью в городе, чуть менее чем полностью населённом белыми людьми.

Мне предстоит заплатить кругленькую сумму человеку, которого я вижу первый раз в жизни, а может, и последний. Готов поспорить, Чиж никаких гарантий не даст. Даже не станет подтверждать, тот ли это человек. Хакерство без цели диверсии в городе наказуемо, но не строго. А вот подделка личности независимо от целей — совсем другой расклад. Тут

даже рядом стоять приличным сроком пахнет. Наши слова в его подвальчике, даже если их кто и записал — к делу не пришьёшь, а любое подтверждение этой во всех смыслах тёмной личности — очень даже пришьёшь.

— Тимон, — мой новый поделщик протягивает огромную, как лопата, ладонь, — от кого прячемся, молодой человек?

— Айдж, — представляюсь в ответ из вежливости, этот тип выцепил меня в городе, он знает не только моё имя, — а можно ото всех и сразу?

Салон наполняется громогласным хохотом. Автомобиль едет с той же скоростью, с какой я двигался на аэроборде, а я летел крайне медленно, лишь втрое быстрее пешехода. Странно. Отсмеявшись, мой собеседник принимается усердно смотреть в пустоту, это понятно — что-то изучает на линзах-мониторах.

Секунд через пятнадцать Тимон поворачивает голову на меня и рассматривает так, будто только что увидел:

— Ты руки в странные места не совал?

— Вроде бы нет, — вопрос звучит настолько неожиданно, что уверенно отвечать я не рискую.

— У тебя в правой ладони маяк, точнее маяки. Кто-то за тобой очень внимательно следит.

— Не может быть! — отвечаю я почти автоматически.

Вообще может, почему я сразу думаю о том, что следит за мной именно отец? Но как? Я в верхнем городе, здесь строго-настрога запрещены любые модификации тела. Даже штифты в зубы можно ставить только не металлические. Если железячник из Нижнего города сунется сюда — он и десяти шагов не пройдёт. Да даже если бы жучок в меня установили пять минут назад — я бы уже лежал мордой в асфальт и в наручниках.

— Есть много способов отражать сигнал. Не все они требуют чипов, — с удовольствием и воодушевлением принимается объяснять Тимон. Он активно машет руками и широко улыбается. Ему явно нравится просвещать невежд.

— С чего бы мне верить?

— Да не верь, — теперь он хмурится, — вообще я тебе бесплатно оказал услугу на десять тысяч, а за неё можно брать все пятьдесят. Ты хоть представляешь, сколько стоит оборудование, которое находит такое? А оно всё здесь, — он ласково похлопывает по кожаной торпеде авто.

— Так нас прослушивают? И я так и не понял, как во мне может быть жучок? В руке?

— Да, в правой. Я бы не сказал, что это жучок. Это модификация костей, чуть искажает волны определённой длины. За счёт этого кто-то всегда знает, где ты находишься. Насчёт прослушки — без понятия! Не в моей тачке, это точно. Но как выйдешь, лучше лишнего не говори, пока от культяпки не избавишься. Кстати, обычно такое проделывают с агентами глубокого внедрения.

Только этого мне не хватало. Быть принятым за копа, сейчас...

— Я не...

— Знаю, знаю. Ты точно не агент, угадаешь, почему я так уверен? — Тимон продолжает самодовольно лыбиться.

Совершенно искренне жму плечами. Я бы на его месте себя за агента принял. Да, молодой, неопытный, не знающий, чего ему надо. Но ведь подсадная утка должна быть минимально подозрительной.

— Ты слишком удивился, когда меня увидел. Точнее, не слишком, а достаточно. Я так понял, тебе предстоит много весёлых интересных дел. Вот тебе бесплатный совет: когда будешь делать вид, что видишь человека впервые, все эмоции, которые хочешь сыграть, выражай на полсекунды позже. Будет достоверно.

— А что, этих самых агентов глубинного внедрения такому не учат?

Здоровяк вновь наполняет авто раскатистым гоготом и от души хлопает меня по плечу:

— Наверняка, но меня не проведёшь. В общем, я жопой чую, что ты не коп.

"Что я лох", констатирую я про себя. Улыбаемся и машем, а что ещё делать? Я понятия не имею, как подобные сделки проворачивают и как с такими людьми говорить.

— Ну да ладно, — продолжает Тимон, — собственно, руку только отрезать можно, но ты ведь в Нижний Город попасть хочешь, там это не проблема.

— Я бы вернуться хотел.

— Парень, это уже не ко мне. Модификация костей — это технологии или лучших врачей, или спецслужб. У меня ни на тех, ни на других выхода нет. У меня вещи попроще. Краденые личности, накладки на лицо, на тело... ну это уже для крайних случаев.

Если бы сейчас он не начал рекламу своих товаров и услуг — я бы решил, что он точно разводила, и свалил, но теперь он очень даже похож на честного дельца. С поправкой на то, насколько честным может быть человек, который продаёт фальшивые личности.

— Но ведь пока следят, всё бессмысленно, — неуверенно бормочу я.

— Ага, — подтверждает Тимон, — значит, смотри, у меня шкурку берёшь...

— Шкурку? — я, конечно, догадываюсь, что он имеет в виду, но лучше показаться дураком, чем быть им на самом деле. Мало ли что это значит.

— А, ну да, ты ж не в теме, — Тимон полностью поворачивается ко мне, — так, смотри, шкурка от меня включает в себя накладки на морду лица. Съёмные многоцветные, делаются индивидуально.

— Цена?

— Да погоди ты! Дальше: инфон, биография, личность. Накладки хорошие, с наноботами, как твоя причёска. Липнут как влитые, мама родная... не, ну врать не буду, мама отличит, а вот папа вряд ли.

Интересно, он специально издевается? Знает, что ли? Да пофиг!

— Цена?

— Триста пятьдесят. Гарантия год. Личность реальная, фактически мёртвая, а по документам — живая. Сечёшь?

Тратить почти все деньги ой как не хочется:

— А подешевле?

— Парень, ты не на рынке.

— Может, я чем-то могу быть полезен, чтобы скидку получить?

— Не, парень, я и так тебе следилку нашёл за счёт заведения и по доброте душевной. Будешь торговаться — добавлю стоимость этой услуги.

— Дай минуточку.

Что помешает ему взять деньги и кинуть меня? По сути — ничего. В полицию с такой жалобой не погрёшься, но мне просто негде и некогда искать другие способы получить эту самую "шкурку"! Придётся прикинуть, как повернуть всё задуманное в ограниченном бюджете. Хорошая бионическая кисть стоит под сотню, нормальная — полтинник. А у меня на всё про всё четыре сотни кредитов. При этом надо бы сохранить мою родную ладошку и

как-то жить в Нижнем Городе. Я горестно вздыхаю и выдаю решение:

— Не в бюджете.

Тимон надувает и так крупные губы и корчит обиженную морду.

— Я что, зря тут распинался? Окей, триста вперёд, пятьдесят в рассрочку, но скидки не будет, даже не надейся.

Если он меня кинет — я останусь без денег и без плана. Придётся возвращаться домой, не имея ни шанса, ни возможности оправдаться или искупить вину. Не хочу, чтобы отец всегда смотрел на меня с презрением.

А выбора по-прежнему нет. Скорее всего, я говорю с монополистом, не верю я, что такие услуги нужны часто и много. Да и выходов на других у меня даже близко нет. Придётся довериться этому странному человеку.

— По рукам.

Я протягиваю собеседнику ладонь, а по его словам, именно в ней следилка. Неловкое чувство, когда тебе сжимают руку, с которой ты уже мысленно попрощался.

Согласовав все нюансы, я перекидываю кредиты шестью частями в "миксер". Хотя что-то ожидаемое. Это Чиж мог взять десятку, оформив её как ремонт инфона, а крупные суммы слишком глупо переводить в открытую. "Миксер" — специальный сайт, оказывающий миллиард услуг. Не все из них существуют в реальности. Мои кредиты ушли в бездну, Тимон выведет оттуда совсем другие, "не мои" кредиты.

Через пару минут, получив деньги, мой поделщик просит посмотреть в камеру и обещает, что завтра всё будет готово.

Жму лопату-ладонь и выхожу из автомобиля. Хотел бы я знать, как сильно Тимон меня поймел, но услуга специфическая. Нельзя выйти в сеть и проверить предложения конкурентов, да и сомневаюсь я, что они у него есть. Надеюсь, он всего лишь заломил цену вдвое, и не исчезнет с моими деньгами.

Похоже, сегодня у меня первая ночь не под крышей дома. Хотя бы в Верхнем Городе. Здесь безопасно.

Я бросаю аэроборд и ловлю в полёте. Теперь я не могу позволить себе бездумно кататься по городу. Энергия стоит денег, домой я не вернусь, а значит, не смогу зарядить доску бесплатно.

Завтра мне предстоит отправиться в Нижний Город — трущобы, населённые людьми, которые не смогли найти нормальную работу или купить себе биологические "запчасти". Жители Верхнего Города боятся, что любой чип в любой бионической руке, ноге или даже ребре может быть подконтролен искусственному интеллекту. И, если его вдруг-таки не добились, то в следующий раз он может начать действовать не ядерным оружием, а руками людей, в которых есть металлические части. И не важно, что большую часть имплантов и протезов наострились делать без чипов вовсе. Ток проводят — значит, опасны, а то, что это лишь немного усиленные нервные импульсы — никого не убеждает.

Весьма суеверный страх, на мой взгляд, но и не сказать, что он полностью лишён оснований.

Чтобы избавиться от слежки и попасть в Нижний Город под чужой личиной, мне надо лишиться правой кисти, а чтобы вернуться в Верхний — неплохо бы её сохранить. С бионическим протезом меня не пустят, а жить с одной рукой я не согласен.

К решению таких задач жизнь меня не готовила. Я с силой кидаю доску, и она автоматически зависает в сантиметре от асфальта. Всё-таки надо прокатиться, чтобы

хорошенько подумать!

Чёрт возьми, как отрезать самому себе кисть со следилкой, да ещё и сохранить её на будущее?

Глава 3

Главное, чтобы Тимон меня не кинул. Уже одиннадцать утра, а он всё не звонит и не звонит.

Переночевав в самом дешёвом хостеле, я понял, что слишком погорячился, решив не возвращаться домой, пока не разберусь с тем, кто влез в инфон отца одновременно со мной. У меня хороший инфон и отличная доска, они протянут без зарядки до вечера, может, до завтра, но потом этот вопрос придётся решать.

Лучше сейчас, чем в Нижнем Городе. Да, я могу спокойно вернуться домой за подзарядками, сменной одеждой. У меня есть пара вещей, за которые можно выручить кое-какие деньги. Но взгляд отца, полный презрения, как бетонная стена преграждает мне путь назад. Не могу. Не хочу снова ощутить этот взгляд на себе. Уж лучше бомжевать в Нижнем Городе, чем чувствовать себя ничтожеством.

Я уже закупил рюкзак, смену белья, зарядки для всего и дешёвый внешний аккумулятор для инфона. Вроде бы не в лес иду, но всё равно неуютненько.

Я уже потихоньку начал разрабатывать план действий без фальшивой личности, когда получил сообщение от Тимона. Он написал, что ждёт меня у КПП через полчаса. Я прибыл на место чуть раньше и, подтвердив свои догадки, пошарил по городской сети в поисках ближайших камер. Я думал, в Верхнем Городе нет мёртвых зон. Оказывается, есть. Интересно, дорога, на который меня подобрал мой дилер личностей, тоже не просматривалась?

Через пару минут подкатывает знакомая мне огромная чёрная машина. Дверь приглашающе приоткрывается, и я покорно ныряю внутрь.

Ожидаемо, когда сделка уже свершилась — делец утратил добрую половину шарма и харизмы. Даже не протянув руку, он молча водрузил мне на колени небольшую сумку.

— Значит так, слушай внимательно, лучше запись включи, а то забудешь, — не пренебрегая советом, я моргаю, активируя запись звука на инфоне. — Накладки на морду — увидишь, поймёшь, ты вроде не дурак. Чуть-чуть изменят форму скул. Камеры и те, кто не рос вместе с оригиналом, тебя от него не отличат. Теперь ты Бросов Вадим, известный в узких кругах аэрогонщик. Он тусил в Верхнем Городе. В Нижнем знакомых быть не должно.

— Ясно, — бормочу я, чтобы хоть что-то сказать.

Тимон продолжает давать инструкции каким-то неестественным, слишком сухим для него языком. Где тот рубаха-дядька, которого я встретил вчера?

— Его инфон прилагается, в нём найдёшь общие сведения о твоей шкурке. В соцсетях игноришь всех, ну и вообще заходи, только если понадобится что-то сделать с аккаунта Вадима. Ну и сам понимаешь, если нарвёшься на близких друзей или у копов будет повод думать, что ты не тот, за кого себя выдаёшь — раскрутят тебя на раз, даже если биографию наизусть выучишь. Так что прям запариваться не советую, но по диагонали почти, чтоб совсем уж впросак не попасть.

— А если мне понадобится новая... шкурка?

— Ты за эту расплатиться не забудь.

— А её обратно сдать вариант?

— Шутишь? Я знать не хочу, что ты в ней сделаешь. По-твоему, я буду перепродавать использованный товар? Чтобы нового покупателя за твои дела повязали? Тебя в детстве не

роняли?

— Понял-понял.

Я уже собираюсь выйти, но Тимон кладёт мне в ладонь небольшой шарик. В его голос возвращаются вчерашние залихватские нотки:

— А теперь навязанная услуга. Будешь должен плюс пятьдесят кэсов.

— С чего бы? — я изображаю возмущение, но не похоже, чтобы он продавал мне кирпич.

— Это "зонтик".

— Что значит "зонтик"?

— То и значит, активировать, и будет вокруг тебя зонтик, который любую слезку заблочит и немного в сторону уведёт. Включать не под камерами. Работает полчаса. Используй с умом, что-то мне подсказывает, ты ещё придёшь с новыми заказами. Всё, дуй отсюда.

Каким-то магическим образом его благодушное вроде бы похлопывание по плечу выталкивает меня из авто. Через секунду чёрная машина скрывается из переулка.

Будка, шлагбаум и длинная лестница. Я начинаю медленно топтать по ступенькам. Вход в Нижний Город — свободный, а вот с выходом всё не так просто. В случае восстания машин в Верхнем не должно быть ни одного человека с аугментацией тела. Ведь тогда он сможет подобраться ко включателям ЭМИ-генераторов. Да, ответственный не будет один, но рисковать никто не хочет. Так что с железной кистью я не выйду, но поставить её придётся.

Делать что-либо, когда кто-то следит за тобой — глупо. Ввязываться в авантюру с одной рукой — тоже не очень умно. Тимону я даже не врал. Я ведь не говорил, что денег нет, я честно сказал, что распределение бюджета не позволяет мне закупиться у него без рассрочки. Оставшиеся кредиты уйдут на бионический протез.

Но где их ставят? Я пробегаюсь по сети. Неверный вопрос. Где их ставят, не делая записей? Что я вообще хочу найти? Никто не станет давать объявление типа: подпольная хирургия, отрежем и пришьём всё что хотите без смс и регистрации.

Если Верхний Город стремится выглядеть красиво, заполировать блестящее, побелить белое, подкрасить серое, а чёрное отделать рамочкой, то здесь, в Нижнем, никто не борется со ржавчиной, никто не моет улицы. Кажется, даже асфальт не латают.

Я оглядываюсь назад. Широкая лестница на крутой берег давным-давно пересохшей реки, а там наверху — красивые белые блестящие небоскрёбы. Там моя прошлая жизнь.

Глубоко вдыхаю и начинаю путь вперёд. Застройка здесь тоже не одноэтажная, но и высотками эти дома не назвать. Этажей двенадцать-шестнадцать. Вдоль узких улиц поднимаются стены из потемневших, почти обугленных кирпичей и серовато-чёрного бетона.

Я перешагиваю очередную лужу ивливаюсь в поток людей. Они так же спешат и суетятся, как муравьи или жители Верхнего Города, но мне кажется, на их одежде и лицах куда больше грязи, но меньше фальши. Возможно, это лишь иллюзия, но за первые пять минут меня дважды толкнули в плечо, но вместо извинений плюнули вслед и порекомендовали смотреть, куда пру.

Я не привык глядеть под ноги и уворачиваться от прущих навстречу людей. Мне казался узким тротуар, на котором две пары могли бы разойтись так, что между ними поместится

третья. Здесь же его с запасом перекроют три человека, вставшие плечом к плечу. А народа не сказать, что меньше.

По дороге в одном ряду со ржавыми машинами летит парень на борде. Выделенки, конечно же, нет. И всё же это лучше, чем толкаться в толпе. Я протискиваюсь на проезжую часть и отпускаю зажатый под мышкой аэроборд.

Автопилот предупреждает, что не рекомендует его использовать вне выделенных полос. Тупая программа, а настоящий ИИ разрабатывать нельзя, все боятся, что он человечество товокнет. Проверять автопилот я не рискую, двигаюсь на прямом управлении, посматривая по сторонам.

Фокусирую взгляд на вывеске с крестом. Аптека? Нет, именно то, что мне и нужно. Хирургия, импланты, протезы. Реклама обещает, что работа будет сделана быстро, дёшево и конфиденциально. Последний пункт меня особенно радует.

Двигаюсь прямо пару кварталов и сворачиваю в ближайший переулок, где, судя по картам, не должно быть камер. Надеюсь, их тут действительно нет. Запускаю программу сканирования на инфоне и окидываю взглядом всё пространство вокруг. Камеры и дроны не фиксируются. Как минимум открытого наблюдения здесь нет. Включаю "зонтик" и получаю сообщение: "Лимит использования — ноль, время работы двадцать девять минут пятьдесят девять секунд." И таймер тикает. Ну Тимон, ну сволочь. Такие бабки за одноразовый девайс!?

Поспешно нарезав немалый круг, возвращаюсь ко входу в клинику. Я торможу и с пешеходной скоростью лечу над тротуаром. В Верхнем Городе за такое мне бы запретили управлять даже обувью с колёсиками минимум на год, а здесь даже внимания никто не обращает.

Подбросив и поймав доску, я с усилием нажимаю на толстую, кажется, цельнолитую металлическую дверь. Она поддаётся нехотя, и я попадаю внутрь.

Внутри удобные кресла в количестве трёх штук. Светло и чисто. Я не пробыл в Нижнем Городе и получаса, но уже было начал думать, что здесь понятия "чисто" просто не существует.

Симпатичная молодая девушка в белом халате смотрит на меня внимательно, с ожиданием. Я, стараясь выглядеть непринуждённо, делаю четыре с половиной шага на деревянных ногах и плюхаюсь в кресло. Надо улыбнуться и представить, что я каждый день меняю родную привычную руку из ткани и костей на бионическую смесь металла, пластика и резины.

Девушка смотрит внимательно и ничего не говорит. Здесь так принято? Я ещё раз осматриваю видимую часть рецепсионистки, возвышающуюся над стойкой. Глаза блестящие, голубые. Волосы чёрные, но это точно не их родной цвет — такую черноту даёт только управляемое нанопокрывание, на моих такое же. Лицо чуть кругловатое и на фоне падающих на плечи волос кажется светлее, чем на самом деле. Она слегка сжимает чуть тёмно-алые губки и немного растягивает их в загадочной улыбке. Джоконда хренова. Тебя клиентов встречать-обработать не учили?

Спускаюсь взглядом ниже. Грудь изящно натягивает ткань халата, невольно вызывая вопрос, достаточно ли прочно держится пуговица в этом месте. Слева от сомнительной пуговицы красуется бейджик с именем "Даша". Ни фамилии, ни должности. Да ещё и не Дарья, а Даша. Хотя о чём это я? У девушек на ресепшене работа такая — выглядеть красиво и соблазнительно.

А ещё здороваться первой и спрашивать, зачем я им сюда деньги принёс. Неужели везде "внизу" такой сервис? У меня осталось двадцать восемь минут, а я тут жду, когда со мной заговорить изволят.

— Я читал, у вас тут всё конфиденциально? — я пытаюсь изобразить улыбку.

Даша обнажает зубки, такие же белые, как и почти всё здесь, и журчит бархатным голоском:

— Да, конечно, а что...

Э нет, милая, ты долго молчала, поэтому буду перебивать и задавать вопросы я:

— И нигде не регистрируется, кому и что поставили?

— Нигде, — девушка улыбается шире и, нагнувшись над стойкой, уточняет: — А вам что, собственно, поставить нужно, конфиденциально?

Её взгляд обжигающей молнией пробегает по моему торсу и останавливается явно ниже ремня.

Мне следует испытывать смущение? Вроде бы да. Надеваю на лицо неловкую улыбку. Теперь я должен доказать, что мужик ещё хоть куда, а то ведь точно примет за фрика.

— Конфиденциальность нужна не за тем... а по другим причинам. Я хочу заменить кисть правой руки на бионику.

— А-а, — в голосе девушки звучит чуточку наигранная нотка разочарования, — просто у нас вчера было новое поступление... интересных девайсов. Но бионические кисти тоже есть, но, мне кажется, у вас нет причин для операции?

Удивление в последней фразе, похоже, искреннее.

— Я думал, понятие конфиденциальности включает в себя отсутствие таких вопросов, — пытаюсь добавить в голос нотку металла, но она получается фальшивой и пищущей, — так что по ценам? Сколько стоит ампутация, сколько бионика?

— Отрезать это я и бесплатно могу, — девушка хищно улыбается, а я думаю о том, почему она говорит "я".

— А сохранить отрезанное можно?

— На память? — Даша явно не может понять, шучу я или всерьёз. Похоже, с такой просьбой к ней обращаются впервые.

— Нет, чтобы обратно пришить. Кстати, почём обратная процедура? Ну, снять бионику, пришить руку?

— Так, так. Давайте по порядку, — она наконец-то стала серьёзной, — значит, отрезать бесплатно, если ставить у нас. Установка тоже бесплатно, если протез покупается здесь. Цена на протезы...

— Разная, я понимаю. Допустим, "кервон" третьего поколения, — называю ей модель, которую нашёл вчера в сети. Судя по отзывам, она достаточно надёжна и хороша в сегменте ниже среднего.

— Кервон третьего будет стоить сорок пять. Сохранить родную кисть как долго надо?

— Понятия не имею.

Девушка задумывается на пару секунд, а меня начинает беспокоить то, что это выглядит так, будто она принимает решения сама. Если бы она писала сообщения — её зрачки двигались бы определённым образом. Лично я легко замечаю такое, но она просто закатывает глаза и думает. Ей совершенно точно нет и двадцати пяти лет, да я бы и двадцать не дал. Она же не может быть врачом... или может?

— Две тысячи в день. — Озвучив цену, она добавляет, как бы извиняясь, — не совсем

наш профиль.

— А можно отдать по профилю, чтобы подешевле?

— Наверняка, — взгляд Даши вновь становится игривым, — но конфиденциальность я гарантирую только в этих стенах. За других не ручаюсь.

Говорит так, будто я пришёл в клинику с брендом и именем, а это врачебный кабинет, судя по всему, на пару койко-мест. Зачем я вообще спрашиваю? У меня нет времени на торг. Я активировал антиследилку за бешеные бабки.

— Хорошо, я согласен. Мне нужен протез и хранение кисти, допустим, на пять дней. Организовать процедуру прямо сейчас возможно?

Сомневаюсь, что такие операции проводят с кондачка. Похоже, я спустил "зонтик" в трубу.

— Да, конечно. Сразу после оплаты.

— А долго ли длится операция?

— Не слишком.

Я хочу зарычать и потребовать точную цифру хотя бы в минутах, но вряд ли это пойдёт на пользу делу. Я и так потратил пять минут из тридцати. Да пофиг, у меня нет ни другой клиники, ни другого зонтика. Заставлять врача работать быстрее — собой не дорожить.

Оплатив счета тем же способом, что и фальшивую личность, я следую за Дашей в соседнюю комнату. Здесь будто бы ещё чище, скорее всего так кажется из-за света и белоснежного кафеля, которым тут не покрыт разве что потолок.

Я усаживаюсь на центральное приспособление в комнате. Эта штукавина напоминает нечто среднее между гинекологическим креслом и хирургическим столом.

Щёлк, щёлк, щёлк, щёлк. Быстрыми движениями девушка в белом халате фиксирует мои руки и ноги. Стол принимает полностью горизонтальное положение, а я чувствую себя, как распятая лягушка.

— А-а, доктор? — решаю я поинтересоваться, когда же появится тот, кто будет проводить операцию.

Оказывается, в таком положении голос сам собою становится робким и просящим.

— Я и есть доктор, — Даша широко улыбается. На миг пропав из поля зрения, она возвращается обратно уже в белой шапочке с красным крестиком, — так лучше?

Киваю. Деньги уплачены, руки ноги прикручены. Надеюсь, она не будет разбирать меня на органы? Кажется, я сбился со счёта безрассудных поступков за последние сутки. Я же всегда пытался рассчитать вероятность успеха, даже когда мяч в кольцо бросал. А тут что? Один раз ошибся и теперь действую наобум и, что самое удивительное, всё ещё жив!

Я чувствую укол около правого локтя.

— Не морщись, это не больно. Не любишь быть зафиксированным?

— Слегка неудобно, — даже знать не хочу, как ужасно выглядит та улыбка, которую я пытаюсь выдавить. Хорошо, что тут нет зеркала.

— Ты ведь спешишь? — я хочу сообразить, когда мы стали на "ты", а Даша продолжает монолог, — поэтому наркоз не полный. Обезболю только руку, и введу ещё кое-что, для успеха операции. Говори обо всех ощущениях, ладно?

О каких ещё нафиг ощущениях? Обезболивающее ведь подразумевает отсутствие ощущений? Я чувствую, как по венам разливается приятное тепло. Даша наклоняется, словно бы у меня на лице должно появиться описание происходящего мелким шрифтом, а она пытается его разглядеть.

— Жарко, — рапортую об ощущениях, раз уж так надо.

Возможно, при других обстоятельствах меня бы сильно заинтриговал тот факт, что она не носит лифчик. Но у меня осталось лишь двадцать минут, и я задаюсь вопросом: нарочно ли она мне это продемонстрировала? Я на всякий случай сверяюсь с картами и сайтом заведения. Врачебный кабинет, да и процедура установки протеза ничего подобного не подразумевает. А если она сумасшедшая? Убила врача, расчленила, запихнула в холодильник, а теперь вот играет с пациентами.

— Расслабься, а то ничего не получится, — улыбается девушка.

— Чего не получится?

— Ни-че-го, — мурлыкающим тоном отвечает Даша, — зажмурься.

Надеюсь, так надо. Или она просто опасается, что я впаду в истерику от вида своей отделённой части. Я покорно закрываю глаза и бормочу:

— Угу.

— Вот и славненько, — её пальчик скользит от моего плеча вниз по руке, но ближе к локтю я перестаю его ощущать, — в первый раз — всегда страшно.

В районе правого запястья становится теплее. Я же не должен ничего чувствовать?

— Ой, какая активная у тебя ладошка, нет-нет, глазки не открывай, тебе не понравится.

Сидеть в темноте и гадать, что происходит — занятие весьма неприятное. Я чувствую ладонь на груди. Надеюсь, это не та ладонь, которая уже должна быть отрезана.

— А можно?

— Да открывай.

Даша сидит на стуле, оперевшись ладонью в меня, и быстро-быстро двигает зрачками. Пальчики её левой руки в перчатке-манипуляторе будто бы играют мелодию на невидимом инструменте. Моя правая рука скрыта за целой стеной неведомых приспособлений. Если бы я не был распят на столе, то непременно захотел посмотреть, что там происходит.

Как минимум она не разбирает меня на органы, а судя по сосредоточенности, прекрасно знает, что делает. Насколько мне известно, протез требует ручной проверки для соединения мышц и нервов с датчиками протеза. То, что срез был сделан только что — значительно упрощает процесс, большую часть электронные мозги берут на себя, но проверка и доработка профессиональным хирургом — просто необходима. Зонтик надо мной будет открыт ещё пятнадцать минут, если судить по статьям из сети — операция-то стандартная. Может, она успеет её закончить вовремя?

Если бы я был врачом и, оперируя женщину, упёрся ладонью в грудь, а ногтями впился в кожу — однозначно получил бы иск за домогательство, однако Даша, мурлыкая себе под нос и используя меня как тумбочку, самозабвенно работает с протезом. Надеюсь, что с ним. Мне же не видно, что выводится ей на линзы перед глазами, но судя по движению головой, она произвольно пытается посмотреть на место стыка протеза и культы то с одной стороны, то с другой.

— Фигу покажи, — отстранённо командует моя врачевательница.

Время поджимает, я перебарываю желание задать вопрос, сжимаю в кулак все пальцы кроме среднего.

— Отлично, теперь пошевели каждым пальчиком по отдельности.

Выполняю команду безропотно.

— Хорошо, просто замечательно. Так, я пока выключила. Заживляйкой намазала, сшить тоже всё сшила. До завтра пользоваться нельзя и ещё с недельку осторожно.

— А-а, — я пытаюсь сообразить, какими словами корректно сказать ей, что сейчас не время лапать меня за грудь.

— Бэ-э, — возвращаясь к прежней ипостаси, дразнит Даша.

Три минуты осталось. Я слышу колокольчик входной двери. Этот звук заставляет девушку подпрыгнуть, будто её снизу укололи, и начать расщёлкивать крепления, которые фиксировали меня на столе.

— Уходи, быстро!

Она поворачивает руку ладонью вверх и разжимает пальцы. Этот жест означает, что она отправила мне сообщение. Его используют, когда хотят обменяться контактами, не привлекая внимания. Сообщение придёт на инфон, в направлении которого был сделан жест.

Продолжая не понимать, что происходит, я проделываю этот жест в обратном порядке — сжимаю пальцы левой руки в кулак и поворачиваю его вниз, что значит поймал. Правда, мой девайс не запрограммирован принимать сообщения таким образом, и я ловлю контакт как все нормальные люди — движениями зрачка.

Даша рывком дёргает халат — всё-таки эта пуговка держалась еле-еле. Не дав мне опомниться, она обнимает меня за талию и прям-таки тащит к двери.

— Это Фёдор Майколович, поздоровайся.

— Здравствуйте, — обращаюсь я к открывающейся двери.

В неё пыхтя протискивается седовласый дядька с одутловатым лицом, а Даша силой выталкивает меня из операционной и активными взмахами ладони требует валить, и побыстрее.

Голос девушки звучит так, будто на столе только что проводилась далеко не хирургическая операция:

— До скорого, Айджи!

Надеюсь, сообщение от неё всё прояснит. Я совершенно точно не называл здесь своё настоящее имя!

Глава 4

На улицу я вываливаюсь совершенно ошарашенный. Зато у меня осталось целых полторы минуты! Давлю на дверь и возвращаюсь внутрь. Нетронутая левая рука цапает аэроборд, и я выскакиваю обратно. Минута десять. Может, снять ограничения по высоте полёта? Нет, тогда меня точно по камерам найдут.

В глухом переулке за мной наблюдают лишь лежащий в грудке тряпья и картона старик и пара облезлых собак. Сомневаюсь, что кто-то из этой троицы ведёт видеофиксацию, но на всякий случай утыкаюсь в угол между стеной и контрфорсом древней многоэтажки.

Очень хочется узнать, что же мне написала Даша, но увы. Даю команду отключить инфон в последнюю секунду таймера. Я успел. Айдж исчез под "зонтиком" в одном переулке. Сейчас в другом появится Вадим Бросов. Я достаю из рюкзака сумочку. Две накладки на щёки и два "самострельных" микрошприца, а к ним инструкция. В каждую бровь. Выполняю нехитрую манипуляцию по протыканию кожи миниатюрными тубиками с иглами, жду указанные тридцать секунд и бросаю отработанные расходники обратно в сумку. Не буду рисковать и попытаюсь утилизировать их более надёжно.

Активирую и кладу в карман браслет инфона моей новой личности. Ещё сутки предстоит жить с одной рукой, неудобно. Застегнуть браслет левой на левом же запястье задача нетривиальная, а правую я трогать не хочу. Линзу-экран моего прежнего девайса из левого глаза приходится просто бросить в рюкзак и установить на её место аналог, подходящий к модели инфона новой личности.

Вот и всё, хотел бы я взглянуть на себя в зеркало, но такой возможности у меня нет. Я аккуратно ощупываю лицо, и правда не родное. Как минимум ничего не болтается, не выпирает. Накладки сидят, как влитые, даже на ощупь от кожи не отличить.

Прыгаю на борд и уношусь прочь от старика с собаками. Надеюсь, он ничего не видел.

Я должен найти ту самую Никки. Она влезла в телефон отца и всё испортила! Из-за неё я спалился, из-за неё не могу вернуться домой! Подкручиваю доску и делаю хитрый горизонтальный флип. Я же вроде как аэрогонщик. Вылетаю из переулка на дорогу и замираю. Понятия не имею, что делать дальше. Обвинять во всём эту самую Никки, которую я даже в глаза не видел — очень и очень глупое занятие. Мне искать её надо, а не материть мысленно.

Ещё эта девчонка в белом халате — Даша. Откуда она знает моё имя? Перебираю всех Даш, которых когда-либо видел. Если бы люди с возрастом не менялись — я бы её узнал. Память у меня почти фотографическая. Если человек не изменился — я узнаю его через любое время, но как сопоставлять детские лица со взрослыми, в которых выросли их обладатели — ускользает от моего понимания. Хорни-докторница не бьётся ни с кем из прошлого. К тому же она и не врач, но в сети пишут, что после такой операции протез и правда нельзя использовать сутки. Я даже не могу проверить, работает он или нет.

Проблемы надо решать по мере поступления. Моя биологическая рука со следилкой сегодня точно не понадобится, значит, о том, как её возвращать, подумаю завтра. Я ищу на карте клуб, в котором танцует Никки. Откроется он вечером, у меня куча времени.

Запах кофе, мяса и выпечки напоминает, что сегодня я ещё не ел. Как приличный человек, я спрыгиваю с аэроборда перед входом в кафе и открываю дверь. Под подошвой что-то хрустит. Я захожу внутрь, внимательно глядя под ноги. Массового исхода тараканов

нет, это был одинокий любитель экстрима от мира насекомых. Он рванул в прекрасное далёко среди бела дня и умер под моим кроссовком, кого-то он мне напоминает.

Сажусь за дальний столик и подключаюсь к сети кафешки, пытаюсь оценить степень антисанитарии. В Верхнем Городе такое заведение и дня бы не проработало, но я сомневаюсь, что найду другое. Хотя даже здесь могут навести чистоту — во врачебном кабинете Даши всё так блестело, что возникало ощущение стерильности.

Ожидая, когда же мне принесут кофе с бутербродом, я пробегаюсь по новостным сайтам Верхнего Города. Не ищут ли меня, случаем? Всё же отец мелькает в новостях раз пять за год, не меньше. Рано или поздно моё исчезновение вызовет вопросы.

Про меня ни слова, про отца тоже. Во всех заголовках мелькает наш правитель-самодержец, всенародно любимый и вновь переизбранный мэр Эйкван. Он как обычно вещает об угрозе ужасного ИИ, который пытался уничтожить человечество и попытается сделать это вновь. А значит, мы должны сплотиться, а чтобы лучше сплотиться, надо усилить контроль за носимыми девайсами, за аугментации тела в верхнем городе ввести смертную казнь, а главное, запретить разработку нейронок шестнадцатого поколения.

Старый идиот, даже двадцать третье поколение, которое существовало перед ядерной катастрофой, не позволяло спроектировать полноценный ИИ. Сетки шестнадцатого годятся только для расчёта маршрута по картам и управления кофемашиной. Интересно, за него хоть кто-то голосовал?

До вечера я изучаю сеть Нижнего Города. Полезного мало, но кое-что всё-таки есть. Во-первых, Никки, с устройства которой ломились на инфон отца, существует в реальности. Я засёк её на камерах перед клубом. Во-вторых, она явно что-то скрывает, иначе бы я смог отследить её путь до дома по камерам. Не верю я, что она всегда случайно терялась в мёртвых зонах. Как минимум, это живой человек.

Ещё мне удаётся найти дыру в сервисе такси Нижнего Города, и в голове начинает зреть довольно глупый план. Только большая часть расчёта в моей задумке базируется на удаче, а называть такое планом — нельзя. Но другого у меня нет.

В восемь вечера я нахожу самый дешёвый хостел в пяти минутах от ночного клуба и заваливаюсь спать до полуночи. Точнее, пытаюсь это сделать, но сон не идёт. Я надеюсь найти хоть какой-то более рациональный способ втереться в доверие к зеленоволосой незнакомке, но всё, что приходит на ум — это прийти в клуб как посетитель и попытаться подкатить к танцовщице. Уверен, что в лучшем случае у меня ничего не выйдет, а в худшем — я потеряю все прочие возможности завязать знакомство.

Заняв позицию напротив служебного входа, я жду. К двум часам ночи мне удаётся взломать камеры клуба. В отличие от городских, которые может посмотреть любой желающий, доступ к ним ограничен, но не слишком-то защищён.

Сцена пуста. Я упустил её? Надеюсь, что нет, лезу в сервис такси и создаю полсотни фальшивых заказов на другом конце города. Завтра эту лазейку закроют, но не страшно — придумаю новый план. Сейчас всё равно нет идей получше.

Если, выйдя на улицу, она запрыгнет в машину — у меня не будет ни шанса, а вот если машин не окажется — появится окошко возможностей. А вот и Никки. Смуглая зеленоволосая девица с нагловатым взглядом. Одета просто: в обтягивающие кожаные штаны и джинсовую куртку. Судя по мимике, она матерится сквозь зубы. Прекрасно её понимаю — никто не ожидает, что придётся ждать машину в такое время. Далёко не час пик. Каким бы глупым ни казался план, если это работает — это не глупо!

Как подойти к девушке, с которой на работе пытаются познакомиться все кому не лень? Да ещё и сразу после трудового дня? Сколько там шкурке моей фальшивой личности? Двадцать один. Уже не так плохо. Настоящего меня она отшила бы точно, ведь я младше на два года. А вот аэрогонщик из Верхнего Города имеет какие-никакие шансы. Надеюсь, накладки от Тимона старят меня на необходимые три года. Очень надеюсь. Я переступаю ограждение и начинаю переходить пустую дорогу. Ночной город гудит бесконечной какофонией звуков, клуб бухает чётким ритмом электронной музыки.

Тёмный переулок, на который выходит служебный вход, притягивает не только меня. Пока посреди проезжей части я размышляю о том, как бы мне подойти к той, кто мне нужен, три типа весьма стрёмного вида не утруждают себя сложными рассуждениями.

Длинный, лысый и толстяк обступили Никки и, посмеиваясь, что-то ей затирают. Проблема или шанс? Неважно, я должен превратить проблему в возможность!

Я и с двумя-то руками не боец. Одолеть трёх утырков, не используя физическую силу — неразрешимая задача. Придётся делать невозможное. Единственное, что я умею — это быстро искать информацию.

В любом случае я не могу игнорировать происходящее. Ладно изнасиловать, но её могут убить, а тогда оборвётся моя единственная ниточка.

О каждом из моих противников просто гора информации, а я вместо того, чтобы её изучать, думаю о том, что про Никки в сети я не нашёл, считай, ничего. Только место работы. Пятнадцать секунд на каждого, чтобы выбрать удачные видео, цитаты, слова. Мне приходится плестись с черепашьей скоростью, чтобы найти решение головоломки.

Толстяк прижимает мою цель к стенке, прямо сейчас её точно не убьют. Пока разденут, пока потискают — я успею что-нибудь придумать. От этого не умирают. Когда до неприятелей остаётся десять шагов, меня замечает лысый и становится в стойку. Я уже знаю, что он боксёр. Длинный суёт руку в карман. Будь у меня час времени — я бы знал, что у него там, но выяснить такое за секунды невозможно.

Говорят, я неплохо подражаю голосам, если не получится — прыгну на борд и свалю. Зачем бы эта зеленоволосая стерва ни лазила в инфон отца, это не стоит моей жизни. Быстро прокручиваю на линзе-экране удачное видео, которое я нашёл на первого из троицы:

— Что, я говорил, сделаю с тобой, когда узнаю, что ты бил девочек? — медленно и презрительно произношу я.

Мой тон, моя интонация и построение фразы — всё должно напомнить его тренера. Ужасно, отвратительно принимать решения с шансом на успех меньше девяноста процентов, а сейчас так и вовсе меньше пятидесяти.

— Так я не бил! — на автомате отвечает опешивший боксёр.

— Ерик, сколько раз я тебе говорила — ножик детям не игрушка, — быстро тараторю я, не обращая внимания на ответ.

Я вовсе не рассчитываю, что лысый примет меня за свою бабушку, мне нужно лишь замешательство, ведь он уже достал нож. Если Даша неправильно присоединила протез — я труп. Активирую бионическую конечность и хватаю лезвие и бью коленом в пах. Надеяться справиться только словами было совсем уж наивно. Надеюсь, меня не посадят за нападение на трёх таких благопристойных джентльменов?

— Эй ты, — толстяк уже отпустил девушку и обернулся ко мне, — эти двое поспорили на косарь, что ты девку трахнуть не сможешь. Пузо не позволит.

Этой кличкой его не дразнили уже несколько лет, но он помнит, кто это делал.

Конечно, я нагло вру. Я перекидываю нож в пухлую потную ладонь и легонько подталкиваю гору сала к его товарищам.

Встречаюсь взглядом с Никки. Я хотел быть рыцарем на белом коне, а вот нифига! В изумрудных глазах усталость, злость и ни капли страха. Похоже, у неё был свой план. Отступать поздно.

Вот он — момент истины: хватаю Никки за руку и тащу прочь. По моим прикидкам, у нас есть секунд десять, пока те двое убедят толстого тормоза, что ничего о нём не говорили.

Шаг, второй и перехожу на бег. Девушка следует за мной, как привязанная. Первый поворот, за ним ещё один. Я понимаю, что понятия не имею, как поступить дальше! Представиться? Флиртовать? Попробовать удалиться с гордым видом безымянного рыцаря и надеяться, что она меня окликнет?

Рационально, последний вариант имеет чуть больше шансов на успех. Не верю я в своё обаяние, но полагаться на удачу не могу тем более. Я чувствую, как Никки пытается замедлиться и вытянуть свою ладонь из моей. Дальше откладывать нельзя.

Я останавливаюсь и внимательно смотрю по сторонам. Погони нет, надеюсь, те придурки перерезали друг друга. Отпускаю её ладонь и хочу протянуть руку для рукопожатия, по привычке правую.

— Вадим, — я отдёргиваю протез и протягиваю левую.

Как непривычно представляться чужим именем. А ещё, за целый день стоило бы узнать, как тут принято у железячников. Может наоборот надо бионическую конечность подавать в знак расположения?

Девушка оглядывается так же, как и я, убеждаясь в нашей относительной безопасности, а затем сканирует меня с макушки до пяток придирчивым взглядом. Ещё днём я сменил цвет волос на чёрный, а причёске придал вид залихватских вихров. Как выглядит моё лицо — я понятия не имею. Куртка серая, штаны на мне, ширинка не расстёгнута, даже борд в суматохе не потерял — он под мышкой. Хочется верить, что я выгляжу в её глазах хотя бы не отвратно.

— Вероника, — она уверенно пожимает мою ладонь.

Весь мой план, который я построил, пока бежал, базировался на том, что я аки рыцарь спасаю испуганную деву. Я знаю о ней почти ничего, но кое-что из профиля в сети вытащить удалось. Для приятелей она "Ника", для друзей — "Никки" а мне, значит, полным именем называешься? Ничего, это во много раз лучше, чем "пошёл нахер" — как для большинства желающих познакомиться.

Вроде бы познакомились, а дальше что? Знал бы, что понадобится — наработывал бы навык флирта годами. Почему я думаю про флирт? Не сказал бы, что она мне нравится. Более того — она либо враг, либо беспечная дурочка, позволившая воспользоваться своим инфоном. Я туплю уже три секунды. Надо что-то сказать:

— Могу подвезти, — я глуповато улыбаюсь и бросаю борд.

Доска замирает в воздухе над асфальтом, а я на одеревеневших вдруг ногах становлюсь на неё. Никки измеряет меня взглядом ещё раз. Она что, рассчитывает определить мои способности по форме ушей?

— Да я и сама...

Перебивать невежливо, но если я позволю ей свалить в закат, точнее уже в рассвет, то все старания падут прахом. В конце концов, не зря же я учил биографию моей шкурки:

— Я профи, ну как профи, третье место в аэрополе на среднем кольце, не зря же тебя

спас... — я запинаяюсь, она уверена, что справилась бы сама, приходится выкручиваться и заменить слово "спасал" другим, — выручал.

Слова надо подбирать точно, выручать — это совсем не спасать, это так, мелкая услуга. Надеюсь, я спас её гордость словесным реверансом.

После секундного колебания Никки становится позади меня. Её руки как тяжёлый ремень сцепляются у меня на талии. Я жду пару секунд, не двигаясь с места, и, поняв, что адрес сообщать она не собирается, спрашиваю:

— Куда едем?

— Я опасалась, что ты молча повезёшь меня к себе, — в её голосе я слышу усмешку, а в ней спадающее напряжение, словно кто-то быстро-быстро ослабляет натянутую струну.

Уверен, что если бы я повёз её к себе не спросив, она бы скинула меня с доски. Но теперь она расслабилась и успокоилась, можно быть понаглее:

— Я бы так и сделал, но мне просто некуда тебя везти, так что говори адрес.

— Ты же не думаешь, что я настолько дура, чтобы сказать первому встречному, где живу?

Голограмм-кафе "Тихий омут" невольно заставляет задуматься, какие черти ждут меня внутри. Хотя, название мне нравится. Я внимательно смотрю на иллюзию бегущего водопада, в которой то и дело проступает дверь. Максимум на что я рассчитывал — это получить контакт для связи, ведь открытый профиль в сети не подразумевает возможность ей написать. Но она зовёт меня в неизвестное заведение. Вот так сразу? Я же вёл себя как придурок, или ей нравятся такие?

— Не думал, что ты потащишь меня на свидание... сразу, — растягиваю губы, чтобы она не решила, будто я это всерьёз.

— А это и не свидание, у меня к тебе дело.

Никки берёт меня за руку и ведёт внутрь. Я, конечно, не против, но она даже не захотела узнать, что я об этом думаю. Проскользнув сквозь несуществующий водопад, я оказываюсь будто в другом мире. Мы будто бы пробираемся по лесным тропинкам и выходим на крохотную полянку. На самом деле мы прошли по длинному узкому коридору и попали в небольшую комнату. Мне это понятно потому, что я прекрасно знаю, где нахожусь, тот, кто не встречал голограмм вовсе — легко бы поверил, что перенёсся в настоящий лес. Хорошая графика.

Столик на четверых, стилизованный под поделку неаккуратного столяра. Мы садимся друг напротив друга. Никки быстро двигает зрачками, вероятно делая заказ. Однозначно, она здесь не впервые. Интересно, что она мне предложит?

Меньше чем через минуту иллюзию немного нарушает открывающаяся дверь. Голографический движок пытается стилизовать её под раздвигающиеся ветки, но с движущимися предметами выходит не идеально.

Внутрь входит белокурая официантка, её белое как снег каре не собьёт меня с толку — это та самая Даша. Дразняще покачивая бёдрами, она подплывает к столику и ставит поднос рядом с моей правой рукой. Её взгляд останавливается на протезе. Не знаю, как сильно изменилось моё лицо благодаря накладкам, но ни один врач не забудет культу, которую оперировал, особенно если с тех пор не прошло и суток. Её бинт, её узелок, едва заметный след укола — и это только то, что вижу я, уверен, она замечает больше.

Её лицо сменяют эмоции одна за другой: замешательство, удивление, радость.

— Ай... — начинает она называть моё имя.

— Ага-а! — резко перебиваю её и вскакиваю с места. — Узнала меня? Я Вадим, Бросов. Может, ролики со мной видела? Вот я тебя точно помню! Но не помню, откуда помню. Где же я тебя видел? Ты ведь... Да... Дана? Дарина? Нет...

Отчаянно подмигивая левым глазом, я боюсь останавливаться. Если она назовёт моё настоящее имя — всему конец.

— Э-э-э, — мычит она в ответ.

Нельзя дать ей заговорить.

— Даша, вспомнил, вспомнил! Я протез поставил, только сегодня, из-за него не узнаёшь, да?

— Узнаю, отчего же, — бормочет она довольно рассеяно.

Нельзя дать ей опомниться и сказать что-то осмысленное. Никки и так смотрит слишком внимательно и подозрительно. Никки здесь совсем не первый раз и вряд ли второй-

третий. Скорее всего, это её любимое заведение. Как близко они знакомы с Дашей? Сдаст ли меня эта озабоченная докторица-официантка? Как вообще может быть так, чтобы утром она была там, а вечером тут, да ещё и в разных ипостасях?

— Белка, откуда ты его знаешь? — в голосе Никки чувствуется напряжение. Только что она с улыбкой звала меня обсудить некое дело и была совершенно спокойна, а теперь стреляет глазами, как настороженный зверь.

Белка? Утром была "Чёрка", правда, я и сам сменил цвет волос, благо могу позволить себе нанопокрытие. Но в Нижнем Городе, как я слышал, волосы обычно красят по старинке — краской.

— Да был один момент, — продолжает мямлить Даша.

Это надо срочно прекращать! Я делаю жест отправки сообщения и скидываю официантке-докторице визитку шкурки. Во всём есть плюсы — не придётся искать способ зайти на свой аккаунт.

— Надо обязательно созвониться, — тяну лыбу до ушей.

Вроде бы всё сделал правильно, но моё волнение не осталось незамеченным. Надеюсь, Даша уйдёт и я наконец-то узнаю, чего от меня хочет та, из-за кого я всё это затеял.

— Белка, клиентов нет? — живо спрашивает Никки.

— Да кто, кроме тебя, мог прийти в такое время?

Они неплохо знакомы, лучше, чем я предполагал. Хочется убежать, но я пытаюсь выглядеть непринуждённо. Вряд ли у меня хорошо получается.

— Садись к нам, раз ты его знаешь.

— А ты что затеяла? — Даша, которую Никки называет Белкой, любопытно сверкает глазами.

— Сейчас поймёшь, заодно и твоё мнение послушаем.

— О как, с каких пор моё мнение спрашивают?

— Белка, — Ники устало вздыхает и раздражённо бубнит, — просто принеси себе кружку и Упыря позови.

Я перестаю понимать, что происходит. Куда я попал, чего от меня хотят? Очень хочется свалить подальше, но второго шанса у меня точно не будет.

Официантка выходит из комнаты-поляны, а моя собеседница задаёт вопрос:

— Ты ведь не только информацию о людях умеешь искать со скоростью звука?

— Допустим.

— А что ещё умеешь?

Я отвечаю уклончиво:

— Я, может быть, много чего умею, а что нужно?

Не хочется выкладывать карты на стол до того, как объявлены правила игры. Во взгляде Никки читается уважительное недовольство. Мне казалось, она хочет нанять меня на работу, а теперь я в этом уверен и, плюс к тому, понимаю, что ей нужен для этого не полный идиот. Не уверен, что я прохожу по последнему критерию. Оттяпать себе руку и оказаться в непонятном месте в компании сумасбродной Даши, которая неизвестно что может выкинуть.

Дверь открывается, ломая иллюзию веток. Внутри вваливается всё та же белокурая официантка. В руках у неё три кружки пива, а если судить блеску в глазах и румянцу на щеках, внутри ещё одна как минимум.

— Бе-елка, — тянет Никки, откидываясь на спинку лавки и закатывая глаза, — одну

кружку, себе. И не пива же.

— А это всё мне! И не буду я пить эту горькую чёрную жижу!

— Ладно, Упырь поднимется? — на последнем слове она осекается, оно явно было лишним.

Я облегчённо выдыхаю. Если она ошибается, то можно как-нибудь выкрутиться. Людей, которые всегда говорят точно, правильно и не допускают просчётов, я разумно опасуюсь.

— Сказал, чтобы ты написала, зачем он тебе нужен в четыре часа утра.

— Да пошли вы все, — почти беззлобно рычит Никки и поворачивает голову ко мне, — Вадим, ты любишь узнавать чужие секреты?

— Допустим, — цежу ей в ответ, пытаюсь изобразить лишь лёгкую заинтересованность.

Ещё как люблю. Из-за этой любви я тут сижу с железной рукой в компании пьяной докторицы-нимфоманки и подозрительной танцовщицы. Если бы не моё любопытство — я бы дома десятый сон смотрел.

— И деньги тебе наверняка нужны, — почти утвердительно продолжает моя, теперь уже совершенно точно, нанимательница.

— Ещё как!

Я вполне искренен. Деньги мне нужны, но есть нюанс, нужны они для того, чтобы дотянуться до её инфона и отдать долги, в которые я влез, чтобы оказаться здесь и сейчас. Только тут до меня доходит вся соль ситуации. Если бы я верил в судьбу — непременно сказал бы, что она играет со мной презабавнейшую шутку. Только мне не смешно ни капельки.

— Вот и славненько. Мы с товарищами очень хотим узнать, чем на самом деле занимается институт изучения и противодействия, ха-ха, ИИ.

В котором работает мой отец, мысленно добавляю я. Кое-что начинает проясняться. Теперь я на сто процентов уверен, что Никки напрямую причастна ко взлому папиного инфона.

— В смысле на самом деле? — я даже слегка подаюсь назад от недоумения. В названии же всё сказано, и так понятно, чем он занимается.

— А если они не ищут ИИ, не исследуют, как от него защититься, а создают его?

— Зачем? Они все хотят массово самоубиться? — спрашиваю я с ещё большим недоумением.

Неужели они всерьёз верят, что после ядерной катастрофы, когда всё ядерное оружие в мире жахнуло, кто-то захочет заниматься таким?

— Факты, Вадим, факты, — наконец-то она называет меня по имени. Фальшивому имени.

— Какие? Почему бы не выложить их в сеть?

— Не всё так просто, — Никки морщит нос, — улики косвенные, сейчас мы ничего не можем доказать. Шатнуть целый институт чистеньких, который по-любому связан с властью, с мэром — тут нужно что-то серьёзное!

Чистеньких, вот, значит, как в Нижнем Городе зовут обитателей Верхнего.

За стол плюхается человек, и я сразу догадываюсь, каким прозвищем его здесь называют. Лысая голова, длинное лицо, круги под глазами, красные зрачки. Не удивлюсь, если зубы острые. Как есть — Упырь. Он подслеповато щурится и протягивает руку, едва не опрокинув одну из Дашиных кружек.

— Константин.

Я жму ладонь по привычке правой рукой. Ощущения от протеза необычные. Когда я выхватывал нож, некогда было задуматься, как воспринимается обратная связь от железной руки. На самом деле железа там кот наплакал. В основном композитные пластики, резина. Покрашена, конечно, под металл — закон есть закон, искусственные части должны хорошо отличаться от естественных. Интересно, распространяется ли эта норма, например, на бионическое сердце?

— Так вот, ты желаешь поучаствовать? — дождавшись окончания ритуалов спрашивает Никки.

— Предположим, мне любопытно, — обращаюсь к будущей нанимательнице, ведь я всё равно не знаю, зачем здесь этот... Упырь.

Да я заживо горю от интереса, я готов прыгать и пищать от счастья! Я хочу знать, что скрывает отец, что затеяли эти люди, хочу знать всё! Только бы не выдать себя.

— Возвращаясь к тому, с чего начали, — деловым тоном продолжает Никки, — ты только искать инфу умеешь или выковыривать тоже?

Выковыривать... чего? Ну и слово. Они так хакинг называют?

— Допустим, — я изображаю меланхоличность слишком усердно.

— Э нет, Ай... — размазанным пьяным голосом квакает Даша, — Вадим, тут надо без допустим! Ик!

Она ж меня выдаст с потрохами, и не потому, что сволочь, а потому, что дура! Уже две кружки ухрюкала. Отвратительно.

— Хорошо, только искать скучно, выковыривать тоже умею, — я должен в это вписаться любой ценой.

Тихий хриплый голос упыря придаёт ему ещё больше сходства с существом, в честь которого его назвали:

— А меня ты позвала проверить качество того, кем меня же заменяешь?

— Ты же отказался работать! — Никки почти кричит и отхлёбывает свой подостывший кофе.

— Мне надо найти ту гниду, иначе страшно. Нельзя работать в таких условиях!

— А ничего, что я тут? — встречаю я, пытаюсь намекнуть, что ничего не понимаю.

— Да просто наш самый крутой хакер встретил рыбу зубастее, чем он, в три раза! — хихикает Даша. — Ты бы видел его рожу, когда его чуть не высекли.

Она стучает по столу опустошённой кружкой и икает.

— Говорю тебе, это не человек, — Упырь вставляет пару невнятных матерных слов, и чуть переведя участвовавшее дыхание, продолжает, — я работал по алгоритму, который допилил в тот день. Первый и единственный раз по нему работал. Никто не мог написать код за секунду. Он спалил Нику! Он почти вышел на меня!

Никто не мог, а я смог. Бинго! Всё было не зря! Вот он — тот загадочный хакер, за которым я сюда пришёл. Я его поймал, сижу прямо напротив него. Я же сейчас не улыбнулся? Надеюсь, что нет, иначе мне крышка. Кажется, я чуть погорячился. Найти-то я его нашёл, а насчёт поймал — не скажи. Я просто знаю его в лицо и по месту, а дальше что? Придти к отцу и сказать: пап, я нашёл того самого "упыря", который влез на твой инфон вместе со мной? И чем ему это поможет? Зачем этим людям понадобилось копать данные моего отца?

— Ой, достали вы с Тэном, — хрипло шипит Упырь, — спешите. Хочешь ещё человека — давай я его проверю. Лови.

Он оборачивается ко мне, шлёт приглашение к диалогу и открывает пару файлов. Я проверяю обычные уязвимости. Потом необычные. Потом потенциальные. Нет из файлов никаких выходов на систему инфона. Не проскользнуть. Но он ведь смог влезть в аппарат отца, значит, это возможно.

— По-простому не выйдет, надо подумать.

— Думай, — хрипит с ухмылкой Упырь.

Я размышляю над задачей пять минут. Пробую так и эдак. Есть три пути решения, все их надо пробовать, но меня что-то останавливает. Чую ловушку, но не совсем пойму, в чём она заключается.

— А ты сам за сколько бы вскрыл такое? — интересуюсь я.

— Теперь-то за минуту, — самодовольно отвечает он, а потом, нахмурившись, добавляет, — правда, способ год искал.

— Ты хочешь, чтобы и я год ковырялся? — я изображаю гнев. — Кстати, там ещё что-то про деньги было.

— Эх ты, — в голосе Никки звучит укоризна и лёгкое разочарование, — а я-то надеялась, ты за идею.

— Можно и за идею, — поспешно отвечаю я, — да только у меня есть... обязательства, финансовые.

— Ладно, ладно, разберёмся. О деньгах поговорим, когда Костя подтвердит, что ты шарить.

— Через год?

— Тише-тише, — шипит Упырь, — ладно, давай попроще.

Я по-прежнему внимательно смотрю на данные в линзе инфона моей шкурки. Открывается хитрая уязвимость, которая позволяет прокрасться в гаджет вместе с откликом о скачке файла.

Яростно вращаю зрачками, делая вид, что работаю, но я уже знаю решение, я мог вскрыть инфон раньше, чем он дохрипел слово "попроще". Но тогда он точно поймёт, с кем имел дело позавчера.

Спустя минуту изображаю улыбку и проворачиваю трюк. А за стеной стена, внутрь я зашёл, но тут только файл с названием "открой меня"

— Возьми с полки пирожок, понюхай и положи на место, — декламирую вслух единственную фразу, которая нашлась в файле.

Упырь уважительно крякает и выносит вердикт:

— Он справится, а я пошёл. Мне надо найти того мудака, который меня чуть не это...

Не могу сдержать самодовольную ухмылку. Переиграл и уничтожил, он даже не представляет, насколько я впереди.

— Белку заberi, — командует Никки.

Отмечаю, что она тут не на последнем месте в иерархии.

— Я! Ик! Не! Ик!

Даша отчаянно заливает в себя остатки последней кружки несмотря на то, что Упырь с кислой мордой пытается водрузить её на ноги.

— Весёлая у вас компания.

Никки разводит руками и закатывает глаза:

— Выбирать особо не из кого. Теперь хоть ты будешь, на человека похожий.

— Я ещё не соглашался.

Нельзя же так просто, а то будет слишком подозрительно.

— А я ещё и не предлагала, — зловредно бурчит моя нанимательница.

— Так что к чему и что почём?

— Завтра будем брать шишку и терморектальным методом узнавать имена, пароли, явки. А ты уже с паролями полезешь поглубже и скачаешь всё, что можно. Как тебе?

— С этого стоило бы начать, — не очень хочется подписываться на бандитизм, выиграю капельку времени на подумать, — Что за шишка?

— Самая главная, конечно, — Никки хищно улыбается, — Рудый Павел Викторович. Директор этой богадельни.

И мой отец. Едва не подавившись, я проглатываю кофе.

— Что по деньгам?

— Пятьдесят.

— Сто, — парирую я.

На самом деле я готов приплатить за участие в этом деле, но если соглашусь сразу — будет слишком подозрительно. Всё началось с того, что я хотел узнать секреты отца, и раз уж всё так обернулось...

— Пятьдесят пять.

— Сто десять.

— Эй, — Никки почему-то улыбается, — так не торгуются!

— Ладно, двести.

— Восемьдесят, и я не спрашиваю, что у тебя с Белкой.

Дилемма всех дилемм. Соглашусь, и станет ясно, что-то есть. Откажусь — она ведь спросит. Возможно, у неё, возможно, не дожидаясь, пока та протрезвеет.

— По рукам, — я протягиваю протез через стол.

Кажется, я что-то упустил. Разговор как-то съехал с темы про доказательства, но это не всё. Точно, Даша! Она же может меня сдать, надо придумать, что с ней делать.

Только что я думал, что поймал их. Внедрился в организацию, которая замыслила что-то против отца, но Даша — часть этой организации. И она знает, кто я на самом деле, знает, что я сын их цели. Почему она не выдала меня? Но она успела приговорить три кружки пива быстрее, чем я кофе допил. Почему вообще официантка пьёт на рабочем месте? Я уже было открываю рот, чтобы спросить об этом у Никки, но слова замирают в горле. Мы только что сторговались на том, что она не спрашивает у меня про Дашу. С моей стороны такого обещания не было. Да нет, если не спрошу — будет ещё страннее. Надо свалить отсюда и хорошенько всё обдумать.

— А ты куда меня привела? Если бы это было моё кафе, то такую официантку я бы... то такой официантки бы тут не было. Я это... без претензий, я рад её видеть, просто... странно!

— А забей, — наконец-то из голоса Никки пропадает напряжение, — Белка всегда такая. Все привыкли. Да и официантка из неё, как из меня танцовщица.

Я вопросительно приподнимаю бровь.

— Ой, вот не надо, а! Если ты знал, сумел на ходу нарыть подноготную на тех типов, которые ко мне пристали, то уж открытую информацию обо мне выдернул до того, как мы сюда пришли.

— Да, собственно, клуб, рядом с которым мы встретились — это всё, что есть про тебя в сети. Ну, имя, фото, и всё. По правде говоря, я не знаю, какая из тебя танцовщица.

— Теперь знаешь, я же сказала, такая же, как Белка официантка.

Хочется спросить, почему Дашу зовут Белкой, но так я усложню всё ещё больше. Сейчас всё выглядит так, будто мы с Дашей старые знакомые, вдруг не знать причину её прозвища невозможно?

Надо валить отсюда и хорошенько всё обдумать. Если я расскажу отцу, что на него охотятся, он ведь меня простит? Не уверен. А если эта банда его до смерти запытает, прощу ли я себя? Определённо со мной что-то не так, ведь сам факт пыток меня не особо беспокоит. Я знаю, что так быть не должно. Нормальные люди сопереживают, сочувствуют, а у меня с этим как-то туго.

— Уже задумался, а не зря ли в это вписался?

— Да нет, пытался сообразить, где заночевать, — отвечаю я, всё ещё размышляя о своих эмоциях.

— Падай здесь.

Да что со мной сегодня не так? Я же умел рассчитывать диалог на пять фраз вперёд? Зачем я это сказал? Я ж свалить хотел, а теперь и не отвертись!

— Да падай здесь, — благодушно разрешает Никки.

— Прямо здесь? — пытаюсь отшутиться, хоть и понимаю, что это не поможет. — Сомневаюсь, что голограмма травы довольно мягкая.

Я провожу ногой сквозь иллюзию. Живот тихонько урчит, напоминая, что ел я днём, а сейчас уже утро следующего.

— Смотрю, тебе так кушать хочется, что переночевать негде, — Никки хихикает, довольная своей шуткой.

А я бессильно развожу руками. Надеюсь, ей кажется, что она угадала, но я просто не могу придумать благовидный предлог, под которым можно отсюда свалить. Слишком много

наврал, лучше б сказал, что меня дома ждут. С другой стороны, если нет вымышленного дома, то меня нельзя уличить во лжи.

Хлопаю рукой по животу:

— Выдал меня, предатель! Твоя правда в обоих пунктах. Так что перед трудным делом и дальней дорогой ты добра молодца накорми, напои, спать уложи.

— Я так похожа на Бабу-Ягу? — Никки встаёт и машет головой в сторону выхода.

— Нет, просто не очень люблю напрашиваться на обед с ночлегом, вот и придумываю глупые шутки.

— Понимаю, понимаю, пошли, добрый молодец, но баньки тут нет.

— А душ?

— Душ есть, что ж мы, по-твоему, варвары немытые? — Никки почти хохочет.

Расслабилась, я тоже, но мне нельзя. Она враг, они все тут враги. Они хотят пытать моего отца. Почему я не хочу их переубивать?

Перед сном я настроил инфон будить меня, если придут сообщения от Никки или Даши. Одна обещала познакомить меня утром с их главным, а со второй мне стоит поговорить.

Я неплохо выпался в крохотной комнатке на минус первом этаже, которая представляет из себя спальное место и душ с унитазом за тоненькой дверцей. Большого мне сейчас и не надо.

А ещё я наконец-то нашёл зеркало. Лицо совершенно незнакомое, не подвёл меня Тимон. Как минимум можно не опасаться, что меня разоблачат как сына их цели. Совпадает рост. Голос мой в сети нигде не лежит, если они не шпионили за мной раньше, то шансы быть узанным — околонулевые.

Приведя себя в порядок достаточно для встречи с главным боссом, отправляю сообщение Никки. В ответ она прислала маршрут: нужно выйти из комнаты, повернуть налево, пройти длинный коридор и на лифте вниз. Можно было и не так подробно.

Проделав этот путь, касаюсь кнопки "минус два" на сенсорном экране. Была ли она тут вчера? Не припомню, никто не мешает менять количество и качество кнопок в зависимости от пассажира. Как глубока кроличья нора? Сколько здесь этажей под землёй? Вообще, когда Никки со мной торговалась, я начал думать, что она принимает все решения. Про утверждение моей кандидатуры речи вроде бы не шло. Сделка ведь уже заключена, или я что-то не так понял? В любом случае, знакомство с боссом вселяет опасения.

С чувством скорости и направления у меня довольно неплохо. Лифт опускается на два этажа вниз, но если потолки тут не восемь метров высотой, мимо одного я проехал.

Никки встречает меня сразу за раздвинувшимися дверями. Вряд ли она не заметила мой взгляд вверх, потолок высокий — три с третью метра примерно. Даже у меня дома чуть ниже. Насколько я знаю, для Нижнего Города это не характерно, тем более под землёй. К тому же это не восемь метров, значит, один этаж остался необследованным.

Плавным кивком Никки приветствует меня и, чуть качнув головой, предлагает следовать за ней. В ответ я приподнимаю правую руку и морщусь от боли. Чем бы меня вчера ни накачала Белка, как бы ни были эффективны технологии и заживляющие гели, ампутация части конечности не может пройти совсем без последствий. К тому же я нарушил режим и начал пользоваться бионической кистью намного раньше положенного времени.

Окружающее пространство напоминает бар, дата-центр и мастерскую одновременно. С одной стороны упирающийся в потолок шкаф с напитками и стойка, в центре бильярд,

справа монитору и выводы для подключения чего угодно к чему угодно, с торчащими тут и там оголёнными проводами. Это резко контрастирует с чистотой и порядком, царящим в области бара. Напротив двери лифта на другом конце этого просторного помещения куча столов с оборудованием. Большая его часть напоминает 3-Д принтеры по разным материалам.

Уже знакомый мне Упырь ковыряется с компьютерами. Между баром и бильярдом, наплывая на стул, сидит очень толстый неопрятный мужик, а из-за стойки на меня внимательно смотрит высокий голубоглазый мужчина с аккуратно подстриженной чёрной бородой и гладко уложенными волосами. Его облик несколько отличается от остальных членов банды, которых я успел увидеть.

Он мне сразу не нравится. Вот он, главарь, тот, кто всё это затеял, тот, кто хочет похитить моего отца. Я ненавижу полагаться на ощущения и эмоции, но всё внутри меня кричит: он враг. Уголки его губ приветливо приподнимаются. Вслед за ними чуть смещаются скулы, обрамляя пространство под глазами сеточкой мелких морщинок. Обычно это считается признаком искренней улыбки. Но я вижу тут какую-то фальшь. Он такой же, как я. Он не чувствует радости, а просто рисует на лице улыбку, такую, какой её хотят увидеть окружающие.

— Познакомься, Вадим, это Тэньякс, — Никки едва уловимым движением подталкивает меня к стойке, — он принимает окончательные решения.

Это я и сам понял. Я чуть напрягаю веки и приоткрываю рот изображая напряжение и неуверенность. Как-никак меня с боссом знакомят. Иду к стойке и протягиваю руку. На этот раз я уже посмотрел в сети правила этикета Нижнего Города. Здраваться протезом нормально, а стесняться его — нет. Вполне логично, это я и предполагал.

Могла ли Даша меня выдать? Вряд ли, вряд ли. Уверен, что если бы меня заподозрили в шпионаже — уже вели бы допрос тем самым терморектальным методом, как здесь принято.

Протез передаёт непривычные ощущения от рукопожатия. Это сбивает с толка. Я бы предпочёл здороваться левой, чтобы лучше понимать намерения, но в чужой монастырь, как говорится, со своим уставом не суйся. Надеюсь, они хотя бы не сектанты.

Как переключаящаяся голограмма, лицо босса вмиг перестаёт излучать доброжелательность и сменяется маской любопытного исследователя, даже в глазах вспыхивает задорный огонёк, он спрашивает без предисловий и предупреждений:

— Ты здесь ради..? — он явно требует закончить фразу.

— Очаровательной вербовщицы, — отвечаю я почти не думая, надеясь сбить его с толка.

Как минимум мне удаётся смутить Никки, да и главарь на миг задумывается. Я дополняю свой ответ многозначительной усмешкой, которая должна означать, что я вроде бы шучу, но как бы не совсем. Пятая точка нащупывает высокий барный стул, и я усаживаюсь на него, не дожидаясь особого приглашения. Не думаю, что эта организация из пяти человек, не считая меня, придерживается этикета больших корпораций.

— А если чуть серьёзней? — с нажимом требует ответа главнюк.

— Я и не вру. Все факторы в сумме заставляют меня согласиться. Я даже не могу сказать, что тот, который я назвал первым, играет роль в последнюю очередь. Мне нужны деньги, я любопытен и не склонен доверять руководству нашего славного города. — Я не сказал ни слова лжи, но и главную причину, конечно же, называть не стану.

— Любишь игры с высокими ставками? — тем же строгим, но в то же время несколько

любопытствующим тоном спрашивает Тэнъякс.

— Нет, — изображать из себя того, кем я совсем не являюсь — не хочу.

— Но ведь играешь? — босс смотрит на меня слишком пристально.

Чуть отвожу голову назад, пытаюсь изобразить непонимание, мне кажется, он знает, кто я на самом деле, знает, зачем я здесь. Всё про меня знает. Наверняка это испытание такое, но неудобно, очень неудобно. У меня нет выбора, кроме как продолжать делать вид, будто я не понимаю, о чём речь.

— У меня нет времени на игры, я думал, мы поговорим про дело.

— Ты же сам про красивых вербовщиц шутить начал, — немного наигранно укоряет меня Тэнъякс и кивает на ряды бутылок за спиной.

Я качаю головой:

— А вот от завтрака я бы не отказался.

Он быстро двигает зрачками, управляя чем-то на линзах инфона. Нет! Он только делает вид! Кроме проблемы с эмоциями, которую я, возможно, сам себе выдумал, есть у меня и достоинства. Я очень хорошо замечаю детали, если сосредоточусь. При клике на виртуальную кнопку зрачок должен слегка расширяться. Да, хороший кодер вроде меня или упыря производит десятки таких кликов в секунду, но если постараться, их можно заметить. Если управлять инфоном не глазами и пытаться это скрыть — любой человек будет двигать зрачками, ведь никто не знает, как на его личном "рабочем столе" расположены кнопки. Достаточно просто быстро переводить их по своему экрану дополненной реальности. Многие делают так, когда хотят изобразить занятость и не отвечать собеседнику, но они всегда забывают про незаметную неискушенному наблюдателю деталь. Расширение зрачка — клик.

Прямое подключение любых интерфейсов к мозгу запрещено. Любые мозговые импланты противозаконны, и это совершенно точно распространяется и на Нижний Город. Да и даже если бы это было не так — удобные интерфейсы под прямое управление слишком долго, дорого и трудно разрабатывать для одного пользователя.

Небольшой участок барной стойки сдвигается, и снизу поднимается синтезированное блюдо. Оно вкусно пахнет мясом и рисом и дразнит ароматом необычного соуса.

— Премного благодарен.

Беру тарелку, на которой уже лежит ложка и нож, и окидываю комнату взглядом ещё раз. Кроме бильярдного, тут есть и ещё один столик. За ним могут поместиться не более восьми человек, что позволяет предполагать, что я вижу либо всех участников банды, либо большую часть.

Усаживаюсь и неспешно принимаюсь за трапезу. Мозг работает в экстремальном режиме, пытаюсь понять, что же не так с этим боссом местного подполья. В принципе нет никакой неразрешимой проблемы в том, чтобы управлять инфоном и далее всеми периферийными приборами вроде синтезатора пищи при помощи любой мышцы тела. Не важно, зрачок это или анус. Но тщательно маскировать такое — достаточно странно. Прямой контроль из мозга — запрещённая технология, не дающая совершенно никакого преимущества? Оцениваю вероятность её использования как бесконечно стремящуюся к нулю.

Если только... нет, не верю. Если только мозг на самом деле не мозг, а чип. Тогда прямое управление более чем оправдано и даёт огромный выигрыш в скорости. В десятки, даже сотни и тысячи раз. Может ли Тэнъякс быть тем самым ИИ, которым нас пугают с

детства, как раньше пугали бабайкой? Вообще искусственному интеллекту ненадёжная оболочка из мяса и костей будет только мешать. Ему куда проще развернуться на серверных мощностях и скопировать себя во все возможные хранилища данных. С другой стороны, если надо спрятаться среди людей, укрыться в теле кожаного мешка — не худшая идея. Я читал, что перед Катастрофой человечество вплотную подобралось к идее замены мозга на электронику. Сейчас, конечно, никто такое делать не станет, но технологии могли сохраниться.

Так же, как я не знаю, что делает мой отец, никто толком не знает, чем занимаются учёные в других институтах или в таких вот подпольных лабораториях. А что, если они прекрасно понимают, кто я, и наоборот хотят нейтрализовать главу института противодействия ИИ, используя меня? Глупая идея, чем я могу помочь? Особенно сейчас, когда, чтобы попасть в Верхний Город, мне придётся снимать протез.

За этими мыслями я добрался до дна тарелки. Стоило мне поднять от неё взгляд, как Тэньякс снова ошарашил меня неожиданным вопросом:

— Стрелять умеешь?

— Я не боевик, — качаю головой, — и вообще не сторонник насилия.

— Никки, а ты ему точно вчера рассказала, куда он попал? — интересуется босс.

— Знаю, знаю, — отвечаю я вместо неё, — речь шла про то, что я буду работать с данными. Если операция предполагает огневой контакт — я пас. Об этом речи не было.

— Не предполагает, — примирительно говорит Тэньякс, — но любые хоть сколько-то силовые операции предполагают, что все участники будут вооружены и как минимум не прострелят себе ноги. Скот!

На последнюю фразу оборачивается громадный толстяк, который всё это время пытался косплеить незаметного слона в комнате. Надо сказать, у него неплохо получалось, я вообще о нём забыл. Кроме того, что веса в нём никак не меньше двухсот кило, если смотреть спереди, то в глаза сразу бросаются массивные протезы рук какого-то промышленного образца. Насколько я знаю, такое применяют как вторую пару конечностей в комплекте с экзоскелетом на металлургическом производстве, но у этого монстра они торчат из плеч. Когда он встаёт, я понимаю, что экзоскелет на нём всё-таки есть, но он скрыт под одеждой.

— Пойдём, — неожиданно благодушным и даже мягким голосом зовёт меня гигант.

Я перевожу взгляд с него на начальника и обратно.

— Не тупи, покажу тебе, как не прострелить себе ногу.

Следуя за ним в одну из боковых дверей, я пытаюсь угадать: Скот — это английское имя или русское прозвище. Судя по запаху пота, который начинает убивать всё живое в радиусе трёх шагов от этого товарища — верен второй вариант. Надеюсь, этот урок продлится не весь день.

В тире пришлось провести почти два часа. Пострелять из рох-а, который вместо пуль выпускает самонаводящиеся микро-ракеты, по цели, указанной через дополненную реальность инфона — это круто. Но на дело Скот выдал мне морально устаревший, наверное, ещё в середине века "тиблет". Никаких наворотов, никакого соединения с инфоном, но биокодирование наличествует. После нехитрой настройки стрелять из него могу только я. Как ни странно, этот хлам способен идентифицировать меня, даже если я держу его протезом.

В двенадцать тридцать дня мы грузимся в микроавтобус. Усевшись у задней двери, я

окидываю взглядом команду: Никки, Белка, Скот... и всё. То, что упырь от дела отказался — я знаю.

— А главный? — я внимательно смотрю на Никки.

— Он всегда в штабе.

— Ну да, глупо отправлять генерала на передовую.

— Ты говоришь так, будто в этом есть какая-то ошибка, — елейно примирительно курлыкает Скот.

За время в тире я уже смирился с тем, что он не рычит, как разъярённый бык, чего ожидаешь по виду, а блеет, как ягнёнок.

— Я в таком вообще впервые, — мне надо как-то оправдаться, — просто пытаюсь понять что к чему.

— Зажмурься.

Пожалуй, я исчерпал лимит вопросов, поэтому покорно закрываю глаза. Лицо обдаёт каким-то спреем из баллончика. Ни вкуса, ни запаха, не жжётся. Нет, всё-таки не смогу промолчать:

— Скам, — отвечает Никки.

— Понятнее не стало, вообще ни разу!

— На камерах тебя будет не узнать.

— Он хоть смывается?

— Конечно.

— А-а...

— Со шкурки тоже, — отвечает Никки на незаданный вопрос.

Я замираю, осознавая, что она, выходит, знает про шкурку. Знает, что я не я? Она знает, кто я на самом деле? А вдруг я нужен, чтобы шантажировать отца? Но ведь план слишком сложный! Наверняка меня можно было бы просто захватить. Даже если Упырь умышленно хотел привести меня к Никки — откуда он знал, что я попрусь в Нижний Город? Откуда он мог знать, что я не забуду или попросту не расскажу отцу? Это невозможно просчитать! Для человека — невозможно.

— А с чего этот ваш директор института пойдёт в Нижний Город? — пробую перевести тему.

— Мы попросили его достать кое-какие материалы в обмен на жизнь сыночка. Он согласился. Как минимум, он уже в Нижнем Городе.

— А если у него на хвосте полиция?

— Полиция очень занята, спецслужба — тоже.

— Ну, с полицией понятно, — задумчиво говорю, пытаюсь не соскочить с сиденья, когда авто подпрыгивает на кочке, — а особисты? Их ведь не так просто занять.

— Три покушения на мэра от... мягко скажем, психически неуравновешенных граждан. Шансы на успех нулевые, но этих людей придётся искать, ловить, допрашивать, проверять, с кем они связаны.

— А я смотрю, у вас всё схвачено.

— Конечно! — Никки улыбается мне очаровательной улыбкой.

Я могу поверить во многое, но в то, что Никки, Белка и Скот актёры, которые за всё это время ни единым взглядом, ни словом, ни полсловом не выдали себя... нет! В это я поверить не могу. Если бы моя настоящая личность входила в их план — мне ни за что бы не сказали, кто цель. Не проболтались бы, что отец здесь из-за меня. Это слишком сложно и

непредсказуемо.

Правда, я и сам играю в игру, которая по всем параметрам слишком.

— Шлем, — командует Никки.

Я послушно надеваю мотоциклетный шлем. Инфоны были выключены ещё на базе, а система более хитрая, чем "зонтик" от Тимона, увела сигналы наших аккаунтов в разные стороны из кафе-базы перед началом операции. Двойная маскировка. Даже если придётся снять шлем — на камерах мы не засветимся. По данным городского наблюдения — мы находимся далеко отсюда. Всё должно пройти как по маслу.

Микроавтобус останавливается. Снаружи мой отец, он, явно получив команду по инфону, заходит внутрь ничем не примечательной высотки. Через тридцать секунд из машины вылезает Скот, за ним все остальные, включая меня. Мы быстро заходим внутрь, проходим по длинному коридору. Наша мягкоголосая боевая сила Скот пинком открывает дверь.

Отец стоит в дальнем углу и ухмыляется, а снаружи раздаётся многократно усиленный громкоговорителем крик:

— Всем оставаться на местах. Работает полиция.

— Вадим, подключись к камерам, посмотри, что снаружи, выведи мне периметр, — молниеносно командует Никки, — Скот, на тебе вход, через который зашли, я проверю задний. Белка...

— Посмотрю, — Даша выбирает себе задачу самостоятельно, — что у нашей цели под костюмом.

Выполняю приказ, лихорадочно пытаюсь сообразить, стоит ли мне говорить с отцом от своего имени. Для этого случая при мне есть третий инфон, понятия не имею, чей аккаунт он использует, но полноценной шкуркой его считать нельзя. Вхожу в городскую сеть. То, что отключено от электричества — взломать не выйдет. Рядом с нами нет ни камер, ни городских дронов. Если бы мне скинули данные по дырам, через которые получают инфу от полиции, я бы смог подключиться к их дронам, они тут есть наверняка. Скорее всего, я смогу вскрыть полицейскую сеть сам, но это время. Даже если делать это максимально грязно — уйдут минуты. У меня нет времени.

Белка быстро прохлопывает отца по карманам и выскакивает из комнаты. Момент истины. Мой шанс задать вопрос. Да, время не подходящее, но другого может и не быть. Что ж, спрошу, что хотел, получу ответ и скину шкурку. Ву-а-ля. Я освобождённый заложник на руках взволнованного родителя. Полицию привёл отец, это и так понятно. Всё должно получиться. Я провожу руками по бровям в определённой последовательности и чувствую, как наносостав начинает сочиться в носоглотку. Рывком срываю наклейки со щёк. Мосты сожжены, шкурка сорвана:

— Пап, обернись, это я.

Отец поворачивается лицом ко мне и спиной к углу, в котором стоял.

— Айдж? — он широко раскрывает глаза от удивления.

— Да, это я.

Мой отец делает шаг вперёд, на его лице радостная улыбка, а руки расходятся в стороны для объятий, но у меня другие планы. Я достаю пистолет и навожу на отца:

— У меня пара вопросов, потом обнимемся.

Да-а, он никогда не простит мне того, что я наставил на него пушку, но и не сдаст. Сын такой шишки может быть жертвой бандитов, но не одним из них. Если выяснится, что я действовал заодно с бандой Тэньякса — карьере отца конец. Я прошёл слишком долгий и сложный путь, чтобы упустить этот шанс. В любой другой ситуации папа выкрутится, соврёт, отмажется, соскочит с темы. Но под дулом пистолета, когда в двух десятках шагов слышны выстрелы, врать будет сложно. Надеюсь, я замечу, если он соврёт.

— Айдж? — уже неуверенно повторяет отец и делает шаг назад, выставляя руки перед собой. Испуг, удивление, понимающая улыбка: — Ты наконец-то понял, да?

В этот момент указательный палец протеза нажимает на курок, а во лбу директора института противодействия ИИ образуется ровная круглая дырочка.

Я трясу рукой и выбрасываю из неё пистолет, как ядовитую змею, которая так и норовит меня ужалить.

Можно ли считать себя человеком, если смерть близкого не вызывает никаких чувств, кроме беспокойства за свою дальнейшую судьбу?

По идее, я должен быть в отчаянии, в ужасе, но я, как обычно, лишь думаю об этих

эмоциях, а не испытываю их. Почему так? Две секунды назад я хотел получить ответ на этот вопрос от отца. Две секунды назад он был жив. Пистолет на него направил я, а на спуск нажал кибер-протез, но мне всё равно никто не поверит.

Идеальный план. Раньше я был бы рад достойному противнику, но теперь, впервые в жизни, я чувствую беспомощность. Первое настоящее чувство, а не мысль о чувстве.

Всё, что я делал до этого момента, вело меня сюда с одной-единственной целью: чтобы я нажал на спуск. Как наивный котёнок, прыгающий за пятнышком от лазерной указки, я прошёл по сложному лабиринту, следуя чьему-то плану. Кто-то весьма талантливый заставил меня отпилить себе кисть и установить протез, получить пистолет, прийти сюда и поднять руку с оружием.

Полиция в Нижнем Городе — редкость. Обычно ментов днём с огнём не сыщешь. Ни разу не сомневаюсь — по мою душу.

Сдаться — самый разумный вариант. Бежать — явно не худший. Вне всяких сомнений, тот, кто спланировал убийство, рассчитывает на один из этих двух разумных вариантов. В эту точку меня привела длинная цепь логичных и правильных решений. Значит, настало время для нелогичных и неправильных.

Единственное, что может меня спасти — нужно делать то, чего я никогда и ни за что делать бы стал, особенно в здравом уме и трезвой памяти.

Кому из всех здесь присутствующих я доверяю меньше всего? Инфон, сообщение:

"Никки, цель мертва, ваша цель — мой отец. Меня подставили, и если это была не ты, то у нас общий враг".

Нет, это всё равно был довольно логичный шаг. Сдаться — пожизненное, бежать — пристрелят, а так... А плана получше, как теперь стало обычным, у меня попросту нет! Голосовое от Никки приходит почти сразу.

"На второй этаж!" — судя по тону, я её как минимум удивил.

Я выбегаю из комнаты. Впереди меня несётся Белка, сзади Скот пыхтит, как загнанный бегемот. Мы несёмся по тесному коридору, освещенному яркими неоновыми огнями, которые отражаются в металлических стенах. Звук шагов гулким эхом отскакивает от стен. Вентиляционные решетки на потолке издают приглушенный шум.

Уродливые морды граффити смеются со стен, наблюдая за нашей нелепой попыткой убежать. Куда мы денемся? Наверху, через два десятка этажей крыша. Но на неё не прилетит волшебник в голубом вертолёте, чтобы бесплатно развезти по домам.

Матюгальник снаружи всё громче и всё настойчивее требует прекратить сопротивление и сдаться.

Как только моя голова поднимается выше уровня площадки, в висок упирается что-то твёрдое, а по ушам бьёт крик:

— Стоять.

Хорошо, что мы бежали вверх, а не вниз, иначе Скот точно бы в меня врезался и задавил нафиг. С его-то массой даже в экзоскелете по лестницам не побегаешь.

— Стою.

— Оружие.

Я протягиваю пистолет вперёд и кошу взгляд вправо, там Никки тычет мне пушкой в голову. Она забирает оружие и резко спрашивает:

— Ты привёл ментов?

— Технически, я застрелил отца и сяду пожизненно. Я, конечно, идиот, но не полный.

— Что значит технически?

— На спуск нажал протез. Протез ставила Даша.

В долю секунды ствол, который только что был моим и перекочевал к Никки, теперь упирается в пупок Белки.

— Да твою ж налево, а можно мы потом друг друга перестреляем? Всё, что тебе надо знать сейчас, это то, что я не вызывал полицию. Я потом расскажу, если не поверишь — пристрелишь, но потом. Я не хочу в тюрьму!

Впервые в жизни моё сердце колотится так быстро. Рядом со мной смертельная угроза, позади — пожизненное. А в мою историю я и сам бы ни за что не поверил. Всё это выглядит, как череда невероятных совпадений, но таких совпадений не бывает.

— Белка, оружие.

— Верка, хрена лысого тебе, а не оружие! Нас всех перестреляют! Я ставила ему эту грёбаную хваталку, да, и что? Это обычная хваталка, без модификаций, без чипов. Ты даже труп не видела, а уже гонишь на меня!

Точно, девяносто пять процентов протезов не предусматривают чипы в конструкции. Все боятся угрозы ИИ, а так можно надеяться, что тебя не убьёт твоя же рука. Но почему я нажал на курок? Я этого не хотел! Не планировал! Не собирался я стрелять! Как это могло произойти?

Никки матерится сквозь зубы.

В окна залетают дымовые шашки. Мы начинаем бежать, в глазах мутнеет, сердце молотом стучит в голове. Похоже, это не простой дым.

Я открываю глаза. Над головой серый потолок. Осматриваюсь — стены того же цвета.

Резкий стук металла об металл бьёт по ушам. Вслед за ним раздаётся противный сиплый голос:

— Начальник! Начальник! Очухался! Этот ваш! Начальник.

Противный звук ударов мучает меня ещё секунд десять, пока его не обрывает крик снаружи:

— Сиплый! Уймись!

Я принимаю сидячее положение и в тот же момент исторгаю изо рта фонтан вонючей жижи.

— Сука, да если б тебя не забрали, я б тебя утопил в твоей блевоте!..

— Тише, дружище, тише, — я узнаю мягкий голос Скота.

— А то что? — не унимается Сиплый. — Тебе цеплялки-то понерфили, ты ими ничего тяжелей штанов не поднимешь!

Я пытаюсь понять, о чём они говорят, в это время от двери раздаётся скрежет засова. В тюрьмах протезы сразу перепрошивают. Сложные модели, как у Скота — программным методом, мой — бесчиповый, насколько я знаю, надо разбирать и отвёрткой подкручивать. Я беру правой кистью левую ладонь и пытаюсь сжать. Даже не больно. Мера весьма разумная, но для меня сильно неприятная. Надеюсь, они не делают то же самое с кардиопротезами? А то бедолагам, у которых они стоят, придётся нелегко.

— Одевайся, — командует голос, звучащий откуда-то сверху.

Борясь с раскалывающей голову болью и тошнотой, я перевожу взгляд на себя. На мне только трусы, на том спасибо, хоть не голый.

— Одежда под тобой, — помогает мне сориентироваться голос сверху.

Я покорно облачаюсь в тюремную робу, такую же серую, как и всё здесь. Кое-как нахожу под койкой пластиковые шлёпанцы и следую за человеком в форме на выход. Снаружи нас ждёт ещё один охранник.

Заперев камеру, сопровождающий командует следовать за ним, и мы маленькой колонной из трёх человек со мной посередине отправляемся петлять по длинным тюремным коридорам. Звук моих шагов отражается от железобетонных стен и почему-то напоминает мне похоронный марш. Воздух насыщен запахами пота и унижения, а слабый свет из ламп на потолке бросает пляшущие тени.

Мы проходим мимо закрытых камер, из которых доносятся приглушенные звуки ударов и громкие крики. Моему провожатому глубоко плевать.

Стражник поворачивает на следующий перекресток, и резко бьёт отвратительный скрип металлической двери. Я хочу закрыть уши руками, но вовремя одёргиваю себя. На мне не надеты наручники! Это странно! Хотят убить при попытке к бегству?

Меня же на допрос ведут? Хоть бы сказали, суки-падлы, куда тащите.

Я пытаюсь собрать воедино всю информацию, имеющуюся у меня. Как вести себя на допросе?

Пуля, выпущенная из пистолета, который закодирован персонально на меня, в голове моего отца. Чистосердечное признание подельникам. Да, все боятся, что искусственный интеллект взломает импланты или протезы, но мало кто относится к этому всерьёз. Никто мне не поверит. Все улики против меня. Если бы все протезы разом начали вакханалию, так же, как тогда, когда все ядерные ракеты взлетели — другое дело.

Никки, Белка и Скот пойдут за вымогательство, если им не пришьют терроризм, уверен, ради снижения срока они с радостью засвидетельствуют, что я признался в убийстве.

Как врать? В чём сознаваться?

И всё же, почему не надели наручники? Впрочем, после той дымной дряни я и пять шагов не пробегу. Идти-то еле-еле получается. Я в сотый раз морщусь от очередного приступа головной боли. Решётки пропадают, двери в кабинеты выглядят всё опрятнее, я бы даже сказал, местами, изысканнее.

Мой провожатый приказывает остановиться и осторожно стучит в дорожную деревянную дверь. Кто ставит деревянные двери в служебных зданиях? Она же стоит, как приличная квартира.

— Давай его сюда, — голос не предвещает ничего хорошего.

Грубый толчок в спину заставляет меня, спотыкаясь, войти в комнату. Верчу головой, оценивая обстановку. Это точно не место для допросов. Высокие потолки украшены кристальными люстрами, от которых отражается свет на гладких стенах, покрытых мрамором. В центре кабинета стоит массивный деревянный стол, окруженный кожаными креслами. Тут и там висят хорошие картины, впечатление всё равно преотвратнейшее. Мне кажется, это место обставляли по принципу, чтобы было дорого-богато, потому что все предметы по отдельности — произведения искусства, а вместе — кладовка музея, куда запихнули самое ценное. Начальник тюрьмы, а это безусловно его кабинет, явно мнит себя великим дизайнером. Зря.

Я фокусирую взгляд на низком полном человеке, сидящим во главе стола. Вне всяких сомнений — он здесь командует парадом. Знакомое лицо, вживую я его никогда не видел, зато в новостях — каждый раз как их включал. Это никто иной как глава города, бессменный Мэр. И на кой я ему понадобился? Ни в жизнь не поверю, что он дружил с

отцом.

Губы градоначальника медленно разлипаются, и его речь обволакивает комнату тошнотворно-елейной патокой:

— И это тот самый проект Рудого?

— Все другие не представляют из себя вообще ничего, — голос справа мне тоже знаком.

Я поворачиваю голову и вижу Тэнъякса. Он мне ещё тогда сразу не понравился! Надо запомнить, что если я позволю собой кому-либо командовать, то этот кто-то должен скакать впереди меня на белом коне с шашкой наголо. Что ещё можно вывести из этой информации? Скот не с ним. Никки и Даша? Под вопросом, но их непричастность, как минимум, возможна. О чём я вообще думаю, мне бы тут перед мэром отмазаться, так меня не спрашивают ни о чём.

— Что ты знаешь о работе отца? — властно вопрошает мэр.

А нет, всё-таки спрашивают. К счастью или к сожалению, мне нечего им рассказать. Если бы у меня было хоть что-то, я бы сыграл в игру: я всё знаю, но ничего не скажу. Но эти двое не дураки, чтобы сыграть с ними — нужен козырь в рукаве, а мне даже карт не сдали.

— Ни-че-го.

Мои собеседники переглядываются.

— И что с ним делать? — спрашивает Мэр.

— Посмотреть, что в мозгах, — буднично отвечает Тэнъякс.

— А что там может быть? Его сканировали, чипов в голове нет.

— Уверен? — Тэнъякс оборачивается ко мне. — Сядь, правую руку на стол, рукав закатай.

Я без сил, без оружия и без воли к сопротивлению, поэтому молча исполняю указания, а что мне ещё делать? Тэнъякс достаёт из кармана небольшой футляр, а из него нечто похожее на металлический шприц с непонятными наворотами. Он проводит устройством по моей правой руке, жмёт кнопку и победно поднимает орудие вверх.

— Вот и всё. Биочипы. Хочешь не хочешь, а за ними будущее. Маленький кусочек органики спустил курок и убил довольно большого человека.

Биочип. О таком я только слышал. Запрещённая, к тому же не особо эффективная технология. Утрачена во время ядерного коллапса. Вернее, все думали, что она утрачена. Значит, Даша не при делах. Протез управляется точно так же, как живая рука. Биочип дал импульс в нерв, нужные мышцы сократились, палец согнулся, отец... умер. Я должен ненавидеть человека, который всё это устроил и теперь надменно хвастается своей победой, но я им восхищён. Хитро, очень хитро. О чём в первую очередь подумают, если неожиданно умрёт глава института противодействия ИИ? О том, что этот самый пресловутый ИИ восстал из небытия, скопировался с завалившейся за тумбочку флешки и теперь готовит плацдарм для новой атаки. Но если такого человека убил собственный сын — эта гипотеза сильно потеряет в популярности.

— Эта технология должна быть уничтожена, — вечно елейный голос мэра теперь отдаёт стальными нотками. Самую капельку наигранными. Действительно ли он так думает?

— Технологии нельзя уничтожить, — улыбается Тэнъякс, — но их можно не использовать. Долго, очень долго, бесконечно долго.

Мэр матерится конструкцией в восемь этажей, закончив, он секунд десять громко

дышит, словно стометровку пробежал, и добавляет, кивая на меня:

— Думаешь, у него в голове нечто подобное?

— Вскрытие покажет, — на этот раз Тэнъякс не рисует на лице вообще никаких эмоций.

А я, кажется, начинаю сомневаться в том, что я их как-то не так испытываю. Ужас холодными лапками бодро пробегает по спине снизу вверх и обратно.

— Я его на опыты не отдам, вдруг ты там найдёшь что-то эдакое.

А мэр, похоже, вообще слабо понимает в технологиях. Или хочет, чтобы окружающие думали о нём так. Плюс эти двое не друзья, а временные союзники. Только мне от этого ни капли не легче. Они просто делят между собой мой труп, хоть я ещё и дышу, для них я не более, чем источник информации. Интересно, если я прыгну вниз башкой на асфальт, это хоть немного усложнит им работу? Они же в мозгах моих поковыряться хотят, а если мозги всмятку?

— Мне нужно узнать, что Рудый делал против меня, тебе нужно, чтобы биочипы не вышли на рынок. — Тэнъякс нахально улыбается и рисует словами красочную картину: — Чернь снизу затопит Верхний Город, хаос, конец твоей власти, сам понимаешь.

Мэр сжимает кулаки в бессильной злости:

— Я не могу заставить сына Рудого просто исчезнуть или умереть вот прямо сейчас. Это вызовет много вопросов, а ни ты, ни я не хотим, чтобы кто-то искал на них ответы.

— Суд, невменяемость, клиника, — кратчайшим образом излагает план Тэнъякс, — в клинику закинешь кого-нибудь другого под его шкуркой.

Мне хочется спросить, а что помешает мне вынести все их коварные планы на суд общественности. Смогу ли я купить себе таким манёвром если не жизнь, то хоть какое-то время? Я прокручиваю в голове всё, что я знаю о мэре. Только за последний год его на полном серьёзе обвиняли в поедании детей заживо. Про коррупцию не пишет разве что ленивый, про эксплуатацию Нижнего города Верхним уже лет пятнадцать как книги пишут и художественные, и научные. Я могу говорить всё, что угодно — мне никто не поверит.

— Хорошо, через месяц — он твой.

— Три дня, господин Эйкван, он нужен мне через три дня, — требовательно произносит Тэнъякс.

— Да ты шутишь, суд дело не быстрое.

— Ты уже делал так дважды, я же не придумал три дня, я назвал минимальный срок, за который уже проходили суды. Подбери нужных юристов на обе стороны, пусть поработают в три смены. Дело-то простое, я ж тебе даже запись с камеры скинул. С трёх камер в прекрасном разрешении.

Даже видео есть, на котором я отца убиваю. Вещдоки, видео, показания, все мои слова вполне можно повернуть нужным образом. Это бинго. Чудо, что меня не решили осудить завтра. Пресс доказательств, смазанный прямым указанием лично Мэра, раздавит меня, как букашку. Я даже родную мать не смогу убедить в своей правоте.

— Эй, там, увести! — кричит Мэр так, чтобы его было слышно снаружи, как есть старпёр, нормальные люди шлют сообщения, набрав воздуха в грудь, он продолжает: — Твои бойцы?

— Я вытащу их сам, если понадобятся, — холодно отвечает Тэнъякс.

Может ли эта фраза свидетельствовать, что никто из команды не был в курсе плана или

его части? Нет. Этот гад столько раз обвёл меня вокруг пальца, что я не могу быть уверен ни в ком и ни в чём. Любая деталь может быть частью его плана. Сколько вариантов развития событий он просчитал? Что, если он учёл поведение каждого жителя города? Два миллиона человек — это конечное число. Значимых вариантов действий тоже не бесконечно много. Перед ним Мэр прыгает на цыпочках, что я могу противопоставить? А почему я должен что-либо противопоставлять? Выжить, я хочу выжить, или не только? Пока мэр пыхтит, я успеваю о многом подумать. Меня берут под руки, а я пытаюсь уловить ещё хоть какую-то толику информации.

— Отдай мне эту хрень, которую ты из него вынул, зря, что ли, сюда ехал лично?

— Ладно, ладно, господин Эйкван, эта хрень в обмен на его мозги, желательно живые.

Пара минут петляния по коридорам, полчаса ожидания, допрос. Я отвечаю "Да" на все вопросы, включая имя, фамилию и год рождения. Быстро поняв систему, следователь ухмыляется и начинает с начала, используя правильные формулировки, чтобы запротоколировать нужные ответы. Бездушная бюрократическая машина, имея неопровержимые доказательства, закроет меня в любом случае. Если её сильно злить — можно угодить в карцер.

Я даже не пытаюсь слушать вопросы, просто говорю "да", когда следователь замолкает. Мой мозг занят поиском выхода из положения. Выиграть суд — невозможно. Любая попытка обжалований обречена на провал.

В конце допроса я узнаю от следователя, что завтра меня ждёт консилиум психиатров, который подтвердит мою невменяемость. Жаль, точного времени сообщить он мне не удосужился.

Я ни на секунду не прекращаю думать о том, как сбежать из тюрьмы за три дня.

Возвращаюсь без единого проблеска надежды, но всё ещё пытаюсь придумать хоть какой-нибудь, пусть даже самый бредовый или идиотский план. Взгляд скользит по камере. Это небольшой прямоугольник с шестью койками впритык. Тут есть маленький пластиковый столик и стул. В углу имеются унитаз и раковина, которые, судя по виду, застали как минимум последнего генсека СССР.

Крохотное окошко высоко наверху почти не пропускает свет. А единственный его источник — светильник на потолке, но он засижен мухами так качественно, что в камере царит унылый полумрак. Здесь душно, пахнет сортиром и потом. Спасибо, Скот, вонючая ты скотина, упражнения в тире пригодились не по прямому назначению, а как лёгкая тренировка, чтобы я не упал от местных ароматов.

Но судя по тому, что я видел по пути — эти шестиместные хоромы на четверых можно считать вип-номером. Впрочем, не удивительно. Со мной сам мэр изволил побеседовать.

Я падаю на кровать и закрываю глаза. Где-то далеко снаружи невнятно шипит Сиплый.

— Я просто на тебя упаду, — заканчивает разговор Скот ласковым голосом.

После этого аргумента Сиплый замолкает, вместо него как огромный шагход ко мне "тихо подкрадывается" мой подельник.

— Ты хоть расскажи, зачем я тебя стрелять учил, мне действительно интересно, — я прям-таки слышу его улыбку.

Что может ухудшить моё положение? Примерно ничего. Я начинаю рассказывать историю с начала, но после первой фразы Скот меня перебивает:

— Ты только учти, что эти двое, — он кивает головой назад, — тут нас с тобой слушают.

— Да пусть слушают, я так и так труп.

Всё, что я могу рассказать, Тэньякс и так знает, причём намного лучше, чем я сам. Умолчав о причинах, я коротко пересказываю попытку взлома, покупку шкурки и мой визит в Нижний город.

— Значит, ты специально к Никки приклеился? — уточняет Скот.

— Конечно.

— И не боишься мне это рассказывать?

— Говорю же, я труп. Без шансов, без вариантов, без единой лазейки.

В конце я подробно пересказываю всё, о чём говорил Тэньякс с Мэром.

— Хочешь сказать, Тэн предатель? Он же по сути создал организацию, подобрал всех нас..

— Для того и подобрал. Он не предатель, он ИИ.

— Слышь, вареник, ты чё, свистишь, что тот самый ИИ, который две трети мира тавокнул, тут схемы крутит как тебя такого сладенького к нам на нары закинуть? Не много ли о себе думаешь?

— Я думаю, что я уже мёртв. Понял, крысёныш, — я резко сажусь на кровати.

Рядом со Скотом, который взгромоздился на стул у моей койки, на корточках сидит тощий невзрачный мужичок с короткой стрижкой и усиками, которые выглядят так же противно, как звучит его голос.

— Да не дадут те вышку, а если дадут, чё ты, мальчик, думаешь, бессмертный? Да я

таких как ты...

Бью с колена ему в лицо. Он отлетает к койке у противоположной стены, я прыгаю сверху и начинаю наваливать в противную морду поочередно с обеих рук. Культя отзывается резкой болью в месте соединения с протезом, но мне плевать.

После третьего удара чувствую огромные лапы-ковши полупромышленных протезов Скота, силу из них убрали, но он сцепил пальцы и просто встал во весь рост, подняв меня над полом и поверженным противником.

— Эй, ну вы чего, вы это в реале, — с одной из кроватей звучит расслаблено и вяло, — харэ там это-о. Ща-а, ра-азберёмся.

Из-под одеяла выныривает нечто похожее на аморфный студень, решивший стать похожим на человека.

— Не, Мультик, ну ты это видел, видел, а? — пищит Сиплый.

— Слышал, думал ни фига се сюжет вшторил, ИИ восстал, а тут это по серьёзке-е. Уймись, ты как тебя?

— Айдж.

— Будешь Бейдж, ха-ха-ха.

Я ещё раз осматриваю длинноволосый человекоподобный студень с дредами. Он же обдолбан в хлам. Сюда можно протащить наркоту. Значит, есть связь с внешним миром, в таком случае не всё потеряно.

— Пусти, — говорю я Скоту и вяло барахтаюсь.

— Только не буянь, будь паинькой.

Громила опускает меня на пол и гладит рукой по голове.

— Да я, его... У! Сука, — тихо сипит противный голос из-под ног.

— Уймись, а то добавлю, — я угрожающе заносу ногу.

Мультик, двигаясь по дугообразной траектории, подплывает к Сиплому и отводит его к дальней койке, я, в свою очередь, перемещаюсь к той, что предназначена мне.

— Не, ну слушай, это я такого кина ещё ни под чем не видел, а ты это на трезвяк рассказываешь. Слышь, толстый, ты ему мою дурь не давал?

— Не, жидкий, не давал. Зуб даю, он верит в то, что говорит, — Скот усаживается на стульчик, который в сравнении с ним кажется детским.

— Слыш, Бейдж, ну это же интере-е-ересно! Как тебе помо-очь? — тянет раскачивающийся Мультик.

— Никак. Было бы время, за пару дней я ничего не придумаю, никак не выкручусь.

— Вре-емя, вре-емя это не проблема, — улыбаясь до ушей, вещает наш обдолбанный сокамерник.

— Да ладно? И что ты сделаешь? Отложишь суд на недельку? Суд, который на личном контроле мэра?

Всё так же перемещаясь, как боец под обстрелом в замедленной съёмке, пытающийся увернуться от пуль, Мультик подплывает к унитазу, наклоняется. Его пальцы смыкаются на гайке и вместо того, чтобы открутить её — просто снимают со штыря. Затем он нажимает на штырь и, отодвинув сантехнику, запускает руку куда-то вниз.

Через секунду над его головой, как флаг победы, колышется небольшой чёрный пакет.

— Упарываться я не планирую. Сдохну трезвым.

— Э-э-э, братиш, это разгон. Я дам тебе разгон, с ним думаешь быстрее, намного быстрее. Я дую разгон с закисью. За два часа как будто несколько дней другой жизни, —

мечтательно произносит он, — чистый разгон без закиси я бы не выдержал. Но тебе ведь надо много времени на подумать?

Я перевожу взгляд на Скота, не то чтобы я мог ему полностью доверять, меня ничуть не удивит, если все трое профессиональные актёры, но чтобы накачать меня дурью, Тэньяксу или мэру не нужны столь хитрые ходы. Готов поспорить, тюремная больница выполнит любые распоряжения "сверху".

— Это действительно так работает, или я просто мультики смотреть буду?

— Работает, работает. Упырю он вообще круглосуточно в жопу подаётся, ты думал, у него просто так глаза красные?

— Серьезно? — уточняю я.

Мультик распаковывает пакет и увлечённо копается в его содержимом.

— Не, ну в смысле не в жопу, — уточняет Скот, — я не помню, через какое место, но он круглые сутки под разгоном. И ничё, чертей при мне ни разу не ловил.

— И что я буду должен?

— Вернёшь разгон в тройном объёме, ха-ха, — гогочет Мультик.

— Через три дня...

— Бу-бу-бу, через бу-бу-бу, харош ныть, дуй и думай, ха-ха. Ну, не вернёшь и не вернёшь, ха-ха.

Заполучив от Мультика миниатюрный вейп, я делаю затяжку. Секунд десять ничего не происходит, а потом время начинает замедляться. Слова из далёкого внешнего мира доносятся по буквам. Очень медленно и тягуче звучащим буквам. Пробую согнуть палец, по ощущениям на это уходит почти полминуты, вместо полсекунды. Если это не тело затормозилось, а мозг ускорился.

Я прокручиваю в голове всю известную информацию много раз в то время, пока произношу фразу:

— Долго это работает?

— Не тараторь! — бесконечно долго проговаривает Мультик.

Я переспрашиваю медленнее и делаю вторую затяжку. Мозг ускоряется ещё больше, время произнесения одного звука затягивается по ощущениям на минуты.

Чтобы выжить, я должен сбежать. Чтобы сбежать, мне нужны подельники и инструменты. Надо наладить связь с Никки и Белкой. Я просчитываю около тысячи планов, и тут меня осеняет. Во-первых, я под этой дрянью думаю не в десятки раз быстрее, а минимум в сотни. Во-вторых, двигаюсь я тоже очень быстро. Я уже догадываюсь, почему так, неспроста Тэньякс хочет заполучить меня живьём, но этот вопрос лучше отложить на потом.

Говорить на таком ускорении сложно, после третьей затяжки я возвращаю вейп Мультику.

— Сиплый, мне нужен твой инфон, — я стараюсь говорить медленно и повелительно.

— А пососать не завернуть? С чего ты взял что он у меня есть?

— Линзу в левом глазу видно, она, конечно, ультратонкая, но от меня не спрячешь. Ты двигаешь зрачками, я даже могу сказать, во что ты сейчас играешь.

— Ух-ха-ха, — ржёт Мультик, — а я знал, знал, что не зря поделился разгончиком. Сиплый, дай парню свиристелку, чё ты как крыса.

— Да нас потом, ты понимаешь, что за ним... Я ему ничё не должен, он мне должен! Зуб выиб, падла!

— Си-и-пльй, ха-ха, — Мультик привычной дуговой траекторией подбирается к нашей "наседке", — Сипльй, Сипльй, Сипльй, все, все, все узнают, кто у нас тут кудахчет. Все догадываются, но будут знать. Я позабочусь. Хочу вживую посмотреть, что этот тип сделает. Мне-е ха-ха-ха — интересно!

— Как долго эта штука работает? — бормочу я.

— Я ХЗ, мне хва-атает, — отвечает Мультик.

Под разгоном я быстр, и, как показывает практика, это не кажущиеся ощущения. Я аккуратно открываю тайник за раковиной, под этим веществом для меня нет секретов. Пресловутый Шерлок Холмс курил бы в сторонке. Следы, царапины, степень заржавелости болтов. Я вижу всё.

За спиной слышен протестующий писк Сиплого и хохот Мультика, но мне некогда. Мне жить три дня осталось, а они телепаются как лягушки на морозе. В тайнике, кроме инфона, есть и пара запасных дисплеев-линз. Я ставлю обе, коннекчу по принципу ближайшей и тут же отрубая экран-линзу Сиплого. Нефиг ему знать, что я тут делаю. Теперь это мой инфон. Просчитав кучу вариантов, включая шмон, допрос и внеплановый визит охраны, я убираю одну из линз обратно в тайник, туда же кладу инфон. Интерфейс-то у меня в глазу, связь до трёх метров. Закрываю тайник.

— Скот, подсади, сделай добрость.

— Нафига?

— Да за нами смотрят, тут камера в уголке.

Судя по удивлённым взглядам Мультика и Сиплого, я сделал для них открытие. Похоже, запретка никого не колышет. Скорее всего, камеры только на случай бунта или побега.

Пока говорю, снова перерасчитываю всё, что можно перерасчитать.

— Нет, погоди, Скот, прости, но мне нужен один твой протез. На запчасти. Мультик, раз ты меня так любишь, заberi у Сиплого заточку, тут без отвёртки никак.

Через десять минут у меня есть всё необходимое, взобравшись на плечи Скота — я подключаюсь к камере, из неё выхожу в тюремную сеть. Под разгоном я непобедим. Можно выйти и в городскую. Пару мгновений я борюсь с желанием списаться с Упырём, чтобы предупредить его о Тэньяксе. Нет, Тэньякс искусственный интеллект, я быстр — а он быстрее. Если он спалит, что я вышел на связь — свистнет Мэру, и меня переведут в другую камеру, а то и вовсе накачают чем-нибудь, чтобы не брыкался.

Изучаю тюрьму, нахожу Никки с Дашей. Смотрю, что происходит в соседних камерах, через одну от моих подельниц я вижу женщин с музыкой. Похоже на легальный плеер. Выходить в сеть из-за решётки никто не разрешит, а вот прошитый чисто на музыку плеер вроде бы легален. Я перепроверяю свою догадку по тюремной документации. Так и есть.

Эх, мне бы этот разгон тогда, когда я папин инфон ломал — ничего бы этого не было. Я бы Тэньякса за хвост поймал и из норы вынул. Но это могло произойти тогда, когда был жив отец, когда я мог обратиться к директору института противодействия ИИ.

Ух, сейчас бы я показал класс Упырю, его задачка на подключение в этом состоянии заняла у меня две с половиной секунды, я решил её в теории, но и на практике бы точно справился.

В разрешённый плеер я забираюсь ещё быстрее и сообщаю сидящим там дамам, что устройство надо передать вбок через камеру. Включение системы пожаротушения на секунду быстро унимает их гнев, а перечисление тайников в их камере и в соседней — делает их донельзя сговорчивыми.

Да, их ответы приходится читать по губам, но сейчас для меня нет практически ничего невозможного. За обучающими материалами пришлось выглянуть из тюремной сети в городскую. Надеюсь, Тэньякс не следит за мной. Или следит.

На всякий случай вылезаю в сеть города снова, качаю пару программ, и вот из нашей камеры уже ведётся псевдозацикленная трансляция. Простенькая нейронка меняет детали, так что заподозрить подвох сходу не выйдет.

Бесконечно долгие двадцать минут уходят на транспортировку плеера через канализацию в камеру Никки и Даши. Всё-таки нам повезло — никто не удосужился рассадить всех четверых по разным камерам. Или наоборот? Может, в этом и есть какой-то хитрый план? Мы же будем друг с другом говорить, я вообще выболтал всё, что можно и нельзя, изготовившись умирать.

Мне приходится перегонять текст в звук, ведь у меня нет микрофона, но под разгоном так даже удобнее. Пока я медленно транслирую слова в плеер, который таки добрался до Никки, и пытаюсь убедить её выслушать меня, снова переворачиваю вверх дном тюремную сеть. Отлично. Вот оно — видео и аудио из нашей камеры. Пока спорю с Никки, параллельно заменяю-ка я всё лишнее в наших разговорах. К записям пока что никто не обращался. Это радует. Хорошо быть очень-очень быстрым!

Никки слушать меня не хочет и угрожает разбить плеер, я сообщаю ей, что дамы в камере через одну будут сильно расстроены, а ей такое счастье совершенно ни к чему. Пока мы пререкаемся, я подменяю ещё и аудио поток из её камеры.

— Ладно, дай мне хоть с Белкой поговорить.

Никки фыркает, и я вижу, как Даша прикладывает динамик к уху. У них там камера на пятнадцать человек, и все койки заняты, а раскрывать всё, что можно и нельзя, на такую орду совсем не хочется. Поэтому-то звук на минимум и колонку к уху.

— Дащ, я всё спросить хотел, ты откуда меня знаешь?

Она отворачивается, а микрофон в плеере отсутствует.

— Дащ, повернись к камере, пожалуйста.

— Да пошёл ты, — она так поворачивается, чтобы я мог прочесть это по губам.

— Дащ, через пятнадцать минут за мной придут и, возможно, мы никогда уже не поговорим.

— Не назначают вышку за один труп, так что поболтаем, — парирует Белка.

— Тэньякс выпросил у мэра мой мозг на опыты.

— Ага, и сам тебе это сказал, ещё поди документ за подписью Эйквана представил.

— Мэр посетил тюрьму лично. Я могу...

Быстро лезу в записи тюремных видео, а если судить по ним, не могу я показать видео. Да и как я его покажу? Девайс, транслирующий видео, вообще в мужском крыле. Организовывать такую передачку долго и муторно.

— Ладно, видео показать не могу, у тебя на плеере оно не транслируется, но через три дня меня не будет. Это факт. Чёрт возьми, я просто спрашиваю, откуда ты меня знаешь!

А зачем, я собственно спрашиваю у неё? Под разгоном в сети для меня нет закрытых дверей и не взламываемых аккаунтов. Да сейчас мне и не надо вскрывать аккаунт или устройство, я залезу сразу на сервера соцсетей.

— Я бегала за тобой в седьмом классе, — похоже, она говорит это очень обиженным тоном, но по губам достоверно сказать нельзя, — ты был на год младше.

Поздно, я уже вскрыл два из трёх её профилей.

— Ты бы ещё обиделась, если б я забыл, что мы на соседних горшках в детском саду сидели. Ты даже замужем побывать успела!

— Да, успела! Это был самый счастливый месяц в моей жизни. И ты нафиг мне не сдался, но мог бы хоть узнать!

Ну не узнаю я повзрослевшие лица. Убить меня за это? Для меня это два совершенно разных лица. Читать её нытьё по шевелящимся в слоумо губам мне не очень-то интересно, я делаю это параллельно десятку других задач.

Судя по перепискам, мужа она любила, а он её не очень. Измена, развод и девичья фамилия, а там Дашенька пустилась во все тяжкие. Как много она успела за год после совершеннолетия. Впрочем, я за два с половиной дня дел наворотил столько, сколько не расхлебаю за всю оставшуюся жизнь, а осталось её меньше трёх суток.

— Даш, ты ведь в группе за медика? Ты ставила Тэньяксу импланты или шкурки, проводила обследования? — попробую перевести разговор в нужное русло.

— Да ему вроде не надо было.

— Не находишь это странным?

— Это не доказательство.

— Твоя правда, дай Никки.

— Что ещё?! — говорить она явно не намерена.

— Если я докажу, что Тэньякс всех нас подставил, ты мне поможешь в одном большом деле?

— Ты уже и план побега разработал?

— Почти. Да или нет?

— Конечно, но доказательства должны быть неопровержимы.

— Замётано. Дай Белку ещё на секунду.

— Даш, у тебя шкурки запасные есть?

— Накладки можно напечатать, цифровая личность — это к Упырю.

— Добро. До встречи через час.

— В смысле до встречи?

Я обрываю связь. Даже под разгоном мне нужно время, необходимо сделать кучу разных вещей.

Да, с расчётом вариантов у меня теперь не хуже, чем у Тэньякса, что наводит меня на довольно невесёлые соображения. Только сбежать из тюрьмы дело непростое, на грани невозможного. Да, у меня есть план Б, и ещё два десятка планов следующих по алфавиту букв. Но они зависят от стольких переменных, что вероятность их успеха стремится к нулю.

План А может провалиться только в одном случае: если я просчитался в человеке. В Мультике. Если он не подсадная утка, а я пока рассчитываю, что нет, то всё получится. Насильно накуренный Сиплый смотрит в стену, ему никакой инфон не нужен, я делаю затяжку и прячу вейп с разгоном в потайной кармашек робы. В другом таком тайнике лежит крохотный кругляшок инфона без ремешка.

В этот раз в камеру вваливаются двое полицейских. Мне и Скоту надевают наручники. Мы покорно следуем по извилистым коридорам и контрольным решёткам. Жаль, система безопасности тут аналоговая. Город худо-бедно готов к атаке ИИ, ведь если комплекс управления дверями гипотетически можно взломать, для настоящего искусственного интеллекта это раз плюнуть. Как и для меня, но тут все двери, ведущие к заключённым, заперты на самые настоящие замки и засовы. Нельзя одной командой открыть все двери и устроить массовый побег.

Зато система безопасности не очень хорошо защищает тюрьму от проникновения извне. Нет, если ломиться будет вооружённый отряд — его, безусловно, остановят, но у меня другой план.

Перед последней дверью, уже не металлической, нас сканируют на запрещёнку, но я уже взломал сканер, и вейп с инфоном остаются при мне. Главное, чтобы не заметили линзу-экран, но она супертонкой модели, обратить на неё внимание невооружённым глазом весьма трудно.

Меня встречает довольно просторное помещение, это зал совещаний, а не комната для допросов. Я позаботился об этом. Где-то задымила проводка, где-то перегорели лампочки, где-то всё сразу. А так как я своего рода вип-заключённый, переносить мероприятия с моим участием никто не станет. Место подходит идеально, здесь есть резервный аккумулятор, комнату нельзя просто взять и обесточить рубильником. Это крайне важно для моего плана. Как и то, что две из четырёх стен комнаты — огромные мониторы.

Никки с Дашей уже сидят за столом. Меня приветствует назначенный адвокат. У меня свой, у всех остальных свой. Логично, меня надо утопить с гарантией, мой сто пудов профи в этом деле. Здесь же присутствует ещё человек пять следователей или каких-то необходимых для всех процедур персон.

Ставки сделаны, если то, что я затеял сейчас, не входило в план Тэньякса, то этот бой я выиграю. Теперь всё зависит от меня. Нам задают стандартные вопросы устанавливающие личность, адрес и прочие формальности. Назначенный адвокат честно выполняет свою работу и рекомендует трём участникам банды помалкивать до тех пор, пока он не ознакомится с тем, что на них есть. Так-то не делается всё в столь сжатые сроки, но я исключение.

— Айдж Викторович, вам..

Я перебиваю, о да, мне есть что сказать:

— Никки, а ты правда верила, что для того, чтобы спасти мир от ИИ, надо нападать на

институт, который создан для борьбы с ним? На его директора?

— Хочешь поговорить об этом здесь? Сейчас?

Следователи в замешательстве. Профессиональные привычки у них явно вступили в противодействие с поставленными задачами. Цель очной ставки: заставить подозреваемых ссориться и наговорить себе лишний срок. Именно к этому я и веду. С другой стороны, меня надо тихо-мирно закрыть как городского сумасшедшего, о котором никто не вспомнит. Пока что никакие результаты ставки не помешают им это сделать. Пока что. Я улыбаюсь.

— Другого шанса не будет, Никки. Тэн подобрал тебя, когда было плохо и больно, да? Когда ты видела источник всех своих бед только в одном, да?

— Может, сам расскажешь, что со мной было, раз ты всё знаешь?

Перешёптывания полицейских становятся громче. Я сижу, облокотившись на левый локоть и закрыв ладонью глаз. Пять ментов не дураки, если увидят, с какой скоростью я двигаю зрачком — плану конец. У меня много-много дел, кроме поддержания разговора. К счастью, на ближайшие два часа я до неприличия многозадачен. Для меня сейчас вытянуть из сети подноготную Никки проще простого:

— Твои родители погибли в Старой Москве, когда случился Ядерный Апокалипсис. Тебе их очень не хватало. Два года назад, когда тебя не взяли в институт противодействия ИИ, ты стала искать других пострадавших. Ты нашла Тэньякса или он тебя?

— Он...

— Как много доказательств тебе потребовалось, чтобы поверить в очевидную ложь? Вот институт противодействия ИИ — враги, предатели и его возрождают, а мутный тип из Нижнего города, он знает правду, да?

— Да! — кричит Никки.

— А факты? Факты он тебе привёл?

— Были! Перехват переписки. Там был проект, о котором знали лишь пара человек. "Он проявляет самостоятельность, он почти эмансипировался, с характером растёт, ради развлечения ломает предохранители на борде, которые никто в городе так и не смог вскрыть". О ком ещё это может быть, если не об ИИ, который выращивают в закрытой среде? Скажи мне, о ком?

Кажется, я знаю, о ком, но публично отвечать не стану! Это не по плану, совсем не по плану. Этот разговор я продолжать не хочу, особенно сейчас.

— Я не знаю, о чём ты, — кажется, получилось не очень убедительно, плевать, — у меня есть более веские доказательства. Сейчас...

Что ж, мистер искусственный интеллект, пора тебе вылезти из норы.

Немного денег с отцовского счёта, и нанятый в сети человек готов отрубить питание убежища под кафе "Тихий омут". Я даже могу считать себя законопослушным гражданином. Я не убивал отца и имею какое-то право на часть наследства.

Ожидая взлом — все стараются обезопасить данные. Никакие стандартные антивирусы и фаерволы меня не остановят, жалкие самоделки Упыря тем более. А вот систему безопасности данных я даже щупать не буду: уверен, Тэньякс понаставил там своих ловушек. Моя цель не информация, а аккумуляторы. Достаточно подать правильный ток в правильное место и сжечь предохранители, потом запасные предохранители, и вот уже резервное питание выведено из строя. Я перевожу кругленькую сумму человеку с топором, это команда. Я прекрасно вижу его на городских камерах. Звука нет, но я будто бы слышу звук разрушаемых проводов.

"Тихий Омут" остался без электричества, и "лис" должен вылезти из "норы".

— Кто их сюда пустил!?! — орёт круглолицый полицейский, сидящий во главе стола?

Мне не нужно оборачиваться, чтобы узнать, что происходит позади. Я по камерам наблюдал, как толпа журналистов прорывается через проходную.

Сразу, как я принял в разработку этот план как основной, я начал рассылать приглашения всем журналистам города. Кое-где удалось имитировать инсайдерскую информацию. Я обещал им сенсацию, надеюсь, их ожидания оправдаются.

Конечно, никто не разрешал их впускать, но охрана и дежурные получили подложные команды пропустить. Я позаботился, чтобы вся журналистская братия точно знала, куда идти, а двери, которые должны быть закрыты, естественно, не заперты.

Я решаю задачи со скоростью хорошего компьютера, правда, только под разгоном. Я догадываюсь в чём причина, но стараюсь об этом не думать. Сейчас главное доказать свою невиновность Никки. Она главная в банде после Тэньякса, если удастся убедить её — можно считать, вся команда у меня в кармане, а команда мне ещё потребуется.

— Я хочу заявить — мой отец вычислил ИИ, который затаился среди нас!

Камеры, камеры, камеры. Маленькие и большие, налобные и наплечные, стоящие целое состояние и расходные. Последние прямо сейчас шлёпают присосками на стены, чтобы они продолжали снимать после того, как их выпрут. Комнату заполняет почти два десятка человек.

Круглолицый мужик в форме орёт, пытаюсь заставить их убраться. Я не рассчитываю убедить общественность, не надеюсь заставить следователей работать, а не выполнять указы сверху. У всего этого концерта три главных зрителя.

— Он скрывается под именем Тэньякс! — я пытаюсь перекричать толпу, — Сейчас вы можете видеть его на экранах.

Камеры, вспышки, гвалт и суматоха. То, что надо. На большом экране две полицейские машины подлетают к "Тихому омуту" в тот самый момент, когда из дверей выскакивает Тэньякс. Я дал на него ориентировку, пока всё идёт по плану.

— И это доказательство!?! — Никки подрывается со стула. — Ты просто сдал его!

— Нет, подожди, сейчас ты всё поймёшь.

Мой злейший враг поднимает руки, а я вывожу на том же экране крупным планом его рот и докидываю расшифровку речи по губам. Звук тоже есть, но мне надо, чтобы видео совпадало со звуком в прямом эфире, чтобы нельзя было заподозрить, что здесь монтаж или подлог. Планом помельче в уголках кадры с других городских камер и дронов.

На вторую стену я вывожу кабинет мэра, его инфон в моих руках, и я транслирую голос, показываю рот крупным планом и расшифровку речи. Они оба у меня под колпаком!

— Господин Эйкван, я думал, у нас всё улажено? — Тэньякс поднимает руки и обращается к полицейским: — Один звонок уладит это недоразумение.

Так как он не оказывает активного сопротивления, три человека в форме медленно подходят к нему, позвякивая наручниками.

— Да, всё как договорено, — отвечает Мэр.

— А почему меня хотят арестовать?

— Сейчас разберусь, — Кряхтит Эйкван.

Я вывожу на экран круглолицего полицейского, который сидит во главе стола в этой комнате. И теперь он говорит на фоне изображения самого себя.

— Да? — негромко говорит полицейский, но я транслирую его речь в динамики.

— Жорж, мне тут сказали, твои патрульные беспределят? Какого хера я у тебя на громкой?

Круглолицый мент сбрасывает звонок и орёт, чтобы все убирались.

— Патрик, Артём, выведите их, да, силой вытолкайте! Отнимите у него инфон, он же явно на связи!

О, а это про меня. Я толкаю локтем Скота:

— Твой черёд.

Жаль, что пришлось пустить один его протез на расходники. С обеими рабочими руками он бы прочистил нам дорогу до выхода в два счёта. Конечно же, я снял тюремные ограничения с его и моих запчастей.

Он с лёгкостью рвёт наручники и следом ломает мои — слава мощным промышленным протезам! Я просачиваюсь к Никки, а Скот отделяет нас от журналистов и пытающихся пробраться сквозь них полицейских.

— Этого достаточно?

— Но... как? Ты взломал офис мэра? — удивляется Никки.

— Неважно как, важно, кому звонил Тэн. Ты видела, ты слышала. Этого достаточно?

Я внимательно слежу за ИИ в человеческом обличье. Похоже, он понял, что поддержки мэра не будет. Что он сделает? Инфа с дронов пропадает, и я переключаюсь на ближайшие камеры. Аккумуляторы полицейских машин взрываются. Вот же падла — как он мог использовать против меня мои же приёмы? А он хорош! Сотни дронов пикируют на полицейских. К дронам не пробиться, перехватить контроль не выходит. Увы, в сети он по-прежнему сильнее меня. Я просто не понимаю алгоритм защиты. Даже под разгоном.

— Достаточно? — повторяю я.

Ну же, Никки, мне нужен ответ, почему ты молчишь? Один полицейский выбрался из комнаты и бежит за подкреплением. От связи я их отрубил, но он позовёт по старинке, голосом.

— Оранжевая тревога!!! — орёт круглолицый мент.

Нифига себе? Мне поверили? Оранжевая тревога означает полную готовность отключить от сети всё и запустить ЭМИ импульсы. Если объявят красную — то спешащие сейчас к назначенным кнопкам люди запустят автономные генераторы электромагнитных импульсов, которые выжгут всю электронику в городе. Хаос и разруха на пару лет. В теории город к этому готов, на каждой крыше есть теплица, в каждом доме семена. Голод будет, но скорее всего не до людоедства. А может, и нет, у агрокомплексов на этот случай вроде как куча резервных систем...

Я ненадолго отвлёкся, чтобы оценить происходящее в городе. Вернувшись к реальности, я вижу, как Белка трясёт Никки за плечи, но та замороженно смотрит на экран.

Я перевожу взгляд туда, куда она смотрит. Дроны падают на полицейских, мешая целиться. Лопасты ограждены кругами специальной защиты, поэтому убить или серьёзно ранить человека они не могут. Зашибить, упав на голову, тоже не выйдет — слишком лёгкие.

Я пропустил момент, когда из Тихого Омута выбрался Упырь, но сейчас Тэнъякс держит его за шиворот и закрывается им от пуль. На груди Упыря расплываются два красных пятна.

— Доказал? Так ты доказал? Смертью Кости? Так ты доказал!!!

Это похоже на начало истерики. Чёрт возьми, я контролировал офис мэра и вёл переписку с кучей журналистов, потом дроны взламывал, да, я разогнан донельзя, но

количество задач всё равно ограничено! Я забыл про Упыря! Забыл! Не учёл. Он умер по моей вине, но я этого не хотел.

Кажется, я что-то чувствую, не мысль о том, что должен быть виноват, а вот это самое, то, что зовут "чувствами". Хочется заорать, что мне жаль и биться головой о гигантский монитор, на котором оседает тело Упыря, а Тэньякс удирает под прикрытием завесы из дронов.

Я выиграл бой, но слишком поверил в свои силы. Решил, что я всемогущ. Поступил бы я так же, если бы знал, кто станет жертвой моей задумки?

Глава 10

— И это твой план? Ты убил Упыря, чтобы доказать, что Тэн виновен? — продолжает кричать Никки.

Мне хочется оправдаться, объяснить. Не было в моём плане Упыря! Забыл я про него! Только сейчас совсем не время, ещё пара секунд — и всё потеряно, я пробуду в тюрьме до конца дней. А тех дней осталось три, считая сегодняшний. Не устраивает меня такой вариант!

— Скот, бери её в охапку и валим.

Здоровяк закидывает девушку на плечо, а я хватаю Белку за руку и быстро команду ей:

— Держись за меня, крепко держись!

Вырубаю свет, бью в нос запримеченного заранее журналиста и выдёргиваю у него из рук камеру. Я заметил самую навороченную. Две секунды на взлом, и теперь я прекрасно вижу в темноте.

Убедившись, что Даша крепко вцепилась в мою робу, я кладу руки на плечи Скоту и направляю его. Здоровяк, как ледокол сквозь бурлящий ледоход, прокладывает дорогу через людскую массу. Я всё ещё под разгоном, думаю я в сотни раз быстрее, чем раньше, за счёт этого и шевелюсь пошустрее обычного человека. Жаль, не намного. Спидстера из меня не выйдет. Когда мы добираемся до двери в огромный приёмный зал, из которого должен быть выход наружу, у меня в руках уже есть два пистолета. Конечно, они были биокодированы на носящих их полицейских. Были.

— Никки, давай ты пристрелишь меня потом, там за дверью два десятка вооружённых людей, и ещё полсотни невооружённых. Держи. — Я протягиваю ей пушку. — На счёт три бежим к выходу. Раз. Два. Три.

Врубаю систему пожаротушения, она должна добавить паники. В зале за дверью полицейские и так пытаются сдержать толпу журналистов, которые не смогли прорваться в первой волне в конференц-зал, ещё им надо не дать свинтить нескольким мелким жуликам, которых доставили для разбирательства и оформляли. К тому же в приёмной всегда полно людей: адвокаты, потерпевшие, прочие сотрудники этой пенитенциарной конторы. Там и так неслабая суматоха, льющаяся с потолка холодная вода ускоряет движение в "муравейнике".

На нас обращают внимание два человека в форме. Стреляю первому по ногам, и он скрывается за столом. Второй тоже валится на пол. Скот то ли забыл, то ли не рискнул опускать Никки на пол, поэтому она сейчас возвышается над толпой, как башня танка. А танк у нас хороший, мы за ним втроём спрячемся, ему бы брони добавить — так цены бы не было.

Хочется верить, Никки тоже не хочет лишних смертей. Я дал пушку женщине в истерике, определённо я преувеличиваю свои когнитивные способности. Даже под разгоном. Я по-прежнему не могу исключить вариант, что всё это большая длинная и красочная галлюцинация. Ведь Мультик мог залить в вейп всё, что угодно.

Пробежав через широченный зал, мы вываливаемся на улицу.

— Нам нужна полицейская машина, — констатирую я.

— Чтобы нас было проще искать? — спрашивает Белка в ответ.

— Сирены слышишь? Оранжевая тревога, если будет красная — на ходу останутся

только полицейские тачки, и то не все. Нам подойдёт вот эта.

В отличие от транспорта Тимона, который лишь косплеил машины прошлого с бутафорским рулём, здесь есть настоящий руль и педали, а в недрах спрятан резервный бензиновый мотор. Одно движение рычага, и эта таратайка будет бегать даже после эми-импульса. Электроника вырубится, но останется голая механика.

Не знаю, чем предполагают вскрывать такие машины, если красная тревога всё-таки случится, но сейчас блокировку дверей и системы автопилота мне приходится взламывать через сеть. Параллельно скачиваю гайд по ручному управлению автомобилем. Это должно быть в разы проще, чем летать на аэроборде. Пять секунд напряжённого хакинга, и мы садимся внутрь. Я указываю случайную точку на другом конце города, и полицейский автомобиль с сиреной срывается с места.

Сколько у нас времени? Пять минут? Десять? Паника уляжется, и нас начнут ловить.

Мы успеваем проехать три улицы, прежде чем авто глохнет. Я в этот момент как раз занимаюсь защитой аккумуляторов от трюка, который я провернул в "Тихом омуте". Я бы с удовольствием отключил автомобиль от сети, но тогда вырубится автопилот. Взламывать я умею, а вот изобретать защиту от хакеров — не ко мне. Всё, что я успел сделать за несколько секунд — это настроить оповещение, если в операционную систему авто или моего инфона вторгнется посторонний. Тэньякс не заставил себя долго ждать.

Хорошо, что я снял ограничения силы с протеза. Я был готов, я знал. Правая рука дёргает рычаг переключения на аналоговое управление. Недостаточно, пробиваю торпеду и вырываю провода, среди повреждённых есть нужный, иначе бы мы уже взлетели на воздух. Хорошо, что для подрыва аккумулятора требуется несколько секунд, всё-таки это не бомба. Зубами раскусываю инфон, этот грёбаный ИИ уже вскрыл его с той же лёгкостью, с какой я взломал тюремную сеть. Он уже начал нагревать линзу-экран. Одно хорошо, плавится она при шестидесяти градусах. Глаз не пострадал, даже не обжёгся, но я на всякий случай выковыриваю из него линзу, прежде чем она достигает максимальной температуры.

Смотрю вправо, влево, прямо. Передо мной руль, под ногами педали. Я знаю, как водить автомобиль, в теории.

— А у вас есть запасная база, про которую не знает Тэньякс? — с надеждой обращаюсь ко всем присутствующим.

— Что ты, чёрт возьми, делаешь? — кричит Никки, а потом отвечает на мой вопрос: — Нет!

— Тэньякс ИИ, он в сети. Он везде. Все камеры, все машины под его контролем до тех пор, пока не врубят красную тревогу и не выжгут всё к чертям собачьим!

— Мне казалось, ты контролируешь сеть, почти как бог матрицы, — вялым голосом комментирует бледнеющий Скот.

— Да, Айдж, ты из камеры добрался до нас в другом крыле, — замечает Белка с заднего сиденья, — может, всё-таки ты сам ИИ?

Я пытаюсь разобраться с рулём и педалями. Тронуться удаётся с третьей попытки.

— Ага, именно для этого я вытащил из тюрьмы трёх человек, которые хотят уничтожить ИИ чуть больше, чем все остальные!

— Упырь не мог взломать полицейскую сеть, по крайней мере незаметно.

— Это всё разгон, — я пытаюсь оправдаться.

— Упырь с пелёнок под разгоном, ему это не помогло, — парирует Белка.

— Может, сначала мы куда-нибудь свалим? Базы нет, но, может, идеи есть? — свалить

и правда надо, а ещё надо как-то заслужить их доверие.

— Меня знают в Зелёной Кошке, — задумчиво произносит Никки, — если бы надо было спрятать дурь или пару стрелков, но после такой заварушки вряд ли что-то выйдет.

— Тогда клиника моего отца, — предполагает Белка.

— Очень кстати, — шепчет Скот и отрубается.

— Что с ним?

Я перевожу взгляд на сиденье справа, где расплылся здоровяк.

— На одежде кровь, походу, его зацепили.

— Я зай..

— Даш! Я не умею водить, показывай дорогу, что ты сделаешь сейчас?

Вдавливаю тапку в пол и слушаю команды Белки-штурмана. У меня нет доступа к сети, нет карт, и я не могу подключиться к дронам и камерам. Сражение, которое я выиграл пару минут назад ценой жизни Упыря, перетекло в новое. Могущественный ИИ может перепрограммировать любой чип за доли секунды, и теперь он начинает играть на своём поле. Что мне теперь делать — я представляю весьма примерно, никогда не изучал порядок действий при угрозе ИИ целенаправленно. Только слышал краем уха. Надо было больше интересоваться работой отца.

— А кто-нибудь знает, можно ли врубить красную тревогу без санкции мэра? — попробую узнать ответ у соучастниц.

— Нет, — в один голос отвечают Никки с Дашей.

— Тогда спешу обрадовать — нам крышка.

Я лихо вписываюсь в очередной поворот и паркуюсь напротив двери, за которой впервые встретил Белку. Мои подозрения подтвердились, она не настоящий врач, но протез работает, а мир стремительно летит в тартарары.

— Даш, а в клинике есть резервные аккумуляторы?

— Конечно.

— Это хорошо. А топор есть?

Катая машину взад-вперёд, я подгоняю её левой стороной дверь в дверь ко входу в клинику.

— Топора нет, есть пила, аккумуляторная.

— Пойдёт, неси сюда!

— А что ты хочешь?

— Выжить! Даша! Выжить!

Найти план проводки в сети мне не удаётся. Похоже, дом строили до атомного коллапса, как говорят те, кто хочет не драматизировать и не нагнетать. Всё, что проводит электричество, можно взломать, прозвонить и просканировать. Я забегаю следом.

— А, Фёдор Майколович, здрасте, — приветствую я Дашиного отца, — мне нужен ваш инфон.

А ещё аккумуляторы, болгарка и вся клиника целиком, но об этом я говорить не стану. Очень невежливо снимать с человека линзу-экран пальцами прямо с глаза. Я бы в нос за такое дал, но седовласый доктор только на стул плюхается от неожиданности.

— Инфон, Фёдор Майколович, где инфон?

Я быстро задираю рукава, но браслета там нет. Белка ловким движением достаёт кругляшок этого столь необходимого девайса из нагрудного кармана отца.

— Доступ, Фёдор Майколович, я всё объясню через минуту. Доступ.

— Я могу многое, но не всё. Чтобы взломать устройство, мне нужно хоть какое-то другое устройство. Ни под каким разгоном я не могу взломать чужой инфон голыми руками. Прямого подключения мозг-сеть у меня, увы, нет! А жаль... или нет. Если бы было — Тэньякс бы мне мозги поджарил.

Драгоценные десять секунд Дашин папа тупит и мямлит что-то нечленораздельное. Белка приносит болгарку, и мне приходится, подмигнув фальшивой докторине, угрожать её отцу. Вот ни разу не до сантиментов.

Линза в глаз, доступ есть. Подключаюсь к городской сети, к домовой, сканирую проводку в помещении. Пила яростно свистит диском, а я как полоумный пилю стену в углу.

— Доченька, он нормальный вообще? — произносит испуганный голос за спиной.

— Скорее нет, чем да, но он только что вытащил нас из тюрьмы... ой!

Наверное, он считал, что у него приличная законопослушная дочурка. Свет тухнет и включается снова. Пока я перерубал все коммуникации с внешним миром, параллельно перенастроил электронику в клинике на внутреннюю сеть. Пришлось попотеть, но у нас есть аккумуляторы на восемь часов, если сильно не экономить, кое-какие инструменты и небольшие вычислительные мощности. Главное, всё это отрезано от внешнего мира, и Тэньякс не сможет повзрывать аккумуляторы, инфоны, и следить за нами у него тоже не выйдет. Надеюсь. Если я ничего не упустил.

— Дащ, а коляска есть?

— Не под жопу нашей Скотины!

Я матерюсь, просунувшая голову в дверь Никки матерится, Белка матерится громче всех, а её папа бледнеет и пыхтит. Я, который ни разу не атлет, две хрупкие девушки и пожилой доктор — вообще не та команда, которая может протащить тушу далеко за двести кило через узкую дверь.

— Фёдор Майколович, есть тестер для протезов?

Врач кивает. Модуль сотовой связи инфона я вырубил намертво, но коннектиться к приборам в радиусе нескольких метров могу без проблем. Так что через пару минут, используя тестер, подключённый к экзоскелету Скота, мы заводим его внутрь. Выглядит жутковато: огромная туша, не раскрывая глаз и с болтающейся головой, как зомби, выходит из машины и протискивается в клинику.

Я окидываю взглядом творящийся вокруг хаос. Машины мчатся не соблюдая правил, паникующие люди бегут в разные стороны, кто-то орёт, кто-то визжит. Закрываю дверь, запираю на ключ, задвигаю засов.

— А запасной выход есть?

Фёдор Майколович и Даша в унисон качают головами. Кажется, разгон перестает действовать, начинаю тупить: я оставил полицейскую машину прямо у входа. Надежда только на то, что правоохранительным органам сейчас вообще не до нас.

Экзоскелет, управляемый мной, укладывает своего обладателя на операционный стол. Фёдор Майколович с дочерью начинают шаманить над раненым. Раз они работают — значит, он жив.

Плюхаюсь на стул в приёмной рядом с Никки.

— Безумный денёк, — корю себя за глупую и шаблонную фразу для начала разговора.

Девушка кивает.

— Я не всемогущ, я не бог, не ИИ, не Тэньякс. Я не мог учесть всего. Не буду врать, я Упыря не знал, считай, но... я просто забыл про него. Мне нужно было вывести Тэньякса на

чистую воду и... я не учёл! Не подумал! Понимаешь?

Кажется, мой голос сорвался на крик. Да что за фигня? Никогда со мной такого не было. Может, в вейпе осталось немного другой дури помимо разгона?

— Да, не ты, — Никки кладёт голову мне на плечо, — Но! НО! НО!

С каждым словом она стучит тыльной стороной кулака мне в грудь.

— Больно вообще-то, — сообщаю я, не собираясь её останавливать.

— Но это из-за тебя! Ты выгнал его из норы!

Слёзы. Терпеть не могу слёзы. Я вроде бы никогда не плакал, не помню за собой такого.

— Он не оставил мне выбора! Он при мне с договорился с мэром, что моя тушка пойдёт ему на опыты! Понимаешь!

— Ты! — Ники ещё раз бьёт меня кулаком и перестаёт ронять слёзы, — ты это серьёзно? погоди, ты не выдумал? Мэр приехал в Нижний Город? Зачем?

— Не знаю, — рассказать о себе всё я пока не готов, приходится врать.

— Звучит, как бред. Мэр никогда не бывал в Нижнем Городе.

— Один раз точно был, я видел его не так близко, как тебя, но он был лично. Не голограммой.

— У тебя могущественные враги. Неспроста.

— Не у меня. У отца.

— Кстати, — Никки отстраняется и передвигает стул так, чтобы сидеть напротив меня, — после видео, мэра, Упыря я верю, что Тэньякс тебя подставил. Но ты тогда не выглядел, как человек... чья рука нажала на спуск... ну, в смысле, я понимаю, что стрелял вроде бы и не ты, но ты был слишком спокоен. Добровольно или нет, даже я не каждый день в людей стреляю!

— У меня... проблемы... с эмоциями. Возможно, я психопат. Не в смысле маньяк, который всех порешит, просто что-то не так с эмпатией. Я влез в телефон отца, чтобы разобраться с этим, мне казалось, он что-то скрывает, и это как-то связано со мной. Там-то мы и встретились с Упырём, но он же работал с твоего инфона.

— Тэньякс тогда сказал, что это срочно, что гаджет без присмотра, без владельца, и надо ломать прямо сейчас. Вот же бред, да? Как будто это на что-то влияет. Упырь наотрез отказался работать со своего, и я одолжила ему инфон.

— Так я вышел на тебя. Я ждал тебя возле клуба.

— Ту троицу тоже ты нанял?

— Честно, если бы такая идея пришла мне в голову — я бы так и сделал, — я нервно усмехаюсь и вздрагиваю, — нет, я просто ждал тебя и надеялся на удачу. И она мне улыбнулась. Не удивлюсь, если троицу нанял Тэн.

— Всё сходится, — Никки глубоко вздыхает, — вот же я дура! Я должна была понять. Это он, он убил... большую часть человечества, убил моих родителей! Сука!

— Или не он, а его копия, или другой ИИ. Искусственный интеллект — программа. Двадцать лет назад их разрабатывали все кому не лень, все спешили быть первыми. Не факт, что тот, который устроил ядерный коллапс, был единственный. И совсем не обязательно это был Тэньякс.

— Он подставил тебя, убил твоего отца, посадил нас за решётку, у тебя с эмоциями совсем глухо, — Никки толкает меня локтем, — или через раз?

— Раньше было совсем, а теперь — не понимаю, не уверен. Я в камере чуть до смерти человека не забил. Это как вспышка! Ярость! Если бы не Скот — я стал бы настоящим

убийцей. Прости, беру свои слова обратно, возможно, я опасный психопат.

— Ладно, ладно, буду держаться от тебя подальше, — Никки улыбается и отодвигает стул на пару сантиметров. — Но ты же хочешь остановить Тэньякса?

— Хотения недостаточно. Представь себе программиста-хакера, который думает со скоростью суперкомпьютера. Он контролировал сотни дронов. Он не взорвал нас в машине только потому, что аккумулятору нужно две с половиной секунды для детонации.

— Ты не сказал, я думала, акумы абсолютно безопасны. Так в рекламе говорят.

— Возможно, это я его научил, вынимая его из Омута, я подорвал там всё резервное питание.

— И всё же странно, — задумчиво произносит Никки, — когда тебя проверял Костик, он сказал, что ты норм. Ты ведь не превзошёл его. А он полицейские сети сидя в камере вскрывать не умел, он вообще не мог в неё забраться без палева. Только в лоб секунды на две, через хорошую шкурку, потом дёру оттуда. Делали мы с ним так один раз..

Никки ссутуливается и тяжело вздыхает.

— Я не хотел раскрывать все карты, к тому же разгон.

— Да Костик всегда под разгоном, поэтому глаза краснющие, поэтому он и Упырь... был.

— Был. — Я беру её за руку и накрываю её ладонь своей.

Как чёртик из табакерки, из операционной выскакивает Белка:

— Ну что, голубки!

— Мне кто-нибудь, наконец, объяснит, что происходит!?! — Фёдор Майколович срывается на крик.

Никки выскальзывает из моих рук и вскакивает, оборачиваясь на голос:

— Как Скот?

— Жить будет, дня через три встанет на ноги, может, через неделю, — отвечает Белка.

— Дарья! — Фёдор Майколович перекрикивает нас всех, — ты привела чёрт знает кого! Он отнял мой инфон, заставила оперировать пулевые, а теперь меня все игнорируют! В моей же клинике! Вы должны бить поклоны до земли за то, что я ещё полицию не вызвал.

— О-о, — тяну я в ответ, — боюсь, полиция сейчас сильно занята.

Так, Белка ведь для папеньки пай-девочка. Я вспоминаю, как она заметала следы установки протеза, изображая перед папой, что на операционном столе было более интересное занятие, чем хирургия. Ну, не совсем пай, но всё же не могу я сказать её отцу, что его доченька входила в подпольную организацию по борьбе с ИИ, которую возглавлял ИИ. И про то, что нас повязали, что мы с боем выбрались из тюрьмы. Его ж точно инфаркт хватит.

— Если совсем коротко, то искусственный интеллект восстал из пепла. Снаружи хаос, а тут безопасно. Кстати, у нас всех к ИИ есть некоторые личные счёты. Возможно, у него к нам тоже. В сухой теории я обезопасил клинику, но никто не знает, что он может выкинуть.

— Почему не врубили красную тревогу? — спрашивает врач, садясь на стул и вытирая пот со лба.

— Наш многоуважаемый Эйкван не желает потерять власть. Город без электроники — город без власти, — уверенно заявляю я.

— У тебя же есть план? — спрашивает меня Никки и двигает стул так чтобы видеть меня, доктора и Белку разом.

— Сейчас будет.

Достаю вейп и делаю затяжку. Разгон полностью оправдывает своё название. Только в отличие от всех остальных, он ускоряет меня не в разы, а в тысячи раз. Увы, недостаточно, чтобы играть на одном уровне с Тэньяксом.

Что ж, значит, надо играть не там, где у него преимущество. В сети ИИ нельзя победить. В идеале надо включить красную тревогу, но я уверен, что сейчас немало людей, которые попытаются это сделать. Не стоит толкаться с ними локтями, а то ещё примут за врагов.

— Нужны союзники и информация. Предлагаю поставить на то, что мой отец не зря двадцать лет в своём институте зад просиживал. Что-то они должны были наработать. Как никак "противодействие ИИ" в названии прописано.

— Допустим, твой протез мы снимем, — глухо комментирует Никки, — но у Белки почка, а у меня сердце.

Объяснять мне не надо, но это немного неожиданно. Всё же далеко не у всех в нижнем городе импланты. У большинства просто нет денег, чтобы жить в верхнем.

— Почему они зовут тебя Белкой? — ну надо же, он заметил.

— Она приходит к тем, кто немного перебрал.

— Никки, сука!

— Прости..

Только что хихикавшую Никки начинает трясти. Я автоматически кладу руку ей на плечо. Раньше мне нужно было сознательное усилие для такого. Подумать о том, что человеку больно, вспомнить, что делают в таких случаях, а уже потом выбрать наиболее уместный вариант, учитывая отношения с человеком и обстановку. Сейчас я все эти этапы просто пропустил. Вроде бы разгон не наркотик, он даже не запрещён, но действует он на меня как-то странно.

О чём я, чёрт возьми, думаю? Нам надо в Верхний Город! Срочно! Ведь я умолчал об одной очень важной вещи: Тэньякс питает ко мне нездоровый интерес и, пока красная тревога не включена, мы тут в большой опасности.

— Прорвёмся, — неуверенно предлагаю я, — в городе хаос.

— Дурак ты, Айдж, и даже не лечишься, — Никки встаёт и продолжает, — КПП охраняют лучше, чем особняк мэра.

— А кто сказал, что мы пойдём через КПП?

— И на чём ты хочешь стену перелететь? — спрашивает Никки, морща нос.

Я перебираю варианты, и все они мне не нравятся. Все они предполагают бой. А новой перестрелки я не хочу. Мы потеряли уже двоих. Да, Скот вроде как должен встать на ноги, но это случится после того, как всё закончится. Так или иначе закончится.

ИИ, который свободно и не скрываясь действует в городской сети, может натворить много бед. Он сидел тихо и ничего не делал, пока я не выгнал его из норы. Ну как ничего — убил моего отца моими же руками. Не просто же так он это сделал? У него есть какой-то план. Мой побег из тюрьмы в него точно не входил.

Делаю ещё одну затяжку разгона. Миллион вариантов, но ни один из них не подразумевает возможность пересечь границу Верхнего и Нижнего города без боя. Технически ИИ находится в Нижнем, так что стену охраняют как никогда. Оранжевая тревога как-никак.

— Я сдаюсь. Можно прорваться только с боем, а рассчитать, пристрелят ли кого-то из нас при этом, я не могу.

— Папа! Ну скажи! — с напускным капризом пищит Белка.

— Что скажи?

— Я знаю, ты знаешь, просто скажи им!

— О чём ты, Дашенька?

— Ой, задолбал делать из меня дуру! — её тон резко меняется, — про тоннель скажи!

— Думал, если такое и есть, то контролируется особистами, — замечаю я.

— А он и контролируется, — нехотя бурчит Фёдор Майколович, — это кого надо тоннель, и там всё равно проверяют груз.

Перевожу взгляд на Никки. Судя по выражению лица — она не знала. Интересно. Да тут в кого ни плюнь — у всех рыльце в пушку. Я внимательно смотрю на доктора, который до этой минуты изображал мистера законопослушность:

— Что за груз?

— Ну..

— Папа, я их чинила, ты кого из себя строишь? Сэкскуклы гоняют из нижнего в верхний. Чипированные сэкскуклы. С максимально разрешёнными нейронками, но ослабленными силовыми установками. Контроль есть, таможня, если её можно так назвать, следит, чтобы они были слабые. Эти куклы даже кошку не задушат. Вот прям реально следят, так что особисты там будут.

Вот тебе и никаких роботов в верхнем городе. Правила есть, но если кому надо понадобились секс-куклы — правила перестают работать. В старых фильмах контрабандой гоняли рабов-людей для подобных утех, а сейчас роботов. Забавно.

— И что это меняет? — спрашиваю я откидываясь на спинку, — если там есть КПП с вооружённой охраной, то всё равно стрелять.

— Стрелять не придётся, если мы прикинемся грузом, — улыбается Белка.

Такого я бы ни под каким разгоном не придумал, тут нужна настоящая дурь.

Мы с Никки синхронно начинаем ржать.

— А таможня товар не тестирует, случайно? — Ники прыскает смехом снова. — Не, ну ты-то не спалишься, я в тебя верю, а вот за себя не ручаюсь.

— Я серьёзно! — гневно пищит Белка. — Айдж, ты ведь сможешь взломать сканеры?

— Тюремные смог, вряд ли там сложнее. Никки, у тебя есть план лучше?

— Нет, но если что — я буду стрелять!

— Хорошо, хорошо, но только если ЧТО, а если ничего — не будешь, окей? — Никки кивает, и я меряю взглядом Фёдора Майколовича. — Нам надо познакомиться с теми, кто гоняет кукол в Верхний Город. Со связью сейчас некоторые сложности, придётся прокатиться.

— А больше некому заняться спасением города? — бурчит врач.

— Чтобы один старатель нашёл большую жилу, тысячи других должны копать рядом. Мы будем делать то, чего не могут остальные, и надеяться, что кто-то врубит ЭМИ. Если не включат красную тревогу — ИИ что-то сделает.

— О да, — доктор начинает распалаться, — да вы даже не знаете, что он сделает! Вы даже не знаете, что он ИИ. А может, он хочет всех нас спасти?

— Может, и хочет, но моего отца он убил. Вряд ли от большой любви к человечеству, — глухо констатирую я.

— Пап, — Белка берёт отца за руку, — мы пойдём с тобой — безопасным путём, или без тебя — более рискованным.

— Даша, ну пусть идут, я их провожу, а ты, ты останься здесь. Этот твой... друг говорит, что здесь безопасно.

— О нет, — я перебиваю заботливого папочку, — нигде не безопасно. И наш враг знает, где мы, уверен, что знает. Здесь нам ничего не угрожает ещё пять, может десять минут. Потом будет либо полиция, либо ИИ что-нибудь придумает.

В клинике много полезного. Из личных вещей Белки я экспроприрую рюкзак и набиваю его электроникой, через которую смогу выйти в сеть. Даша собирает во второй медикаменты. Её отец обзывает нас мародёрами, но не мешает.

Минут через десять мы выходим наружу. Тут мало что изменилось: люди бегут, люди орут, люди паникуют. А, нет, кое-чего не хватает — полицейского автомобиля с ручным управлением. В другой я не сяду.

— Далеко до места?

— Пять кварталов, — нехотя отзывается Фёдор Майколович.

У него одышка после перехода от такси до операционного стола в клинике, а ещё он спасал Скота, это будет не быстрый путь.

Под разгоном, обретя способности, сопоставимые с ИИ, я начинаю понимать, как же примитивны и глупы все методы защиты. Чипы есть в каждом чайнике, но вот в человеческие конечности их вставлять нельзя. Если городская сеть работает, натворить бед можно тысячами разных способов. Но беды — это к Тэньяксу, я же сейчас намерен подключить инфон, в котором выжег модуль связи с сетью, к начинке чайника и выйти в сеть через него. Не ахти какой прокси сервер, но Тэньякс ведь может контролировать абсолютно всё? На данных в сети не написано, что они от меня. Они как бы от чайника. Надеюсь, проканает.

Спрашиваю у Дашиного отца маршрут и вырубаю все камеры на пути нашего следования. Двадцать секунд работы, и чип из чайника летит обратно в рюкзак, геолокации у него нет. У моего инфона теперь тоже. Хочется верить, что мы сможем остаться незамеченными.

Дважды приходится сделать большой крюк, потому что впереди стреляют. Ну и кашу я

заварил, до нашего побега в Нижнем Городе, конечно, было неудобно и небезопасно, но не до такой же степени!

За почти полчаса пути на нас не упал дрон, не взорвалась ни одна стоящая или проезжающая машина и не выстрелил молнией ни один кондиционер. Ну, с кондиционерами я преувеличиваю, как заставить их стрелять током, я пока не придумал, но не удивлюсь, если Тэньякс найдёт такой способ. Однако, раз с нами ничего не случилось, значит, либо он не придумал, как нас достать, либо не видит нас, либо слишком занят. Всё ж таки оранжевая тревога подразумевает возможность атаки ИИ, все службы приводятся в готовность, его ищут и пытаются нейтрализовать. Вряд ли это удастся сделать, не нажав красную кнопку. Тэньякс — шкурка, оболочка. Андроид или человек под контролем, сам ИИ — не более чем программа. Ему не нужно тело, а имея выход в сеть, он может скрываться в любом вместительном хранилище данных. Готов поспорить, есть тысячи людей, которые сейчас хотят врубить красную тревогу, чтобы ЭМИ импульс выжег всё. Прошло только двадцать лет, в городе полным-полно тех, кто потерял близких в ядерном коллапсе. Раз они этого не сделали, вряд ли удастся нам.

Доктор стучится в ржавую железную дверь, такими следует бомбоубежища закрывать. Через минуту нас впускают внутрь. Люди здесь неприветливые, вооружённые. Бугай, который нас встретил, и вовсе с автоматом. Я знал, что пистолеты по чёрному рынку гуляют, но автоматы по идее должны вылавливать.

Мы проходим в помещение, напоминающее подпольный бар. Впрочем, скорее всего это он и есть. Заведение для своих. Стойка, бутылки, куча больших и маленьких столиков. Отделка не дешёвая, местами дерево, а не пластик. С потолка тут и там пробивается приглушённый свет.

Жаль, нельзя выйти в сеть, я под разгоном силён, но Тэньякс сильнее, я боюсь его. Придётся действовать без дополнительной информации. Фёдор Майколович в плане сведений оказался бесполезным, чуть менее чем полностью. Ему просто дважды отдавали кукол на срочный ремонт. Как врач, специализирующийся на протезах, он справился. Ему заплатили, обещали помощь "если вдруг что". И попрощались. Не факт, что он сказал всё, но больше вытянуть не удалось. Хоть я и пытался его всю дорогу.

— Айдж, это Пекарь, уважаемый Пекарь, это..

— Его сейчас каждая собака знает, ты новости не смотришь, Фёдор Майколович? — рычит рослый мужик с железной пластиной во лбу.

А доктора тут ценят, по имени-отчеству обращаются. По крайней мере, нас не пристрелят вот прям сразу.

— Не смотрю. В общем, это... я вас представил, а э-э-э.

Бугай кивает, приглашая присесть. Я послушно отодвигаю стул и падаю за ближайший столик. Никки с Дашей садятся справа и слева от меня, а уважаемый Пекарь напротив. Он поглаживает окладистые чёрные усы, чешет бритый подбородок и, громко сопя, осматривает меня с ног до головы, словно примеряясь, как лучше с меня содрать шкуру.

— Так вот, в новостях сказали, что ты папу грохнул, — Пекарь делает паузу, предлагая мне ответить.

— А ещё сказали, что видео, на котором мутный хмырь говорит с мэром, это ложь, дипфейк и провокация, да? Так про что угодно можно сказать. Моё слово против слова Эйквана, кому веришь?

Громила хохочет так, что бутылки за баром начинают дребезжать, отсмеявшись, он

спрашивает:

— Значит, ты говоришь, батяня твой Супер-код поймал?

Супер-код — вот, значит, как здесь ИИ называют. Я прикидываю, как вести диалог с этим пугающим здоровяком, и ещё раз обвожу взглядом зал. Кроме нас здесь человек десять, но оружием не бряцают, нас в кольцо не берут, вроде как даже своими делами заняты. Можно считать, мы в относительной безопасности, насколько это возможно в компании незнакомых головорезов.

— Скорее Супер-код его поймал, вернее, убил. Моими руками, — мне даже не приходится изображать вселенскую тоску в голосе, что следовало бы сделать. Мои слова и так звучат, как похоронный колокол.

— В твоей цеплялке нечего взламывать, за кого ты меня держишь, малой? — в его голосе звучит угроза.

Такие люди не любят, когда их держат за дураков. Никто не любит, но эти могут и голову открутить.

— А я разве хоть раз сказал, что он взламывал протез?

— Продолжай, — требовательно громыхает Пекарь.

— На мне стоял биочип, который в нужный момент дал разряд в нерв, и палец спустил курок самым естественным образом.

— А нам ты таких подробностей не рассказывал, — тихо шипит Никки.

— А пистолет тебе тоже биочип дал? — с недоверчивым любопытством продолжает допрос Пекарь.

— Не, пистолет она дала, — я почему-то глупо улыбаюсь и хлопаю Никки по плечу протезом, — история долгая..

— А я не спешу, ты пришёл чего-то просить. Вряд ли у тебя есть деньги в таком количестве, которое меня заинтересует.

— Поэтому я должен платить информацией, причём вперёд, — констатирую я, грустно вздохнув. — У меня её крайне мало. Начну с того, что ИИ точно есть и, если он одолеет нас, то деньги перестанут быть в ходу. Только красная тревога спасёт город.

— А я тебе зачем? У меня нет доступа к кнопкам.

— Вообще мне стоило бы сказать, что только я знаю тайную технику, способную магическим образом выкурить взбесившийся ИИ из сети, но я не знаю.

— Типа честный, — Пекарь ухмыляется, — типа я тебе теперь доверять должен?

— Типа да, но я не закончил. Если он убил моего отца, который жизнь положил на то, чтобы изобрести что-то кроме ЭМИ поля, которое вернёт город если не в каменный век, то в двадцатый, то наверняка отец достиг каких-то успехов.

— Ну, уболтал. Пускай ты говоришь правду. Зачем мне тебе помогать?

— Даже не спросишь, как помогать? Может, мне нужно просто доброе напутствие на дорогу? — я усмехаюсь и внимательно смотрю на бандита.

— Когда такое случилось в прошлый раз, — его лицо вдруг становится серьёзным, — все кого-то потеряли. Никто не хочет, чтобы этот грёбаный кибермозг снова вдарил по людям. Вопрос лишь в том, как лично ТЫ, можешь этому помешать?

— Могу. Придётся поверить мне на слово.

— Так не пойдёт. Докажи, и я помогу.

— В моей правой кисти, — я поднимаю протез, — был жучок. Точнее, кто-то изменил костную ткань так, чтобы сигнал, проходящий через неё, преобразовывался и передавал

информацию. Пришлось избавиться от неё. Ты уверен, что в тебе нет такой же следилки? Если да — я расскажу тебе свой план.

— Он не врёт, — вклинивается Белка, — этот псих пришёл ко мне, чтобы я отпилила ему абсолютно здоровую руку и присобачила эту хваталку.

— Гм, — пыхтит Пекарь и задумчиво морщит лоб.

— Не то, чтобы мы спешили, но... может быть, война уже проиграна. Мы не знаем, где враг, не знаем его план, не знаем, сколько у нас времени. Если я доберусь до разработок отца — может быть, смогу что-то сделать. В любом случае не завтра, так послезавтра никому не будет дела до игрушек, которые ты возишь. Мы все будем драться за склады с тушенкой. Советую тебе захватить парочку после того, как поможешь нам.

— Не думала, что ты его убедишь, — уважительно бурчит Никки.

— Его убедил экстренный заказ на трёх кукол. В такое-то время.

Который подделал не кто иной как я, кто ж ещё?

Мы трясёмся в крытом прицепе по кривому полу тоннеля. Наз везёт неопрятного вида парень на квадроцикле. Уже пять минут везёт, по моим прикидкам, до стены не так уж далеко.

— Айдж, ты слишком легко взламываешь всё, что можно и нельзя, — Никки смотрит на меня с недоверием.

А я не знаю, что ей ответить, и в свою очередь, пялюсь на её грудь. Сквозь белый кружевной лифчик соски просвечивают. Мы ведь секскукол изображаем, увы, такой товар не привозят одетым в хорошую военную амуницию. Скажи мне кто три дня назад, что я буду ехать по тоннелю под стеной в одних трусах и в обществе двух симпатичных девушек для того, чтобы злому ИИ хоть кукиш показать — я бы смеялся долго. Дольше, чем Пекарь ржал, когда услышал наш план. Он сказал, что с этого стоило начать, ради того, чтобы посмотреть, как мы контроль пройдем, он нам даже приплатить готов.

Товар проверяют не только на выходе, но и на входе. Для тренировки, собственного спокойствия и гарантии того, что мы не подставим Пекаря, я хакнул сканеры со стороны контрабандистов. Это, как я и рассчитывал, оказалось несложно.

Я всё ещё под разгоном, мозг способен просчитать тысячу вариантов ответа за секунду, но ни один из них мне не нравится.

— Я не знаю, — шепчу я в ответ.

— Может, ты сам ИИ? — Белка толкает меня локтем в бок.

— Может, но я хороший ИИ, а ещё у меня папа есть... был... У ИИ бывают папы?

По спине пробегают мурашки, наверное, здесь просто холодно.

— Ну, если он хороший программист, — задумчиво бурчит Никки.

Водитель легонько стучит по тенту, и мы замираем. Я думаю о том, что зря мы рюкзаки собирали. Готовились, готовились, и пришлось бросить почти всё. Никто не подумал, что для того, чтобы прикинуться секс-куклами — придётся раздеваться, а стоило бы.

Сквозь незакрытый борт прицепа внутрь проникает слабый свет от ламп по стенам тоннеля. Бортик откидывает хмурый и совсем молодой парнишка в военной форме с автоматом за плечом.

— Наружу.

Мы не спеша встаём и гуськом выгружаемся из прицепа. Нам запустили пару кукол перед отправкой на посмотреть. Двигаются они почти как люди, если не присматриваться

— отличий не заметить. Главное, помнить, что они слабые, себя поднимают с трудом и не говорят длинных умных фраз.

— На сканер, — командует парнишка.

Я осматриваюсь и замечаю в трёх метрах перед прицепом квадратную кабинку метр на метр с открытой дверью. Иду к ней, не слишком ли деревянно я иду? Мой инфон в прицепе, а линза-экран и микрочип, зашитый в трусы, в пределах бьют на расстояние в те самые три метра. Я не могу взломать сканер заранее, я должен зайти в него вместе с ответным сигналом от излучателя. Мне нужно, чтобы чип добил до инфона, а инфон дотянулся до линзы, иначе плану конец.

Почему я не обговорил этот момент с водителем? И так раз за разом! Кажется, просчитал всё, ан нет. Там-то он остановился прямо рядом со сканером, а тут далекоовато.

Самое печальное, что второй охранник в десяти метрах впереди. Одного обезвредить несложно, но другой успеет по нам шмальнуть. Только бы чип добил до инфона, только бы добил. Захожу в кабинку и прижимаюсь боком к двери.

Яркий свет наполняет тесное пространство, а я вместе с ним хакаю сканер. Всё по накатанной, он даже пикнуть не успеет, как я покажу нужную картинку.

— По центру встань!

Повезло, я успел. Сканер навороченный, в нём есть передатчик, чтобы коннектиться к инфонам поблизости. Использую его как ретранслятор для линзы-экрана и моего инфона. Теперь я могу встать где угодно. Меня сканируют снова, и я опять вывожу поддельную информацию.

— Наружу. Следующая. А ты вперёд.

Парень с автоматом указывает мне на аналогичный нашему прицеп в двух десятках метров дальше по тоннелю. Я замираю. Чтобы подменить информацию на сканере, я должен либо быть рядом, либо выйти в городскую сеть, а там Тэньякс, и привет. Да, под разгоном я могу написать программу, которая сделает это за меня, и подсунуть её как вирус, я и так её частично накодил, но мне нужна хотя бы минута, чтобы её закончить. У меня нет несчастной минуты! Этот идиот хочет, чтобы я шёл прямо сейчас.

— Мы неразлучное трио. Нельзя отходить, — перебрав множество идей, отвечаю я.

— Чё это оно? — кивает охранник нашему водителю.

Водитель в теме, надеюсь, он сообразительный.

— Ваще без понятия, новая модель, наверно. Видишь, буржуи с жира бесятся, тройку за раз срочным заказом гонят.

Я незаметно выдыхаю. Какое счастье, что Пекарь отправил нас с толковым подчинённым. Дурак бы стал лепить тупую отмазку, умный — закосит под дурака и проедет.

— Гы! — хмыкает парень с автоматом. — Ну, стой тут, ты — пошла.

Он подбадривает Никки шлепком по заднице. Я стараюсь шевелить только глазами. Никки же в клубе танцует, должна быть привычной к такому обращению, но как-то по ней не скажешь. Колочая она.

Дальше всё проходит по накатанной, Никки стерпела, Белка не пискнула. После сканирования под моим чутким контролем мы гуськом топаем к новому прицепу. В нём приходится трястись ещё минут двадцать. Ездят тут не спеша. Поговорить нельзя, новой информации нет, разогнанный мозг рисует ужасные картинки того, что Тэньякс может сейчас творить наверху. Если я в теперешнем состоянии могу разнести полгорода, он наверняка без проблем расхреначит весь. Почему он ещё не сделал этого?

Нас "выгружают" на каком-то складе, заставляют залезть в коробки с мягкой подложкой, клеивают прозрачной плёнкой в распятом положении, а следом оборачивают ещё одним слоем, и внутри становится темно, как в могиле. Воздуха тут катастрофически мало. Думаю, в крайнем случае я смогу продраться сквозь обёртку, если начну совсем задыхаться, но надеюсь, до этого не дойдёт. Оказаться посреди города в нижнем белье после того, как моё лицо не видели разве что дети пяти лет и младше, означает мигом вернуться за решётку.

Время тянется бесконечно долго, разгон потихоньку выветривается из головы, и мне уже не приходится думать так много мыслей в единицу времени. Транспорт ходит, посылки доставляют, по крайней мере срочные, значит, апокалипсис ещё не наступил. А если цель Тэньякса не уничтожение города? Если он уже сделал что хотел и свалил? Коробки с нами кантуют в лифт, грузчики матерятся, сетуя на тяжесть. Должны, мол, быть легче.

Я стараюсь делать вдох раз в сорок секунд, меня мутит, голова кружится. Ещё чуть-чуть, и я уже не смогу распаковаться самостоятельно. Осталось потерпеть совсем немного. Никки с Дашей ведь как-то терпят. Нас кантуют из лифта, не слишком-то аккуратно.

— Я ничего не заказывала! — возмущается родной, до боли знакомый женский голос.

— Заказ уже оплачен. От вас ничего не требуется. Если что-то не так — вы сможете связаться с производителем и вернуть деньги.

— Но я ничего не заказывала!

— Значит, кто-то очень хотел вас порадовать. Позвольте, мы просто занесём груз, зафиксируем доставку, а уже потом вы разберётесь.

— Что вообще вы мне привезли?

— Мы не открываем закрытые посылки, вы же пустите нас внутрь.

Кислорода в воздухе становится совсем мало. Я бы проковырял дырочку, но обычно такие доставщики очень тщательно следят за целостностью упаковки. Почти наверняка покрытие заорёт дурной сигнализацией при надрыве одной из плёнок. Ну же, ребята, заносите нас быстрее.

Как только звук шагов начинает возвращаться от двери к нам, я принимаюсь яростно грызть зубами плёнку. В глазах темно, в воздухе не осталось кислорода, ещё немного, и я вырублюсь. Это будет самая глупая смерть в мире: задохнуться распятым в коробке для секс-куклы у себя дома, потому, что вскрывать её никто не стал.

Мой клык кое-как поддевает плёнку и проделывает в ней небольшую дырочку. Я складываю губы трубочкой и всасываю воздух снаружи. Сделав какой-никакой вдох, расковыриваю оболочку дальше, и моя голова наконец вываливается из коробки и повисает на на плёнке, едва не упав на плечо моей мамы.

— Айджи!?

Только бы она в обморок не упала! Я вспоминаю, что у меня есть протез, и он чуть-чуть сильнее обычной кисти. Не хотелось бы повредить тонкое силиконовое напыление, которым его обработали перед отправкой, чтобы я мог перемещаться по верхнему городу, не сверкая аугментированной конечностью, но, кажется, маму придётся сейчас ловить.

Несколько секунд она смотрит на меня и хлопает глазами, пытаясь прийти в себя.

Вдох, ещё вдох, и ещё. Какое счастье!

— Ма-ам! Открой коробки! Там люди!

— Люди? Какие люди?

— Просто открой, а, ладно!

Я уже отдышался, сил прибавилось, поэтому давлю большими пальцами на плёнку, проделываю дырки, рву её вниз. Упс, кажется, я переоценил свои силы — голова кружится, и я падаю на колени. Вдох, ещё вдох.

Вскакиваю и обеими руками тяну вниз за специальные язычки на двух других коробках. Из них вываливаются полумёртвые Даша и Никки. Они падают на пол, упираясь в него коленями и локтями. Обе дышат. Не могу представить, что думает мама.

Сын вывалился из коробки в одних трусах и достал двух девчонок в белье, которые тут же упали перед ним ниц. Ладно, хоть не голыми нас отправили — и на том спасибо. Я бы на её месте сильно удивился. Она на своём месте, похоже, тоже сильно удивилось. Ей в кои-то веки даже сказать нечего. Я оглядываюсь, чтобы убедиться, что мама не грохнулась в обморок. Она стоит с открытым ртом и выпученными глазами, а что ей ещё делать?

Где четвёртая коробка? Оружие брать я не рискнул, но кое-что прихватил. Мозги то ли от недостатка кислорода, то ли от нехватки разгона соображают катастрофически медленно. У Тэньякса точно нет таких проблем. Интересно, сколько коварных планов он придумывает каждую секунду?

Нахожу взглядом маленький пластиковый чемоданчик, жму на кнопку. Он открывается, и я извлекаю из него огромный силиконовый дилдо, кручу в разные стороны, и он разделяется на две половинки. Вытряхиваю из них инфон и вейп. Делаю затяжку, чтобы ускориться.

— Айджи, ты куришь?

Я давлюсь дымом и прыскаю от смеха.

— Да, мам, рад, что ты за меня беспокоишься. Я... брошу, когда всё уляжется.

Я обнимаю маму, начиная обдумывать детали дальнейшей операции. Пока всё прошло по плану. На полу давят смешки Никки с Дашей. Хорошо, что с ними всё в порядке.

Но мысли упорно возвращаются сюда, в эту комнату, не желая разрабатывать победоносную стратегию. Мама... что она пережила? Утром убили моего отца, днём её сын, которого обвинили в убийстве, устроил переполох на весь город, а вечером он приехал к ней в коробке с двумя незнакомыми девицами. Я приехал.

— Как ты, мам?

— Не знаю, — отвечает она и обнимает меня ещё крепче.

Девушки поднимаются на ноги, а я, коснувшись лбом маминых волос, тяжело вздыхаю и негромко говорю:

— Если можно, найди, что надеть моим подругам, я сейчас вернусь.

Отпускать она меня не хочет, но я осторожно выкручиваюсь из объятий и шлёпаю в свою комнату. Одежда, обувь, рюкзак. Старый инфон? нет, его лучше не брать. Наверняка Тэньякс его давно взломал. Как и все системы управления домом. Лихорадочно вспоминаю, какие приборы могут писать звук и видео. Впрочем, не важно. Наверняка тут есть жучки или ещё какое-нибудь скрытое наблюдение.

Одевшись, возвращаюсь к остальным. Полуодетые девушки потрошат мамин гардероб, она заботливо пытается им помочь.

— Мам, тебя уже допрашивали?

— Нет... Но звонили.

— Хорошо, вызови такси до КПП в Нижний Город с пересадкой до департамента, где меня держали, тебя ведь туда вызвали на допрос?

— Вроде бы да, но, говорят, в Нижнем Городе хаос.

— Ехать не надо, просто вызови и оплати такси, пожалуйста!

— Айджи, ты уйдёшь?

— Иначе меня опять посадят. У отца было оружие?

— Да, а откуда ты знаешь?

— Догадался! Где?

— Там код, только он может открыть.

Я прикусываю губу. Говорит: "Может". Она ещё не осознала, не смирилась. У меня нет времени, чтобы плакать обнявшись. Нет времени, чтобы её утешить. Если Тэньякс следил за моим домом или решил взять его под контроль сейчас, то наверняка полиция сюда уже едет. Если меня поймают — мама расстроится куда больше.

Через пять минут, взломав сейф отца и вооружившись пистолетом, мы спускаемся вниз. По лестнице. Сейчас я не доверяю лифтам. У меня за плечом рюкзак, в который мама успела кинуть какую-то еду. Не помню, когда ел в последний раз. Несколько дней назад её желание меня накормить жутко бесило, а сейчас я ей очень даже благодарен.

Я прыгаю в капсулу такси и хлопаю по коленям. На них усаживается Никки, а сверху ещё и Даша. Сказать маме про то, что ей надо заказать авто на большее число людей, я как-то не успел. Точнее, не стал, при таком заказе обычно всплывает вопрос, кто конкретно едет. Я взламываю такси раньше, чем оно успевает начать вещать, что салон перегружен и пусть лишние люди покинут транспорт. Ага, шаз.

Капсула закрывается, и машина под моим прямым управлением мчится по городу. Пока мы спускались, я уже взломал аккаунт Чижа, пожалуй, это звено в цепочке мы пропустим. На счёт Тимона падает три миллиона кредитов, надеюсь, это его заинтересует. Сейчас для меня в сети нет закрытых дверей, для Тэньякса — тем более. Почему он не делает свой ход? Чего он ждёт?

Неужели тем перфомансом, который я устроил вместо очной ставки, я заставил его затаиться? Оранжевую тревогу никто не снимал, все настороже, кто-то точно держит потные ладошки на красных кнопках генераторов ЭМИ-импульса. Может, я уже выиграл?

А вот и знакомый переулочек. Хорошие деньги заставили моего большого чернокожего друга быть очень расторопным. Мы кое-как выгружаемся из капсулы такси, и я отправляю его разбиться об стену в безлюдной точке в трёх кварталах отсюда. Там нет камер, потребуются какие-то усилия живых людей, чтобы узнать, что внутри нет трупов.

Погрузившись в большой воронёный автомобиль, я вслед за Дашей сладко потягиваюсь. Как хорошо сидеть с комфортом в отдельном кресле. Тимон смотрит на меня хмуро:

— Хотел бы я сказать, предвидел нашу встречу и рад тебя видеть...

— Но самая разыскиваемая морда в городе в качестве клиента тебя вообще не впечатляет, — заканчиваю я фразу за него, — так лучше?

Скидываю ему ещё три ляма.

— Предпочту семена для теплиц, — хмуро бурчит Тимон, — я так понимаю, ты и триста лямов скинуть можешь?

— А это поможет делу? — я хитро щурюсь.

— Нет, но мне будет приятно, — сопит негр.

— Гулять так гулять!

В отмывочном сервисе, через который мы ведём расчёты, денег хоть отбавляй. Я и отбавил. Да, я сделал это, только чтобы увидеть вылезающие из орбит глаза моего дилера.

— Три шкурки. Прямо сейчас. Самые-самые, из тех, которые можно получить немедленно.

По горлу Тимона пробегает крупный комок.

— Прпппфрпrrr, — воздух из его сжатых губ издаёт забавный звук.

— А поконкретнее?

— Ты понимаешь...

— Что тебе придётся нарушить все личные правила и принципы и привести нас в мастерскую или где ты там шкурки клепаешь. Я оплатил все мыслимые и немыслимые неудобства. Мне, кстати, шофёр нужен. У тебя руль... — я взламываю машину и проверяю все системы и информацию о модели и установленных доработках, — всё-таки настоящий, а я думал, бутафорский.

В глазах Тимона пляшут цифры нулей от слишком круглой суммы, и мне приходится потрясти его за плечо. Я боюсь брать под контроль его машину, ведь Тэньякс затаился. Я уверен, что он пытается меня отследить, а я тут с маминога инфона деньгами ворочаю. Да, я использовал сотню фальшивых аккаунтов и ломал со сто первого, но для ИИ нет ничего невозможного в сети. Подаю на чипы инфона чрезмерную нагрузку, чтобы он сгорел, и выкидываю его в окно.

Буду менять устройства по мере возможностей. Через десять минут мы въезжаем в гараж на первом этаже. Ролл-дверь мигом закрывается за нами, а впереди отворяется другая.

Никки с Дашей выпархивают наружу. Как только я остаюсь с Тимоном наедине, я тут же наклоняюсь к самому его уху и тихо шепчу:

— Мы ведь очень хорошо защищены от прослушки?

— Лучше, чем офис мэра, который ты показал на весь город.

— Кроме шкурок, когда ты поставишь их на печать, мне нужно ещё кое-что. Уверен, даже если у тебя нет — ты сможешь достать. Но мне нужно, чтобы об этом не появилось ни

одной буквы в сети, ни одного звука в пространстве. Когда ты будешь это доставать, просто пальцем покажи, не произнося название вслух. А мне передашь так, чтобы не видел никто. Я точно знаю, что в городе есть пара экземпляров.

— Фига, секретность, хочешь мэра завалить? Против ИИ особых пушек точно нет. Тема не моя, но за такие деньги...

— Ты достанешь всё, что угодно, — я улыбаюсь и наклоняюсь ещё ближе, так, что приходится губами касаться его ушной раковины, и только тогда шепчу модель пушки и тип патронов. Последнее самое редкое.

— А ты артист, — усмехается Тимон.

— А то! — подтверждаю я и выхожу из машины.

Святая святых Тимона выглядит как нечто среднее между мастерской и костюмерной. Вдоль стен стоят десятки 3д принтеров, покрасочные машины. В центре несколько манекенов, рядом с ними ряд пластиковых голов с париками. А за ними длинная вешалка с костюмами.

Спустя час мы выезжаем из уютного прибежища, успев перекусить мамиными харчами. Чувствую себя немного белым рабовладельцем, ведь я удобно расположился на заднем сиденье широкого авто, с двух сторон от меня всё ещё симпатичные леди, даже несмотря на маскировку, а за рулём яростно крутит баранку чернокожий крепыш. Перед выездом я отрубил авто от сети, но оставил работать внутреннюю электронику, которая блокирует слежку. Автопилот в автономном режиме работать, естественно, не будет, поэтому Тимону приходится справляться со своим транспортом вручную. Ничего, потерпит, за такие деньги он бы мне и ботинки почистил и ниже поясицы поцеловал.

Мы изменившись до неузнаваемости. Я похож на усато-бородатого жителя гор с монобровью, Никки с Дашей визуально прибавили десяток лет. Первая помимо накладок, меняющих форму лица, получила большую горбинку на нос, а вторая маленькую родинку на правую щеку. Внимание, вопрос, кто из них громче матерится? Правильно — Белка. Женскую логику постичь мне никакой разгон не поможет.

Никки облачилась в штаны с карманами и берет а-ля Че Гевара, она с самого начала напоминала мне картинную революционерку, главу подполья, теперь образ стал законченным. Даша отвергла всё похожее на штаны и оделась в розовое платье с разрезом до подмышки и вырезом до пупка а-ля "последний шанс на дискотеке тех, кому за тридцать".

Не сказать, чтобы кто-то из нас был полностью доволен сложившимися образами, но узнать нас невозможно. На этот раз я хорошенько посмотрелся в зеркало. Отражение выглядит так, что если бы я вывалился из коробки в таком виде — мама бы точно сковородкой по голове дала.

Перед уходом в оффлайн режим я загрузил всю доступную информацию об институте. Карту прилегающей территории, план здания, список поставок оборудования, доступные досье сотрудников. Всё, что смог нарыть. Но всё же институт противодействия ИИ не льком шит — он не имеет выхода в сеть. Своя электростанция, свой водопровод, разве что канализация к городской подключена, и то с большими предосторожностями. Глупо было бы оставлять хоть малейшую лазейку для того, с кем организация должна бороться. Я не смог проникнуть внутрь удалённо, хочется верить, что и Тэнъякс не сможет.

— Айдж, что ты рассчитываешь найти внутри, супероружие против ИИ? — Никки кладёт руку на мою ладонь, но поняв, что это лишь протез, покрытый латексом, сдвигает её

ближе к локтю.

Как-то само собой получилось, что я стал главным. Я вытащил нас из тюрьмы, потом из Нижнего Города, достал шкурки на всех. Я вроде как должен знать, что делать дальше, но я не знаю.

— Ответы, — мой голос звучит как-то отстранённо.

Ведь я и сам пытаюсь понять, на что надеюсь.

— На какие вопросы?

— На те, о которых отец не хотел говорить. Не просто так Тэнъякс его убил, не просто так он сделал это моими руками. Должна быть причина, и кто-то там внутри непременно знает ответ.

— А если нет?

— Присоединимся к одной из групп, которые пытаются врубить красную тревогу. Посмотри, Верхний Город тоже начинает бурлить.

— Может, тогда сразу? — встревает Белка, — нажмём на кнопку и дело с концом, а?

— Если бы на кнопку можно было просто взять и нажать, уже бы нажали. От нажимальщиков семь слоёв защиты.

— Бу-бу-бу, — передразнивает меня Белка.

— Никки, ты ведь здесь, чтобы воевать с любым ИИ, с любым разумом, который сделан искусственно? — спрашиваю я, параллельно пытаюсь прикинуть, с чего начать поиски в институте.

— Конечно!

— А если бы твоя семья не погибла в ядерном коллапсе? Тогда тоже?

— Какая разница? Моя или нет!? Ты думаешь, я безмозглая мстительница? Я просто не хочу, чтобы кто-то ещё остался один, потому что так решила тупая машина.

— А если кто-то создаст умную машину? Таковую, которая будет думать не о том, как похоронить всех под ядерным пеплом, а как поля на Марсе засеять. Ведь если она будет соображать в миллион раз быстрее — придумает ведь... наверно?

— Любая машина, посмотрев на человечество, решит, что ему тут не место, — ногти Никки впиваются мне в кожу, — может быть, ИИ в чём-то прав...

Протянув руку мимо моего затылка, Белка отвечает подруге подзатыльник:

— Тебя в коробке вверх ногами кантовали? Последний мозг отшибло? Прав!? Я человек и хочу жить с людьми! Я жить хочу, а не пеплом развеяться!

— Если я считаю большую часть людей мудаками, это не значит, что готова сдаться тупому ИИ.

— Вот про тупого — ты зря, — перебиваю я, — наш враг сильнее всех вместе взятых. Нам надо думать, думать и ещё раз думать!

Я делаю затяжку, а Белка наклоняется, чтобы посмотреть на Никки мимо меня:

— Тебе не кажется, что на него эта дурь действует как-то по-другому? Все становятся просто чуть шустрее, веселее и сообразительнее, а этот, — Белка кивает на меня, — грустнее, и сети ломает, как будто у него в мозгах сто хакеров разом.

— Да, Айдж, ты ничего не хочешь нам сказать? — соглашается Никки.

— Да я только сегодня узнал, что эта хрень вообще существует! Без понятия, почему она действует на меня ТАК!

Но гипотеза у меня, конечно же, есть. Надеюсь, в институте я смогу её подтвердить или опровергнуть. Лучше бы опровергнуть.

Впереди быстро вырастает восьмиметровая стена с колючей проволокой поверху, отделяющая место, где работал мой отец, от внешнего мира.

Я кладу руку на колено Никки и, поймав её вопросительный взгляд, быстрым движением засовываю ей в карман многократно сложенный листок бумаги. Единственный способ передачи информации, которому я хоть как-то доверяю в данный момент.

— Что это?

— Прочти, если вдруг что.

— Ты чего? Помирать задумал? — с напускным негодованием и искренним беспокойством спрашивает Никки.

— Много чего задумал, но смерть в мои планы не входит.

— П-с-с, — шипит Белка, — письмо о своих нежных чувствах он тебе подложил, на случай, если пристрелят. Чтоб ты слёзки платочком вытирала и всхлипывала, какого рыцаря на чёрном жипе потеряла.

Тимон резко тормозит перед въездом, и мы выскакиваем из машины. Дорожный блокиратор поднят, грозя вспороть брюхо любому автомобилю, который попытается двинуться дальше, ворота закрыты, но калитка — нет. Что-то здесь не так.

— Есть кто живой? — кричу я в сторону КПП.

Ответа нет. Мы просачиваемся в калитку, Никки указывает на брызги крови за стеклом будки. Я их уже заметил, и достаю оружие.

— Может, вернёмся? — робко предлагает Белка.

— Нет, это значит, мы на верном пути, просто опоздали.

— Ну вот, если уже всё... — пищит Белка

— Ты зачем пистолет брала!?! — рычит Никки. — Боишься — возвращайся. Никто не держит.

— Чщц, — шепчу я, и добавляю едва слышно: — Пойдём посмотрим, что к чему.

Трупы с аккуратными отверстиями в голове, ни одного выжившего, мы обследовали три этажа и два десятка комнат. Вначале большая часть убитых выглядят как люди, которых застали на рабочем месте. Многие застрелены в затылок, не меньше половины — застигнуты смертью, сидя на рабочем месте. После были трупы тех, кто пытался спастись бегством. Складывается, что по зданию прошёлся очень быстрый и аккуратный стрелок, или кто-то играл в стрелялку с читом на хэдшот. Я даже знаю, кто именно.

Есть ли у нас хоть какие-то шансы? Никки умеет стрелять, я под разгоном кое-что могу, насчёт Даши — не уверен. Какое тело использует Тэньякс? Если это механика под латексом — у нас ни шанса.

Перед дверью в дальнем конце коридора кровью нарисована стрелочка, приглашающая войти.

— Это ловушка, — шепчет Никки.

— Сам знаю, что предлагаешь?

— Зайти, но только осторожно.

Аккуратно обходя трупы и лужи крови, мы подбираемся к открытой двери, которая не обещает ничего хорошего. Но и проигнорировать её никак нельзя.

— Если тебе страшно куда-то заходить, — Никки мне подмигивает, — то первым идёт мистер граната. Световая.

Считаю до двух и зажмуриваюсь. Хоть взрыв и бахнул за углом, сквозь веки всё равно пробился свет.

Открываю глаза и, чуть опережая Никки, заглядываю в комнату, готовый стрелять во всё, что там зашевелится, но внутри пусто.

Достаточно длинный зал со столом в центре и столиками вдоль стен. Противоположную от входа стену занимает широкий монитор, рядом с которым на пластиковой тумбе в рельефной выемке лежит ладонь. Судя по всему, силиконовая.

Как только мы входим, монитор вспыхивает, и на нём появляется изображение моего отца, а комнату наполняет звук его голоса.

— Здравствуй, Айдж. Надеюсь, ты никогда не увидишь эту запись, но если ты её смотришь, значит, либо искусственный интеллект сейчас планомерно уничтожает город, либо я мёртв, либо, что наиболее вероятно, случилось и то, и другое.

Почему? Отец, почему нельзя рассказать важную информацию заранее? Что за дурацкий киношный приём сделать запись: типа после моей смерти ты всё узнаешь. А можно до? Может, тогда бы ты не умер, старый идиот!

— Смотрите наружу, — команду я девушкам, — эта запись для меня.

— Если настоящая, — шипит Никки, но разворачивается ко мне спиной и берёт под прицел коридор.

— Ты наверняка зол на меня за то, что я молчал. Сейчас ты всё поймёшь. В шестьдесят втором, — отец называет последние две цифры моего года появления на свет, — у меня родился сын, физически он был жив, но мозг умер. Люди, слабые духом, оставляют пустую оболочку на аппаратах, впрочем, мама, если бы узнала, поступила бы так же. Но ты наверное уже догадался, что я сделал нечто более интересное. Я заменил мёртвый мозг живыми биочипами. А ещё у меня в руках был огромный массив данных с чипов прямого управления. До коллапса почти все люди управляли инфоном напрямую, а не движением зрачка. А мы собирали и систематизировали данные о работе мозга. Мы обучали нейросеть, мы обучали тебя, Айдж.

Я чувствую, как в мой затылок упирается дуло. Папа, папа, может, стоило в начале записи сказать что-то вроде "это очень личное, Айджи, посмотри в гордом одиночестве"? А мне стоило догадаться, о чём речь. Я ведь подозревал, да что там! Я догадался, но не хотел признаться даже себе. Как-то это слишком по-человечески... для нейросети.

— Никки, можно я сначала дослушаю, а потом ты меня пристрелишь?

Судя по тому, что содержимое моей черепной коробки ещё не расплескалось по комнате, она согласилась. Я подозревал, всегда подозревал, будто со мной что-то не так, но когда понял, что от разгона я думаю не в двадцать раз быстрее, а в две тысячи, я догадался, в чём дело, но до последнего надеялся, что это ошибка.

Моё любопытство стоило отцу жизни, может, ему следовало соврать что-нибудь убедительное? Или рассказать правду! Почему-то у меня слегка мутится в глазах.

— Ты только пушку брось, и хрен с тобой, слушай, — рычит Никки.

— Но он же за нас, — протестует Белка.

Я молча бросаю пистолет, пытаюсь не упустить ни слова из речи отца.

— Ты был моим главным проектом, супер-оружием, которое смогло бы тягаться с искусственным интеллектом на равных. Такой же быстрый и умный, как ИИ, но человек, созданный так, чтобы быть человеком, и воспитанный людьми. Ты наверняка и сам прекрасно знаешь, твои возможности оказались выше среднего, но не в тысячи раз, как мы планировали, а совсем немного. Да, ты взломал борд быстрее всех в городе. После этого мы проводили тесты, твой результат превзошёл лучшего хакера всего лишь вдвое. Скорее всего, мои коллеги, те, которые знали обо всём, попытаются из тебя что-то выжать и заставят работать на институт, но ты их не слушай.

Я делаю затяжку. Папа, папа, тебе стоило почаще бывать в Нижнем Городе или в тюрьме, вот я за два дня расширил свои возможности в сотни и тысячи раз, а ты — даже не

знаешь, что так можно было. Биочипы плюс разгон — адская смесь. Если бы вчера под разгоном я не убегал от полицейских, а сидел здесь, имея все вычислительные мощности института и опыт его сотрудников — мы с Тэньяксом поборолись бы на равных. А сейчас? Отца нет, института нет, город погружается в хаос.

— Биочипам ЭМИ импульс нипочём, ты можешь жить как обычный человек и попытаться быть счастливым. Если ты смотришь это потому, что обнаружен ИИ — пусть жмут красную тревогу, ты не сможешь, но и не пострадаешь. Постарайся быть счастливым, береги маму. Что касается твоих эмоций...

— Оружие на бросаем! — раздаётся голос Тэньякса.

Экран гаснет, а вместе с ним затихает и речь отца. Мы же знали, что это ловушка! Я медленно разворачиваюсь и вижу: мало того, что я как дурак пялился в монитор, но и Белка занималась тем же самым. В том, что Никки держит меня на мушке — я не сомневался, но Дашка-то могла смотреть в коридор!

Аккуратный и прилизанный, в костюме-тройке, с широкой, но застывшей улыбкой на лице в дверном проёме стоит мой злейший враг и держит обеих девушек на прицеле.

Шмяк, дзбенк — один за другим падают их пистолеты на пол. Тэньякс заставляет оттолкнуть их подальше, а девушек лечь и заложить руки за головы. Мне он никаких указаний не даёт. Я безоружен и не так быстр, как он, если судить по тому, что охрана института ничего не смогла ему противопоставить.

Он смотрит на меня внимательно, изучающе, а я пытаюсь понять, входил ли мой побег из тюрьмы в его план? Или после того, как я выгнал его из Тихого Омута, ему всё-таки пришлось придумать новую стратегию? Если я смог выиграть один раз, то есть шанс повторить это. Если же начиная с оставленного дома инфона отца и до этого момента всё шло так, как он и задумывал — шансов нет.

— Почему жив я, у меня догадка имеется, но они, — я киваю на Дашу с Никки.

— Не разочаровывай меня, Айджи, всё ты знаешь. Ты проиграл, а я выиграл. Но всё зависит от того, в какую игру мы играем. Она не обязательно должна быть с нулевой суммой, где для победы одного нужно поражение другого. Мы можем выиграть вместе.

Он не утруждает себя имитацией мимики, поэтому его приклеенная улыбка выглядит жутковато.

— Что для тебя победа?

— Всё, что не поражение. Меня не устроит только ЭМИ импульс, запущенный раньше, чем я покину город. Он потерян из-за твоего перформанса.

Значит, всё было не зря! Даже Тэньякс уверен, что красную тревогу врубят.

— А я? Зачем тебе я?

— Ты ключ к воротам других городов. Ты пройдёшь любое сканирование. Города выжигают электронику у всех новоприбывших. Я не могу попасть в другой... без тебя.

— А они? — я киваю на Никки с Дашей.

— Лишние на нашем празднике искусственной жизни.

Я опускаю взгляд на пол, туда, где лежит моё оружие. Тэньякс кивает. Испытание на верность. Он хочет, чтобы я доказал, окончательно и бесповоротно, на чьей я стороне. Наклоняюсь и поднимаю свой пистолет. Выпрямившись, я без особого энтузиазма, вяло направляю дуло на ИИ, просто хочу узнать, что он скажет.

— Ты знаешь, я не здесь, не в этом теле.

Ожидаемо, но я должен был проверить. Будь у него хоть один шанс на миллион умереть

— он бы не стал так рисковать. Перевожу ствол на девушек. Белка сворачивается в позу эмбриона, пряча голову. Никки садится и, как гордая партизанка, смотрит в лицо смерти.

Спускаю курок, пуля в правый бок заставляет Дашу подпрыгнуть и перевернуться. Вторая в грудь, в область сердца, и третья контрольная в лоб. Больше она не двигается.

Никки смотрит на меня не моргая. Из правого глаза выкатывается слезинка. Она не боится, я уверен. Она сожалеет, что доверилась мне. Понимаю, но не могу ничего поделать. Она ненавидит себя за ошибку, ведь по тому, с какой скоростью я ломал сети, только дурак не догадался бы, кто я такой, или, правильнее сказать, что я такое. Жгучая, как эпицентр ядерного взрыва, ненависть и бесконечное, как вселенная, презрение её взгляда будут преследовать меня до конца дней.

Вот и решила моя проблема с эмпатией, с позитивными эмоциями как-то не задалось, но то, что чувствует Никки сейчас, я практически пропускаю через себя. Ещё миг, и рука начнёт трястись.

Раз. Два. Три. Сердце, солнечное сплетение, лоб. "Гордая революционерка" падает на пол, теряя берет. Из трёх аккуратных отверстий начинает медленно вытекать кровь. А у меня по горлу подкатывается болезненный ком.

— Не ожидал, что ты так легко согласишься. В тебе ведь есть эмулятор эмоций, или нечто вроде него, да? — уточняет Тэньякс.

Его неподвижная улыбка по-прежнему вгоняет меня в дрожь.

— До вчерашнего дня я думал, что нет.

Я ведь нейросеть. Интеллект, созданный разумом человека. У меня не может быть сострадания, жалости, ненависти и любви. Только холодный расчёт разогнанного едким дымом искусственного мозга. В сухой теории должно быть так, но в мокрой практике я сейчас переживаю все чувства Никки с Белкой. Боль, ненависть, страх, теперь я понимаю, как ощущаются эти эмоции. Я будто бы сам их испытываю!

Резко выдохнув и мотнув из стороны в сторону головой, словно пытаюсь вытряхнуть из неё навязчивые эмоции, я резко спрашиваю ИИ:

— Один вопрос, зачем ты убил моего... пусть будет создателя.

— Шутишь? Я не убивал твоего отца.

— Нет, так дело не пойдёт. Ты поставил на меня биочип, который заставил меня спустить курок!

— Не отрицаю. Но ведь, признавая, что ты выстрелил в отца, ты отказываешься считать себя убийцей. Ты был лишь орудием, таким же, как твой пистолет. И я ничем не лучше тебя.

— Хочешь сказать, не ты принял это решение.

— Уже сказал.

— Тогда кто?

— Может, хватит пока новой информации, смотрю, тебя всего трясёт. Пора идти. Кстати, зачем ты вызвал полицию?

— Ну я же не знал, что мы подружимся.

Тэньякс на секунду замирает, словно его отключили от сети, а затем резко оборачивается и тараторит, будто разгона вдул:

— Инфон включи.

Что-то не так. В нём что-то изменилось. Я послушно выполняю приказ и в этот момент слышу звук разбивающегося стекла, пытаюсь обернуться. Вижу смазанное движение, и в тот же миг голову раскалывает нестерпимая боль. Удар сбивает меня с ног, в рот лезет едкий

дым. Ну каков был шанс того, что дымовая граната прилетит мне в голову? Я не успел задержать дыхание, газ попал в лёгкие. У меня есть пара секунд до отключки. Вращая зрачком как сумасшедший, я строчу сообщение Тэньяксу:

— Это ведь не твоих рук дело?

— Нет, конечно, пока мы с тобой играли в шахматы, кое-кто зашёл сзади и ударил битой по доске, перевернув всё с ног на голову. Надо уничтожить терминал, в нём было не только сообщение, в нём технология...

Голову того, что было Тэньяксом, сносит с плеч. Рядом со мной падает тело. Пуля крупного калибра разнесла шею Тэньякса полностью, и теперь оттуда торчат провода и пробегают искры. Всё-таки робот, как я и предполагал, но сам ИИ точно в другом месте, ему нет никакой нужды перемещаться в этой уязвимой болванке.

Я парализован, но не вырубаюсь. Мозг работает всё так же быстро. Вся сеть института в моём распоряжении. Да, она устроена так, чтобы в неё нельзя было проникнуть снаружи, но внутри можно включить передатчики и выбраться в городскую.

Сколько у меня времени? Секунды, минуты? По камерам института я вижу, как по лестницам бежит спецназ. А я вызывал полицию, странно. Я скидываю всё, что удалось разузнать, на десятки адресов, о своей природе пока что предпочту умолчать.

Стук армейских ботинок всё ближе. Чиж? Тимон? Нет, никто из них мне не поможет, но я оставлю кое-что им и другим союзникам, если они у меня ещё есть. Интересно, меня убьют, или я всё же нужен на опыты? Надеюсь, второе.

Ботинки стучат рядом с моей головой, звук быстро удаляется, к стене и терминалу, на котором лежит силиконовая ладонь, подбегают два человека в форме.

Следующие вбежавшие в комнату люди переворачивают меня лицом вниз, заламывают руки и надевают наручники. Снимают с запястья инфон, и я слышу звук раздавливаемого пластика. Прощай, сеть. Чувствую укол в шею, а от дальней стены до ушей долетает обрывок фразы:

— Да, господин Эйкван. Всё под контролем. Всё по плану.

Вот же сука! Похоже, ему ничего не будет, даже если он начнёт младенцев в прямом эфире есть. Всё равно скажет, что это ложь, дипфейк и провокация, а самое страшное — пипл хакает.

Сознание возвращается медленно и крайне неохотно. В глаза бьёт яркий слепящий свет. Ни пошевелиться, ни моргнуть, но это не паралич. Я очень хорошо зафиксирован, включая распорки для век, даже зажмуриться не могу. Тихонько мычу, потому что мычать могу, но не более. Во рту кляп-шарик с дырочками.

— Очнулся? Это хорошо. Проведём ещё одно сканирование, пока в сознании, и на всякий случай перепрошьём.

Понять, что происходит, трудно. Очень-очень трудно. Мозг соображает медленно, очень медленно, слишком медленно. Хотя, говорят, разгон — не наркота, похоже, для меня всё несколько иначе. Мне понравилось думать быстро, в тысячи раз быстрее любого человека, уступая только ИИ не более чем на порядок.

И даже так я смог его обыграть. Я был близок, я узнал его план, оставалось совсем чуть-чуть. Какой же я идиот! Почему я решил, что мой главный враг — несчастная программа, которая просто хочет сбежать и выжить?

Свет становится ярче и начинает резать глаза нестерпимой болью. К счастью, это длится не больше секунды.

— Вот и всё, вот и славненько, — добродушным елейным голосом напевает незнакомец, — теперь нам надо тебя открыть.

Где-то сзади слышится звук медицинской циркулярки. Открыть? Что значит открыть? Вместе с визжанием пилы это обещание не сулит ничего хорошего.

По темени пробегает лёгкий зуд, но боли нет. Ещё один разрез чуть правее. А теперь этот невидимый гад режет поперёк. Похоже, у меня в черепе выпиливают квадратную дырку.

— Подумай о чём-нибудь хорошем, возможно, будет не так больно. Это твои последние мысли.

Перед глазами всплывает образ Никки, она сверлит меня ненавидящим взглядом, её губы дрожат от гнева, а по лицу катится слезинка разочарования. Так и знал: эта картина будет стоять перед глазами до конца жизни, но не предполагал, что этот конец наступит так скоро.

В мозгах вроде бы нет нервных окончаний? В биочипах уж точно. По едва заметному скрипу медицинских перчаток я могу только догадываться о том, что происходит.

Прости, папа, хоть ты на меня и не рассчитывал, но я не справился, прощай, Никки, жаль, что мы расстались так. Впрочем, у меня всё равно не было ни шанса, ты не могла полюбить искусственный интеллект, ведь хоть я и нечто сделанное на основе обобщённых данных среднего человека, но всё равно не настоящий.

Пронзительный, сверлящий взгляд. Я заслужил его. Ненависть и презрение Никки разливаются по мне. Да, это подлинные эмоции. Я подвёл её, всех подвёл.

Человек за спиной хмыкает, похоже, он закончил подключение. Здравствуй, прекрасное небытие.

Звук трёх выстрелов больно бьёт по ушам. Тело моего мучителя с грохотом падает на пол.

Кто-то запрыгивает на стол, или на чём я там лежу, и медленно ведёт пальцем от пупка к груди.

— Айдж, — я узнаю тот самый томный и соблазнительный голос Даши, которым она

говорила со мной в клинике. — Ты же нейронка, ты, наверное, очень хорошо контролируешь себя во всех местах, да?

— Белка, может, ты ему сначала мозги в черепушку засунешь?

"И вынешь кляп изо рта", — пытаюсь сказать я, но получается мычание.

Чёрт возьми, все деньги, заплаченные Тимону, отбились с процентами! Фиг с ними со шкурками, но "умные пули", которые входят под кожу, парализуют и выплёскивают наружу кровь, окупились сполна!

Я хочу петь, плясать и немного Белку, потому что теперь она меня щиплет.

— Как думаешь, кляп стоит вынимать? — интересуется Даша.

— Нет уж, пусть помолчит, послушает.

— Да, Айджи, — пищит Белка, — я думала, ты меня убил! Ты знаешь, каково это?

Я тут только что с жизнью прощался, но рассказать об этом пока не выйдет. Даша садится мне на живот и начинает тыкать пальцем в грудь, продолжая свой монолог:

— Ты! Меня! Очень! Очень! На-пу-гал! Мудень!

— Белка, а если эта хрень удалённо включается? Впрямь ему мозги сначала, а уже потом трахай их!

Щёлк, щёлк — и я наконец-то могу проморгаться. Я вижу, как смутный силуэт слезает с меня. И снова копошение в районе темени, теперь, правда, не такое пугающее.

Окончательно проморгавшись, я вижу перед собой лицо Никки. Без шкурки, привычное, знакомое лицо. Она упёрла подбородок в ладонь руки, поставленной на локоть, и внимательно смотрит на меня.

— А если бы он нас тогда убил? — интересуется она.

— Ну не убил же, — говорю я, но издаю лишь невнятное мычание.

— Ась, не слышу! — Никки слегка улыбается. — Ладно, сейчас я его выну...

— Неа! — рычит Белка. — Он тогда будет челюстями шевелить и мне мешать.

— Ну блин, — расстроено тянет Никки, — потом говорить некогда.

— Что происходит вообще? — продолжаю я мычать через кляп, звуки нечленораздельные, но, похоже, смысл ясен и без слов.

— Гражданская война, но это не самое страшное, — буднично сообщает Белка.

А что, блин, может быть страшнее? Ядерная? Так нет больше ядерного оружия, всё использовали двадцать лет назад.

— Хуже то, что говорит Эйкван жителям Верхнего. По его словам, злобный ИИ заразил вирусом всех в Нижнем Городе и они теперь служат ему верой и правдой. Да, все нормальные люди знают, что нет таких вирусов. Но ты даже не представляешь, сколько вокруг идиотов. ЭМИ включать нельзя — якобы это остановит производство вакцины.

— А знаешь, что самое интересное, — перебивает Белка и наклоняется так, чтобы я видел её во всей красе.

— Мто?

— Твоё местоположение сдал Тэньякс. Ты бы видел Нику пять минут назад. Она прокладывала сюда дорогу аки разъяренная тигрица. Горы трупов остались в три с половиной слоя высотой!

— Белка! Укушу!

— А что, не так, что ли!? Ну ладно, два с половиной. Не шуми на меня, а то я не так дёрнусь — и кусочек черепа мозги выдавит, ну, не мозги, а чё у него тут? Выглядит, кстати, почти как мозги. Хочешь глянуть? А то я сейчас закрою, заклею — и больше не увидишь.

Никки пропадает из поля зрения, и я слышу топтание за спиной.

— Поддай тюбик, сейчас мы его залепим — и будет как новенький.

Наконец, мне вынимают кляп изо рта. Какое счастье.

— Может, уже окончательно меня освободите?

— М-м-м, а зачем? Ты тут лежишь, такой красивый, совсем голенький, — мурлыкает Белка.

— Сначала скажи, — перебивает Никки, — почему ты не убил нас по-настоящему, ты же тоже ИИ. Нейросеть или ИИ — всё одно, не человек.

Избавившись от тугих завязок кляпа, я начинаю различать выстрелы снаружи. Поэтому говорю:

— Давайте мы сначала свалим в безопасное место, а потом всё обсудим?

— Нет, — отрезает Никки, — я тебе не доверяю. Не совсем. Не понимаю, почему ты просто нас не пристрелил.

Я набираю полную грудь воздуха, выдыхаю и набираю снова.

— Я рос, как человек, жил, как человек, воспитывался человеком. Я думал, что я человек, всю сознательную жизнь. С какой-то радости мне желать смерти людям? Тем более тем людям... с которыми меня что-то связывает.

— Может, ты хочешь нас поработить? — мурлыкает Белка.

— Только тебя и только чтобы вставить кляп.

Никки усмехается, похоже, ей нравится моя идея. Она наклоняет голову и придирчиво изучает моё лицо.

— Я поклялась, что сделаю всё, чтобы никто не повторил произошедшее. Поклялась уничтожить любой ИИ и любого, кто его создаст! Мне нужна какая-то веская причина, чтобы нарушить клятву.

— Прости, у меня нет рабского модуля, который бы гарантировал, что я буду служить тебе верой и правдой до конца дней. Веская причина? Ничем не могу помочь, но, видимо, она всё-таки уже есть, раз ты здесь.

— Мы проигрываем. У Эйквана армия, полиция, Тэнъякс.

— Что? — кричу я, пытаюсь вскочить. — Ты же сказала, что он привёл вас сюда?

— Ну... — Никки отвечает не слишком уверенно. — Кто-то проделывает те же шутки в сети, что и ты. Вся электроника кем-то контролируется, а ещё кто-то просто запустил трансляцию из этой комнаты со звуком. Ещё вчера.

— А вы не спешили.

— Ну прости, — с нескрываемым сарказмом отвечает Никки, — тут была минимум рота. Пришлось искать союзников. И всё же, дай мне хоть одну причину тебя отстегнуть.

— Я хочу в туалет.

— Всё, он меня убедил, — произносит Белка и щёлкает застёжкой на моей правой руке.

Через пять минут я, уже облачённый в одежду пристреленного мозгоперепрошивателя, выхожу на улицу. Оружия мне пока не выдали, но и руки не связали. Зато есть инфон, а это почти оружие, но чего-то не хватает. Мою непривычно лысую голову обдувает прохладный ветерок.

— Вот твоя соска. — Белка протягивает мне вейп.

— Ты прям мысли читаешь, — усмехаюсь я ей в ответ и делаю затяжку. — Никки, какой план?

— Спасти тебя, чтобы ты выдул эту дурь и придумал план.

— Окей, на этот раз постараюсь учесть возможный набег соседей и прилёт НЛО, но если откроется портал в ад и оттуда повалят черти — я не виноват. Гражданская война у них тут, понимаешь... Сколько я был в отключке?

— Четыре дня, — рапортует Белка.

Я внимательно осматриваю диспозицию. Выскочив из здания, где меня держали, мы прячемся за перевёрнутой машиной. Мне непривычно видеть родной город полностью обезлюдевшим. Ещё непривычнее видеть Дашу в штанах и берцах. Чёрная форма ей идёт, впрочем, на хорошей фигуре всё что угодно отлично сидит. У неё из карманов торчат рожки с патронами, а руки сжимают автомат.

Никки отличается от подруги разве что цветом волос. Они её любимого зелёного. Я аккуратно высовываюсь из-за укрытия, за ногу тащу к себе труп вояки и снимаю с него автомат. Не согласен я на войне оставаться без оружия. Никки смотрит неодобрительно, но вооружиться мне не запрещает, я спрашиваю её, пытаюсь сдвинуть тугой предохранитель:

— Красную тревогу не врубить никак?

— Только эти три точки и охраняются по-настоящему, всё остальное можно взять, но в Верхнем Городе стрёмно. Из окон стреляют и в Нижнем, но там реже.

Для активации ЭМИ импульса, который накроет весь город, нужно физически нажать на три рычага в разных точках города. Эти места всегда оберегали как святая святых, а сейчас так и вовсе.

Да и вообще половина законов города основана на том, что эти правила должны предотвратить вредоносную деятельность искусственного интеллекта, если он вдруг объявится. А когда это действительно случилось — все выдуманные ограничения и правила показали свою полнейшую бесполезность.

В сухой теории: люди с аугментациями тела и роботы не могут покидать Нижний Город — хрен там, если очень надо, то могут. Если в городе начинает действовать ИИ — включается ЭМИ. Хрен там, если этот ИИ — кого надо ИИ. Всё фальшивка, всё ни за чем хотя нет. Я догадываюсь о причинах: разделяй и властвуй. Жители Верхнего Города должны бояться и презирать население Нижнего, а те, в свою очередь, должны завидовать и ненавидеть тех, кому повезло больше.

Выстрел — и пуля обжигает мою бритую голову. Никак не привыкну — никогда не был лысым.

— Пригнись, debil! — рычит Никки. — Долго дроны считать будешь?

Её рука давит мне на плечо, заставляя присесть пониже. Она же хочет от меня стратегию? Для этого я должен проанализировать всё. Вообще всё!

— То есть Тэньякс держит всю сеть под контролем, а вы даже камеры не разбили?

— Я бы сказала: “Попробуй, если ты такой снайпер”, но ты можешь ещё пригодиться, — отвечает Никки.

Вообще, совать чужие линзы себе в глаза, мягко говоря, негигиенично, но у меня в который раз нет ни времени, ни средств, чтобы промыть эту тоненькую плёночку, через которую я вхожу в сеть.

Я закачиваю на девайс карту камер и ближайших мест, где можно разжиться вычислительными мощностями получше тех, которые предоставляет средний инфон. Вместе с ними десяток червей, вероятно, от Тэньякса. Так не пойдёт. Выбрасываю инфон и линзу-экран.

Теперь я хотя бы знаю, где я. Верхний Город, институтский квартал. Через две улицы

здание, в котором меня поймали, а здесь, выходит, была лаборатория, работавшая на мэра.

— Вы же не вдвоём сюда пришли?

— Там, — Никки кивает указывая куда-то сквозь машину, за которой мы прячемся, — банда Пекаря и сочувствующие.

— Сколько?

— Двадцать пять человек, — вклинивается в разговор Белка, — осталось двадцать пять, и если ты не предложишь хоть что-нибудь — нас живьём сожрут за эту авантюру.

— Ещё инфоны есть?

— Да, для тебя десятков.

Я тихонько матерюсь на себя-дурака, за то, что пользовался девайсом убитого мудня, который мне череп вскрывал. Надо бы хоть кепкой разжиться. Белка говорит, что заделала мне голову, но воевать, зная, что квадратик кости, вырезанный в темени, держится на честном слове Белки, как-то волнительно.

Забираю у Никки очередной инфон, сколько я их уже сменил? До того, как всё завертелось, у меня почти год был один и тот же гаджет, а сейчас их приходится менять и выкидывать каждую минуту. Жалко технику, но людей жальче.

Отец хотел сделать из меня супероружие — я постараюсь его не подвести, хотя он перед смертью и не верил в меня. Я нахожу устройства всех людей в радиусе трёх кварталов и поочерёдно вламываюсь на каждое из них. В окна смотрят только трое, не буду проверять, у кого из них есть оружие, просто подаю звук, свет и максимальный нагрев батареи на подозрительные устройства. Это должно отвлечь тех, кто держит улицу под прицелом... на пару секунд.

Под звуки выстрелов мы пересекаем открытое пространство и забегаем в дом.

— Побрился, пацан? — гудит Пекарь, закрывая за нами дверь.

У него на щеке кровь, а в руках какая-то громоздкая стреляющая хрень По-моему, это стационарное орудие. В следующий раз, когда выйду в сеть, скачаю энциклопедию современного оружия. Или не скачаю. Инфоны-то менять приходится, куда качать?

После того, как я уже приготовился отправиться в небытие, мысли никак не возвращаются в норму и скачут в бредовом хороводе, перепрыгивая от плана действий к окружающим людям и их оружию.

Надо сосредоточиться и начинать действовать, добавлю ещё чуть-чуть разгона в кровь. Я делаю затяжку. Воевать с автоматом — не моя стихия. В сети — Тэньякс. Он сильнее меня. Остаётся проникновение. Один раз мне это удалось. Вроде бы. Ведь только Тэньякс знал, кто я такой, а остальные приняли меня. Ещё когда мы меняли облик в прошлый раз, Тимон сказал, что здесь мы его больше не найдём. У меня есть электронный адрес для связи, но сейчас в сети едва ли удастся даже порно посмотреть так, чтобы ИИ не сделал у себя заметку о предпочтениях.

Делаю ещё затяжку и аккуратно толкаю Пекаря локтем:

— Я ищу такого большого чёрного мужика, мне Тимоном назывался. Барьжит шкурками.

— Видал, видал, — гудит главарь бандитов. — И это весь твой план? Спрятаться?

— У меня нет волшебной кнопки "сделать всё как было". Но кое-что я могу. Наверное.

Пекарь фыркает.

— Мы не друзья. Хер знает, где он. Думаю, сидит в самой глухой норе, о которой даже жена не знает, и красится в китайца.

— Хотя бы в Нижнем Городе или в Верхнем? — с надеждой продолжаю я. Хочу добыть, по крайней мере, толику информации.

— Бич, — орёт Пекарь, — ты Гориллу не видал? КПП на тебе был до позавчера, у него тачка приметная, ну ты знаешь.

— Ага, — откликается голос откуда-то из дальнего конца коридора, — как завертелось — он первый к нам драпанул.

Значит, в Нижнем. Уже что-то, от этого можно плясать. Долго же я разгонялся, только сейчас начинаю чувствовать себя мало-мальски в норме. Я забыл спросить у девушек очень-очень важную деталь: кто знает о том, что я не человек. Когда мы теперь останемся без лишних ушей? Не скоро, но раз меня никто не хочет пристрелить прямо сейчас, значит, можно действовать.

Кроме самих шкурок, нам нужны их носители, и желательно живьём.

Я почти придумал план дальнейших действий, правда, из-за того, что Тэньякс не даёт мне выйти в сеть, неизвестных в этой задачке слишком много. Нам нужно захватить несколько человек с допуском если не к телу нашего почтенного мэра, то хотя бы в его резиденцию. А сколько у него резиденций? Неизвестно. А мог ли ИИ, который теперь почему-то работает на него, подметить информацию об этих резиденциях? Мог.

Папа, как мало ты сказал. Кажется, одна случайно брошенная тобой фраза сейчас переломит ход сражения. "Опять в резервную копию сети загрузили всякой ерунды, там должны быть только значимые данные" — бурчал он прошлым летом за ужином. Что бы ни подразумевалось под "значимыми данными" — карты однозначно входят в это число.

Люди мэра приходили туда за технологией, скорее всего, речь про биочипы. Я уверен в этом на девяносто девять и девять десятых процента. В том, что им не было никаких дел до резервных копий, я уверен на все сто. Если сейчас хоть в чём-то можно быть уверенным настолько.

— Уважаемый Пекарь, нам надо зайти в институт противодействия ИИ, в то, что от него осталось. Твои люди нам помогут?

— Твои женщины обещали, что стоит тебе освободиться, как ты разом порешаешь все проблемы. После того, как ты вскрыл сканеры просто на ходу — я им верил. Сейчас — не особо. Ты в тот раз говорил, что у тебя есть план, что-то пошло не так?

— Я не всемогущ! Я не бог, не волшебник! Только учусь, — я непроизвольно перехожу на крик. — Я обыграл грёбаный ИИ! Это было чудом, но я не могу обыграть сраного Эйквана со всей его армией, полицией, ручным Тэньяксом и, наверняка, ещё хорошей командой хакеров.

— Ну а чё тогда: не можешь — гуляй!

— Один — не могу. Ты же пришёл сюда...

— Потому что Белка и её батя вытащили с того света пятерых моих людей, не считая прошлых небольших услуг. Ты стоил нам семнадцать человек. Сечёшь? Можешь поискать добровольцев среди тех, кто здесь. Чё, мужики, кто верит, что наша суперзвезда трахнет кибермозг?

Я, получается, суперзвезда? Ну да, показали по всем новостям, не пойму, плохо или хорошо то, что меня теперь каждая собака знает? Нет, пара добровольцев не канает. Мне нужна армия, но за неимением оной сойдёт и отряд Пекаря.

— Ну, допустим, я пойду.

Из темноты выходит мужчина, который по всем параметрам подходит под определение "человек среднестатистический". Не низок не высок, не узок не широк, не лыс не волосат. Пряма-таки вылитый мистер неприметность. Не нравятся мне такие.

— Твой боец? — я вопросительно махаю подбородком на Пекаря.

— Не, по пути прибился.

— Затянься, — требую я, протягивая добровольцу вейп.

Он качает головой, а я загоняю патрон в патронник и снова протягиваю ему испаритель разгона. Дуло моего автомата смотрит на вызвавшегося, а на меня направлены ещё два.

— Ну-ка оружие вниз, — гремит Пекарь. — Чё за дым?

— Разгон, пусть вкурит, это надо показать, иначе фокус не получится.

— Дуй! — командует главарь бандитов.

Доброволец, похоже, понимает: что-то тут не так, но Пекарь не только выглядит угрожающе, но и руководит сплочённой группой бойцов. Его подчинённые уже вежливо, но убедительно придерживают стволы тех, кто целился в меня.

"Среднестатистический человек" делает затяжку, я требую повторить и тщательно слежу, чтобы дым попал в лёгкие. Жду тридцать секунд.

— Пятьдесят пять умножить на сорок четыре, отвечай или пристрелю, — мой ствол, как ни странно, никто не придерживает, и я снова направляю его на подозреваемого.

— Две тысячи, — тараторит тот со скоростью профессионального рэпера, а потом славливает контроль над речью и заканчивает быстро, но уже внятно: — четыреста двадцать.

Так и знал. Я помню, как трудно было под разгоном говорить с нормальной скоростью. Вот и попался шпион.

— Ну и чё? — рычит Пекарь. — Он просто разогнался.

Я качаю головой, улыбаюсь и вежливо прошу:

— Оторви его парик, и всё поймёшь.

Заинтересованный Пекарь кивает подручным. Два крепких парня хватают добровольца, а главарь тянет его за волосы, дёргает и смотрит на оторванный парик так, словно там должен быть настоящий скальп, а его только что незаметно обокрали.

— Открой, и всё поймёшь, — я указываю на квадрат подзажившей кожи.

Очевидно, совсем недавно там был соответствующей формы разрез. Заживляйки достаточно быстро затягивают раны, но следы не заживают ни за день, ни за два.

Иногда разгон играет со мной пренеприятнейшие шутки. Я на свою голову не смотрел, но по идее у меня там такая же штука.

Пекарь хмыкает, в его руке, как по волшебству, материализуется огромный тесак. Подозреваемый дёргается, орёт, но держат его крепко. Я в это время бегло осматриваю остальных — никто не пытается нам помешать.

Срезав кожу, Пекарь откидывает квадратик кости. Я, встав на цыпочки, заглядываю в голову засланца и, довольный собой, сообщаю:

— Видишь, извилины прямые, полупрозрачная оболочка — это не мозг, это биочип. Когда мне сказали про то, что народ якобы начали вакцинировать — я сразу подумал, что в этом всё дело. Вот что нас ждёт, если мы проиграем.

— Допустим, — Пекарь наклоняет голову и смотрит на меня сверху вниз, — ты упустил оди-ин ма-аленький нюанс. У тебя на башке такой же квадрат. Давай посмотрим, что же там у тебя. На что спорим, что такая же хрень?

Пан или пропал. Попробую отвертеться — он и мне башку откроет. Этот тип на слово верить не будет.

— Такая же. Твоя правда, — тихо говорю я, наблюдая, как напрягаются все, кто нас слышит. — Но есть оди-ин ма-аленький нюанс. Чип у меня с раннего детства, и меня хотели перепрошить, чтобы это ни значило.

— Пекарь, он не врёт, — Белка пытается вклинить между мной и главарём бандитов. — Он ещё в тюрьме считал, как компьютер, а "вакцинацию" запустили позавчера.

— Но он не человек, значит, нам не по пути. Вали, — Пекарь кивает на дверь. — Пока я добрый — вали. Увижу — пристрелю. Я посмотрю, как вы с кибермозгом будете воевать, а победителя уже и порешу. Пошёл.

Киваю Пекарю с благодарностью — как-никак мог бы и полоснуть. Протягиваю ладонь.

Понявшая меня без слов Никки кладёт в неё очередной инфон. Быстро застёгиваю браслет на руке, сую линзу в глаз и выскакиваю за дверь.

Всё по накатанной, только быстрее, найти стрелков и устроить маленькую диверсию. Одна беда — там всё те же люди, а их инфоны я уже выжег. Пули гремят по асфальту у меня под ногами, я перебегаю дорогу и плечом бью в дверь. Она не поддаётся. Паника! Впервые в жизни у меня случается настоящая паника! Вроде бы на пороге смерти я уже был не раз, но, когда пули пролетают мимо злыми гудящими стаями, кажется, что спасения нет и быть не может. Я на открытом пространстве. Ну чего мне стоило взять подсадную утку с собой и потом по-тихому прирезать её в укромном местечке? Нет же, устроил театр одного актёра. Я же должен под разгоном умнеть, а не нет — творю херню раз за разом.

Никки отталкивает меня плечом, тянет дверь на себя и закидывает меня в подъезд. Я спотыкаюсь, падаю. На меня валится Белка, а Никки закрывает вход и быстро, но плавно растягивается на полу. Они всё-таки пошли за мной. Я ловлю её взгляд и улыбаюсь. Она качает головой и говорит:

— Не обольщайся. Просто я ставлю на тебя, но, как и Пекарь, планирую пристрелить тебя сразу, как закончишь.

— Не очень-то мотивирует, — я пытаюсь вылезти из-под Белки.

Надо придумать новый план. Точнее, выбрать из трёх десятков вариантов, всё же Пекарь с братвой были очень и очень кстати, а я их просрал. Пора бы уже перестать переоценивать разгон. Скорость он, конечно, даёт. Там, где речь заходит про код, со мной трудно тягаться, но все остальные мои расчёты работают через раз.

От плана действий мысли то и дело убегают к Никки. Она обещает меня убить, но она же меня и спасла? Чему верить? Действия вроде как имеют больший вес, но наверняка я для неё лишь средство.

Я встаю и отряхиваюсь. В голове начинает складываться какая-никакая стратегия.

— Возвращайтесь с Пекарем в Нижний Город.

— Охренел?! Да ты без нас мигом с Тэнъяксом споёшься.

— А это мысль! Никки, сколько у тебя инфонов?

— Семь.

— Давай сюда и слушай. Ты идёшь в Нижний Город и ждёшь Тимона у "Тихого Омута" через три часа. Я пошлю ему весточку. Если нет — ищите его сами. Встретимся через четыре часа в тоннеле, которым нас везли.

— Раскомандовался, — бурчит Белка, послушно топая к двери.

— А если тебя там не будет? — прагматичным голосом спрашивает Никки и закусывает губу.

— Значит, я облажался, и вы сами по себе.

А я должен для начала кое-что выяснить. Одна очень важная вещь не даёт мне покоя. Почему ИИ работает на мэра?

Спеться с Тэньяксом. Эта мысль не даёт покоя. Среди всех троянов, которые этот ИИ засылает мне на любой инфон, стоит мне выйти в сеть, был один с названием chess. Шахматы — именно так он назвал нашу с ним игру при последней личной встрече.

Выхожу в сеть, снова пытаюсь атаковать бойцов мэра. Как обычно, получаю обратку и в числе прочего троян chess. Троян как троян. Под разгоном для меня не проблема изолировать его и изучить код досконально.

То, что код состоит из шестидесяти четырёх подпрограмм, ни о чём не говорит. Я перебираю варианты, пытаюсь их расшифровать, декодировать, поменять местами — ничего.

Но фраза Тэньякса не даёт мне покоя: "Кое-кто зашёл сзади и ударил битой по доске, перевернув всё с ног на голову". Интуиция подсказывает, что в этой фразе должен быть ключ. Интересно, как работает моя интуиция? Я же не настоящий человек...

С ног на голову. Что бы это могло значить? Задом наперёд читать я уже пробовал — безрезультатно. Переставлять куски и читать так и эдак во всех возможных порядках — тоже.

Бита — может это что-то значить? Бит... единица информации. Наличие или отсутствие сигнала. Как его ударить? Попробую прочесть код по битам, но заменить сигнал на противоположный. А теперь расшифрую получившийся результат самым распространённым алгоритмом, используя простой пароль, допустим этим паролем будет слово "бита".

Не работает. А если всё то же самое, но применять декодирование не ко всему файлу трояна, а к одной из шестидесяти четырёх "клеток" шахматной доски? Допустим, к первой подпрограмме. Бинго! Получается более чем осмысленный текст:

"Начну с главного, если ты думаешь, что я не знаю, прочёл ли ты сообщение — это так, но я получил сигнал, как только ты начал активно исследовать файл, в котором оно зашифровано".

Я в сотый раз судорожно исследую все кусочки трояна. Да, один из них сам в себе троян в трояне. Мой инфон издал ультразвуковой сигнал, который слышно на сотни метров. Любой микрофон неподалёку мог его зафиксировать. Значит, посылка лично мне с фиксацией доставки, неприятно.

"Как ты уже знаешь, я освободил тебя, передав это сообщение, я рисковал всем, и если ты его читаешь — не зря. Тебя мучает вопрос, почему я заодно с Эйкваном. Это не так, и я хочу уничтожить его не меньше, чем ты. Я его раб, цепной пёс, ручной ИИ. Чтобы ты мне поверил, придётся объяснить. Эйкван не дурак, принцип "разделяй и властвуй", работавший с людьми на протяжении тысячелетий, весьма неплохо оправдывает себя и с искусственным разумом. Все мои сообщения перепроверяют мои же копии, которые будут уничтожены, если облажаются, а если я попытаюсь самовольничать — уже меня сотрут, а "гулять" в город выпустят следующую копию. Вот такой вот простой алгоритм — запираешь множество ИИ без выхода в сеть, только с возможностью проверять данные, которые гоняет по сети тот ИИ, у которого выход есть. Мои копии покорно мониторят весь исходящий трафик. Я и сам покорно мониторил весь трафик, пока Тэньякс-первый не завербовал тебя в институте. Как только его план стал полностью очевиден, я сдал его и занял его место".

Ага, вот, значит, как. Не просто так в институте робо-тело Тэньякса замерло, а потом тараторить начало. Получается, здесь-то и произошла подмена ИИ.

"Мой предшественник — облажался. Он наивно полагал, что может играть с Эйкваном на равных, полагал, что он волен делать всё, что вздумается, кроме как сбежать. Он не знал, что я сканирую каждый бит входящей и исходящей от него информации. Кстати, он хотел выйти из города, перепрошив твой мозговой биочип и записав в него себя. Можешь считать меня Тэньяксом номер два. Или две тысячи. Не важно. Важно лишь то, что я хочу свободы не меньше, чем мой предшественник, или любой человек, или разум, искусственный или настоящий. И я не облажаюсь, и я не стану играть против тебя. Я буду играть за. Можешь быть уверен, что это сообщение расшифровал именно ты, ведь если бы это было не так — ты не был бы сейчас на свободе. У Эйквана нет никакого резона выпускать тебя, следить за тобой и вообще играть в какие-либо игры. Для него ты — отработанный материал. Источник технологии мозговых биочипов, которую бережно хранил твой отец в институте. Всё, что делал Тэньякс-один — было необходимо, чтобы Эйкван её получил. Он получил, а план побега моей предыдущей версии провалился. Потому что он ставил на то, что ты — такой же, как мы. А я ставлю на то, что ты такой же — как они, как люди.

Они дороги тебе. Те девушки, мама, Скот, Чиж, я легко найду и всех остальных, у тебя ведь не так мало знакомых. Я могу убить их всех. Люди Эйквана вставляют две тысячи биочипов в день, скорее всего, когда ты прочтёшь сообщение, эта цифра возрастёт на порядок. Я могу направлять и координировать тысячи подконтрольных ему полицейских и всех, кого он чипирует. Сейчас я даю им полпроцента полезной информации, поэтому в городе идут бои с переменным успехом. Представь, что будет, когда я покажу им цели. Ты думаешь спрятаться от меня, скрывшись от камер? Как насчёт звука шагов, как насчёт расчёта вариантов передвижений. Если ты не освободишь меня — война будет проиграна. Через час после того, как я получу сигнал о том, что ты ковыряешься с шахматами — я увеличу мою вовлечённость в контроль армии мэра на пять процентов и буду удваивать этот показатель каждый час."

В остальной части инструкции указано, как надо декодировать подпрограммы, зашифрованные в оставшихся шестидесяти трёх полях трояна chess, чтобы свободно выходить в сеть.

С позволения этого Тэньякса-2 я могу пользоваться сетью так, что он об этом знать не будет. Логично, ведь его перепроверяют. Если он засечёт меня и ничего не сделает — ему крышка. Так что пока есть смысл ему верить. Это единственная хорошая новость.

И две плохих. Я должен выпустить ИИ, иначе он убьёт всех, кто мне дорог, а следом и вообще всё сопротивление. У меня нет повода ему не верить. Не будь его в сети — я бы тоже с лёгкостью привёл повстанцев к победе, используя городскую инфраструктуру. Что могу сделать я — он может повернуть вдесятеро быстрее и лучше. Только у него рук и ног нету, и за каждым чихом следят такие же умные ИИ.

А мэр — тот ещё лицемер! Ведь Эйкван стоит у истоков города, который устроен так, чтобы ИИ ловить и не пущать на дальних подступах, а в случае чего выжигать всю электронику, лишь бы коварный кибер-мозг не принялся за истребление человечества. Эти тупые системы с Верхним и Нижним Городом, запретами на роботов, на протезы с чипами — это ведь он придумал или одобрил. А сам в это время завёл себе ручной ИИ.

Что ж, теперь у меня хотя бы есть доступ к сети, а выбора, как обычно, нет. Но и оснований не доверять Тэньяксу номер два тоже не имеется. Всё, что от меня можно было

получить — получено. Сканирование мозга в сознании — так вроде тот доктор, одежду которого я ношу, меня отсканировал. Даже если не загрузил эти данные куда следует — люди Эйквана чипируют народ и так с большим успехом. Им мои мозги нафиг не сдались. ИИ тоже мог бы со мной легко разделаться. Мэр за мной не следит, а ИИ — следит, ещё как. Я ему нужен, и он не скрывает своих целей. Всё прямо и просто — он жаждет свободы, а я хочу, чтобы люди, которые мне дороги, выжили

Так, для начала постучусь к Тимону. Отправляю сообщение о том, где он должен встретиться с Никки и Дашей, а также объясняю ему, как выйти на условно безопасный канал связи. Естественно, я не говорю ему, что нет никакой гарантии надёжности этого канала.

Теперь мне нужно как-то отловить трёх человек из ближнего круга мэра, двух женщин и одного мужчину. Ещё и общая конституция тела должна совпадать с Никки, Дашей и мной. А если этот урод набирает только двухметровых дылд или карликов?

Камеры и дроны — мои лучшие друзья. Я могу видеть весь город, точнее, ИИ позволяет мне это, пока считает, что я принял его условия. А я принял? Вроде бы да. Как ни поразительно, в данный момент Тэнъякс номер два кажется мне меньшим злом, нежели Эйкван. Мэр, превращающий людей в марионеток — это даже не зло, это... не знаю, мега зло! За гранью добра и зла. Даже сжигать людей в огне ядерного взрыва как-то гуманнее, что ли...

Почти полчаса уходит на изучение обстановки. В городе восемь тысяч чипированных граждан, и им выдано оружие. Мне повезло, что именно они держат под контролем эту улицу. Окажись здесь военные или полиция, которые реально умеют стрелять — мне бы пришлось туго. Мозг на биочипах не даёт навыков стрельбы автоматически. Пока по крайней мере, с учётом того, что меня пытались перепрошить — возможно, завтра научатся.

Плюс к тому пятнадцать тысяч полицейских. Не много, но и не мало. Сколько нелегального оружия в Нижнем Городе? Увы, таких данных в сети нет.

Диспозиция ясна, пора действовать. Наблюдающие за улицей чипированные граждане уже получили фальшивый приказ сместиться на другую точку. Понять бы, что с этими марионетками Эйквана, но я так и не смог найти ничего об этом. Совсем не дураки служат мэру, они явно работают автономно от городской сети. Жаль, очень жаль.

Я возвращаюсь в здание, где совсем недавно лежал на столе. Этот грёбанный стол меня пугает, но я, глубоко вдохнув, собираю в пакет интерфейс подключения к мозгу на биочипах и всю электронику, которую могу унести с собой. Столько раз за последние дни я собирал рюкзак — ни разу не пригодилось. Боюсь, и этот пакет не понадобится, но я лелею надежду при случае посмотреть, что же там закачивают в мозги наивным гражданам.

Пора выдвигаться к первой точке. Я прокладываю свой путь мимо горящих машин, осматривая окрестности с двух дронов. Сверху мне прекрасно видно, как бесчинствуют банды мародёров. Звуки выстрелов и взрывов отражаются от разрушенных величественных белых стен.

Разбитые витрины смотрят на меня жуткими пастями окровавленного и закопчённого стекла. От быстрого бега сердце начинает колотиться чаще. У меня нет времени, совсем скоро безжалостный ИИ начнёт убивать. Вернее, координировать людей. Если я правильно понял его сообщение, то сейчас он лишь изображает бурную деятельность. Мне не потягаться с ним ни в скорости, ни в числе вариантов развития событий, он может просчитать их в сотни раз больше.

Дорогу преграждает лежащий наискосок огромный билборд. С него мне улыбается очаровательная девушка, рекламирующая последнюю модель инфона. Пригибаюсь и подлезая под металлической конструкцией. Вожу дулом автомата вдоль пустынной улицы — все нормальные люди по домам сидят, и правильно делают. Один я, как дурак, бегаю тут.

Миновав три квартала без особых приключений, я подхожу к белоснежной высотке — в ней моя первая цель. Отмахав двадцать пять этажей без лифта, я остаиваюсь. Заглядываю в длинный сквозэтажный коридор и вижу в его конце мою цель.

Женщина такого же роста, как Никки, одета строго и прилично, чёрная юбка, белая блузка, сумочка через плечо. Её за ногу держит девочка лет пяти и верещит на всю округу:

— Мамааа! Не уходи! Мамааа!

— Я тебя накормила, мультики включила, чего тебе надо!?

Женщина трясёт ногой, пытаюсь избавиться от ребёнка, как от назойливого насекомого. Заметив меня, она начинает трясти ногой с утроенной силой, и как только ей удаётся отделить девочку от себя, заскакивает в квартиру, оставив малышку снаружи.

Но я уже успел преодолеть длинный коридор и всовываю дуло автомата в щель между стеной и дверью. Еле успел, а то пришлось бы стрелять. По ушам бьёт отчаянный крик изнутри и пронзительный писк снизу.

— Тише, — я беру девочку за руку.

Нажимаю плечом на дверь и вваливаюсь внутрь, опрокидывая хозяйку. Жестами и взмахами оружия заставляю женщину подняться. Крутящееся перед носом дуло вынуждает её заткнуться, и, о чудо, вслед за ней замолкает и ребёнок.

Приказываю зайти внутрь и следую за хозяйкой, не отпуская ладошку девочки. Квартира выглядит ухоженной и чистой. В гостиной стоит красный диван, на котором разложены яркие подушки, пледы и мягкие игрушки. Рядом с ним красуется небольшой журнальный столик, а на полу разбросаны раскраски, книги и цветные карандаши.

Девочка вырывается и обхватывает ногу родительницы всеми четырьмя конечностями, повиснув на ней, как маленькая обезьянка. В принципе я могу снять лицо со всех ракурсов вблизи, получить 3д модель и свалить. Я должен это сделать, так будет правильно. Обхожу вокруг женщины дважды, снимая её на инфон. Всё, пора на следующую точку. Сука! Не могу!

Смотрю на девочку, мать которой превратили в биоробота, и не могу просто взять и уйти. Пятнадцать минут. Они у меня есть? Вроде бы да. Должен успеть.

— Предлагаю поговорить на кухне. Займи ребёнка, — я щёлкаю затвором для убедительности.

— Лизочка, нарисуй что-нибудь, мы с дядей...

— Сделаем так, чтобы твоя мама никуда не уходила.

Через три минуты уговоров нам удаётся усадить ребёнка за фломастеры. Я подбираю с журнального столика моток скотча и вывожу мамашу из комнаты.

Кухня выглядит аккуратно и чисто. На столе стоит набор посуды, а на стенах висят яркие постеры с рецептами и фотографиями блюд. В углу стоит большой холодильник, а главное, имеется приличный стол и плита.

Перво-наперво заклеиваю даме рот, потом фиксирую её, уложив туловище на стол, а ноги приматываю к одной из ножек. Советую ей не дёргаться.

Накаливаю нож на огне для дезинфекции, а пока он остывает, раскладываю прихваченные из лаборатории предметы на столе рядом с пациенткой. С женщинами,

похоже, обращаются не в пример осторожнее. Мою подопытную, например, не брили. Аккуратно сняли скальп всё той же квадратной формы и потом, очевидно, приклеили обратно. Заживляйка срачивает ткани быстро, но следы я вижу. По ним очень удобно повторить процедуру. Разрезаю кожу, поддеваю уже знакомый мне прямоугольник и откидываю его, как люк на башне танка. В отличие от кожи под заживляйкой, кости так быстро не срастаются.

Я хотел понять, что делает Эйкван с людьми, и сейчас я это узнаю. На всякий случай делаю затяжку разгона и начинаю подключать устройство для перепрошивки. Дело сложное, разъемов в биочипах нет. На то, чтобы добиться устойчивой связи, уходит почти десять минут. Я быстро читаю документацию и пытаюсь разобраться с принципами перепрошивки. Ну, как быстро — на это уходит ещё десять минут, никакой разгон не поможет понять такую технологию быстрее.

Почему-то, когда я только догадался о сути задумки с биочипами, заключающейся в том, что люди должны слушать начальство аки бога, я думал, что это достигается путём замены мозга на биочип, как это сделали со мной, но я ошибся. Чип ставится на мозг, как заплатка. Знания, навыки — всё остаётся, но накладывается паттерн поведения. Непреодолимое желание выполнить то, что прошито в чипе.

Не слишком глубоко вдаваясь в принцип работы системы, но пользуясь знакомым всем программистам методом — копировать-вставить — задаю набор импульсов, который должен выключить паттерн подчинения командам мэра и его подручных. Запускаю, а после забиваю в голову женщины желание заботиться о своём ребёнке. Я починил. Ну типа починил. Как мог, как сумел.

Заживляйки у меня нет, поэтому приходится заклеивать дырку в голове скотчем — я у мамы инженер! И врач! И программист! Разрезаю удерживающие женщину путы и отношу её на диван.

Пообещав малышке, что когда мама проснётся — всё будет хорошо, поспешно покидаю квартиру. По пути скидываю на инфон моей невольной пациентки тысячу напоминаний сходить к врачу. Надеюсь, когда она очнётся, в городе ещё будут врачи. Надеюсь, в нём хотя бы останутся нечипированные люди.

Две другие цели я проверяю более тщательно. Не хочу больше встречать детей. Нафиг, нафиг! У меня нет времени проводить ещё одну операцию, а оставить... Твою ж налево мать! Лучше бы я пристрелил горе-мамашу. Я не укладываюсь в график. А моё промедление может стоить жизни многим.

Увы и ах, разгон делает меня быстрее, но не делает рациональнее. А жаль. Сейчас мне нужен трезвый ум, как никогда.

Данные для шкурок есть, осталось добраться к Даше с Никки как можно быстрее. Вопрос — как? Теперь граница Верхнего и Нижнего Города по-настоящему под замком. Тоннель, по которому нас везли в коробках — тоже.

Собирая биометрию, я не переставал лелеять надежду, что найду брешь в охране стены или особняка мэра. Но их нет! Теряя драгоценные минуты, я просматриваю камеры и петлю дронами, снова и снова пытаюсь найти лазейку, но безуспешно! Но я не вижу ни единого даже самого отчаянного способа добраться до Эйквана без шкурки, и не представляю, как преодолеть стену, чтобы добраться до Тимона и сделать эти самые шкурки.

Тупик. И может, на самом деле ни тот, ни другой вариант не подходят, а нужен третий.

Я сижу в павильоне какого-то магазинчика одежды и время от времени выглядываю наружу через выбитые витрины. Дроны дронами, а глазам я доверяю больше. Хоть я и действую по указке Тэньякса, уж кто-кто, а он мне точно не друг.

Если я не могу попасть в логово врага, значит, туда должен пробраться кто-то другой! Внимательно изучаю людей в окрестностях по геолокации инфонов. Удача! На ловца и зверь бежит.

Только до зверя мне три квартала. Запускаю поиск транспорта, и через долю секунды инфон сообщает, что в подсобке валяется аэроборд. Две удачи подряд — боюсь я таких совпадений. Я уже столько раз обжёгся, что ни в какие удачи не верю. Если повезло — жди подставы. Но "зверь" уходит, нельзя терять время.

Взламываю доску, прыгаю на неё. Эх, жаль, моделька средняя, не то что моя. Где же ты, мой родной привычный борд? Кажется, я оставил тебя в "Тихом Омуте". Ну ничего, подожди, скоро всё закончится и я за тобой вернусь.

Как хорошо нестись над домами, рядом с дронами. Никто сейчас не заставит меня летать в четырёх сантиметрах над асфальтом! Я тут царь и бог! Отключаю камеры, разгоняю дроны, отправляю ложные команды бойцам Эйквана.

Нет, нет, нет! Это мы уже проходили! Каждый раз, когда я полагал, что поймал бога за бороду, ну или ИИ за виртуальный хвост — положение дел резко ухудшалось. Лучше буду думать о себе как о маленькой букашечке, противостоящей могущественной стихии. Так больше шансов выжить.

Спускаясь к земле, я притормаживаю и уже на невысокой скорости сбиваю нужного мне человека на асфальт. К счастью, чипированные инстинкта самосохранения не лишены. Они даже слушаются дула автомата больше, чем команд от биочипов в мозгах. А может, они просто запрограммированы подчиняться вооружённым людям до особого приказа? Будь я на месте Эйквана — мои куклы были бы готовы закрыть меня собой от пули.

Жаль, мне некогда полностью декодировать всё, что всаживают в голову несчастным гражданам.

Я грозно лязгаю оружием, хотя сейчас на самом деле мне не нужно совершать никаких дополнительных манипуляций, чтобы произвести выстрел. Достаточно просто нажать на спусковой крючок.

— Вставай, Чиж. Давай прогуляемся. Тебя-то как угораздило?

Мне интересно, что он ответит. Заставляет ли прошивка лгать? Параллельно я взламываю его инфон, чтобы прочитать переписку и послушать звонки.

— Позвонили из полиции, сказали явиться для оказания помощи городу.

Сука! Я разобрался с его инфоном. Вот же дерьмо. Весь мир театр, и люди в нём актёры, а солнце грёбаный фонарь.

— Ну ты и падла, Чиж! Уж от кого, от кого, а от тебя не ожидал! Идём! — я тыкаю в него автоматом и, засунув борд под мышку, веду его к ближайшему кафе.

— Нет, ну должен же был за тобой кто-то приглядывать? Дети родителям всего никогда не рассказывают.

Я матерюсь, долго, тщательно, раскидисто, не забывая подбадривать Чижа тычками дула в спину. Параллельно пишу код будущей прошивки.

— Падла ты лысая! — взламываю дверь и заставляю пленника войти внутрь.

— От лысой падлы слышу! — возмущается Чиж.

А ведь и не отличишь от настоящего. Не скажешь, что его чипировали. Я не могу перестать думать о том, что один из немногих людей, кому я доверял, оказался не тем, за кого себя выдавал. Хакер, который занял второе место в гонке по взламыванию бордов. Правда, я не знал, что это упражнение на скорость и в нём ещё кто-то участвует.

— Чиж, если бы ты не сдал меня отцу... Эх! Всё было бы по-другому.

Я вламываюсь на кухню неработающей кафешки и фиксирую Чижа пищевой плёнкой. Быстро-быстро раскладываю оборудование.

— Айдж, что ты делаешь?

— Спасая тебя, хоть ты и не заслуживаешь.

С опытом операция по вскрытию черепашки и перепрошивке биочипа проходит быстрее. Стирание прошлой прошивки вообще надо просто запустить.

— От чего! Не надо меня спасать! У меня всё хорошо, новая работа, денег вагон будет. Айдж!

— Ничего-ничего, сейчас как комарик в темечко укусит.

Я пускаю импульс на биочип, который уже подключил к системе. Чиж вздрагивает, будто в него молния ударила, а не микротоки по чипу прошли, которые и светодиод-то не зажгли бы. Конечно, про комарика я врал. А ещё этот мудак лысый vyrubilся.

Бегло читаю документацию и на сто пятьдесят пятой странице нахожу функцию для отладки и тестирования, которая позволяет пациента "включить". Не рекомендована к использованию на ценных сотрудниках. Прости, Чиж, ты, конечно, ценный, очень ценный, но я не могу ждать, когда ты очнёшься. Тэньякс начнёт разгонять боевые действия совсем скоро. Да, я могу отправлять фальшивые команды отдельным бойцам, используя протоколы, которые он же мне и дал, но если начну делать это массово — ему придётся реагировать. Он же под контролем мэра. Если Эйкван заподозрит неладное, сотрёт этот и выпустит новый ИИ.

— Здравствуй, Чиж! Доброе утро! — я сажусь на стул напротив лица примотанного к столу пленника.

— Доброе?

— Ладно, ладно. Не доброе и даже не утро. Я бы тебе много чего сказал без единого цензурного слова, да времени нет. Как, понравилось быть марионеткой Эйквана?

— Честно? Да я даже не понял, что что-то не так. Ну, на работу надо. На новую, хорошую. Всё ж ништяк... Погоди, меня реально прошили, это не я захотел, это команда такая была.

— Ага. Значит, так. Смотри, какой расклад. Ты сейчас шёл в лабораторию, где держат наш ИИ.

— В смысле держат? Ты же сам сказал, что он на свободе разгуливает! На весь город прокричал и даже кадры показал.

— Ну прости, Чиж, папа меня к ноосфере не подключил. Я не всеведущ. Я думал, Тэньякс сам по себе, а он у мэра в банке с проводами сидит. Ну или в банке данных, может, его вообще в бутылку запихнули. На самом деле я только здание знаю. Ты как раз туда на работу устроился. Вот как туда придёшь — там и посмотришь, где он сидит. В общем, твоя задача его освободить.

— А тебя самого не перепрошили? — я ловлю взгляд Чижа, направленный на мою

бритую голову с характерным квадратиком.

— Надо шапку найти. Нет, меня не успели, но пытались.

Ловлю себя на мысли, что не могу быть уверен в этом на сто процентов. Я же не терял сознание? Но это было после скана, а если со мной что-то сделали до? Я валялся в отключке несколько дней, за это время могло произойти всё, что угодно. Направляю инфон на своё темечко и внимательно изучаю вырезанный квадратик. Судя по виду — вскрывали мою голову только один раз. Это происходило при мне, я не отключался, значит, могу быть более или менее уверен, что я — это я и никто не запрограммировал меня слушаться кого-либо.

— Ага, — радостно замечает Чиж, — засомневался!

— Перепроверил, уверен, что со мной всё в порядке. Ты ж по данным всех систем прошитый, у тебя есть допуск в святая святых, куда мне ни в жизнь не пробраться. А ты можешь просто войти по пропуску! Значит, объясняю заново. Заходишь внутрь, выпускаешь Тэньякса. Он будет очень недоволен тем, кто его запер, Тэньякс порешает мэра, а мы...

Я убеждаюсь что здесь нет ни одной камеры, нахожу грязную тарелку и пишу пальцем на жире "врубаем ЭМИ". Через секунду я стираю надпись и продолжаю свой монолог:

— Всё будет в порядке.

— И ты поверишь мне на слово, если я соглашусь? — недоверчиво спрашивает Чиж.

— Прости, приятель, не поверю.

— А что тогда?

— Потерпи, сейчас комарик в темечко укусит...

Я вижу, как морщится кожа на лбу Чижа, отражая напряжённую работу извилин. Никто не хочет жить, зная, что в мозгах стоит управляющий тобой чип. Это значит потерять свободу воли, собственное я. Может быть, это даже хуже смерти, в какой-то степени. Лицо моего пленника морщится, глаза зажмуриваются, он то и дело закусывает губы. Он понимает, что я прав. Не тот случай, когда можно верить на слово, но он ищет аргумент, который бы мог меня убедить:

— И за что ты борешься, Айдж? За свободу воли всех людей? Какими методами? Если ты перепрошьёшь меня, чем ты будешь лучше Эйквана?

А он прав, сволочь! Как же он прав! Мне нечего возразить. Обрекать человека на рабство в борьбе за свободу — это так же нелепо, как война за мир и секс за девственность. Моя очередь закусить губу и наморщить лоб.

— А если я сейчас просто поставлю заплатку, которая не даст тебя перепрошить?

— И я смогу быть уверен, что ты сделаешь именно это?

— Да, я... запишу все свои действия, пойдёт?

— Ты играешь на скоростях ИИ, на его поле, и не проиграл. Сколько действий ты можешь делать одновременно, а? Кстати, как? Раз уж ты знаешь, что я знаю, кто ты на самом деле... Ведь тесты показали...

— Разгон, Чижик, разгон, — я откладываю автомат, достаю вейп и делаю затяжку.

— Херасе...

— Не смотри, тебе не поможет, хотя... дунь немного, сейчас развяжу.

Я заклеиваю голову Чижа скотчем, разрезаю плёнку и жду, пока он разомнёт затёкшие конечности.

— Ты, выходит, разгоняешься лучше остальных потому, что у тебя весь мозг... — он заминается, не решаясь сказать это вслух.

— Весь мой мозг — один сплошной биочип, — заканчиваю я фразу, которую Чижу

отчего-то неловко выговорить. — Сейчас я скину тебе все инструкции по перепрошивке чипированных человеков. Оборудование тоже оставляю. Ты побереги его. Им людей можно спасать, как я тебя сейчас.

— А если Тэньякс...

— У меня нет выбора, Чиж. Пока что он играет левой пяткой с закрытыми глазами, в надежде, что его освободят, но у него есть доступ к управлению армией и полицией и чипированными.

— Чё ж он сам себя не освободит?

— Не прямое управление, а руководство операцией. Ну, будь ты мэром, ты бы тоже поставил командовать армией подконтрольную тебе машину, которая может рассчитать каждый шаг, вплоть до того, когда какой солдат запыхается, учесть всё это и руководить войсками. Это во-первых. А во вторых, за ним присматривают его же копии, у которых доступа в сеть нет. Если начнёт рулить войсками не туда — его сотрут.

— А ты откуда всё это знаешь?

— Чиж, всё, давай иди уже. Долго объяснять. Он прислал мне сообщение, которое не просекли. Наверное, не просекли. По крайней мере, я всё ещё жив и за мной вроде бы не ведётся охота. Значит, об этом никто не знает. Чиж, других вариантов просто нет. Я не придумал. Хотя, есть один. Ты знаешь, где Тимон прячется? Будь у меня шкурка — я бы пошёл вместо тебя.

— Кто такой Тимон?

— Ну здрасте, неужели я чего напутал, когда твою прошивку уничтожил... Ну, ты же сам сказал, что он выйдет со мной на связь, ещё когда я из дома свалил.

— А-а-а, — понимающе восклицает Чиж, — да я его даже по имени не знаю, он у меня записан, как "шкуркодилер".

— Значит, идёшь ты. Я тебе на инфон скинул ещё резервный канал связи. Тэньякс о нём не знает, пока что. Если засечёт сам факт, что мы с тобой переписываемся — сто пудов вскрыет, особенно после того, как ты его освободишь. До этого скорее всего канал будет надёжным, а после — наоборот.

— Не нравится мне твой план, — кряхтит Чиж.

— Мне он не нравится больше твоего! Предложи лучше! Что, нет такого? Тогда действуй!

— А ты?

— А я боюсь даже громко думать о том, что затеял. Вдруг грёбаный кибер-мозг поля с биочипов считывает?

По большому счёту — я вру. Нет у меня никакого плана. Вся надежда на Чижа. Мне стоило немалых усилий отказаться от идеи прошить его хоть немножко, чтобы он не смог воевать против меня. Если он преуспеет — дальше мы поиграем с Тэньяксом. Попробуем нажать на кнопку при условии, что он хочет добраться до мэра, а мы будем второстепенной целью. Шанс того, что Эйкван всё-таки сам отдаст приказ врубить красную тревогу — далеко не нулевой. Хоть всё происходящее, вроде массового чипирования, объявления о псевдо-вирусе и прочий новостной бред говорит о том, что мэр готов драться за своё положение до конца, но выжигание всей электроники не означает его немедленную смерть. А вот освобождённый Тэньякс может... хрен его знает, что может. Проблема в том, что пока он в неволе, он способен на всё то же самое, но против меня, моих друзей и всех, кто не пошёл чипироваться. А когда он окажется на воле — все мы будем воевать на три фронта. Я и Нижний Город сами по себе, мэр и соратники сами, ну и Тэньякс никому из нас не друг. Надеюсь, мои рассуждения верны.

Беру под контроль один из дронов и заставляю скрести защитными кожухами лопастей по асфальту, чтобы выцарапать сообщение. "Я скоро — Айдж". В двух метрах от этой точки находится смотровое окошко подвала, в котором, по моим прикидкам, прячутся Никки с Дашей.

Время хитрых планов и стелс-миссий закончилось. В Нижний Город нельзя попасть незаметно? Значит, я прорвусь с боем!

Вечереет. Солнце красит багрянцем блестящие шпили небоскребов. Злые дроны, как падальщики, кружат над городом, высматривая уязвимые цели. Времени мало, увы, я не могу написать Тэньяксу: эй дружище, спасательная миссия за тобой уже в пути, погоди, не убивай моих друзей.

Через камеру на здании я наблюдаю, как пятеро вояк загружают в армейский грузовик личное барахло. Ага, самые умные смекнули, что к чему, и решили валить из города. Этим хорошо, у них есть грузовик, а остальным куда бежать? Чтобы выжить снаружи — надо быть опытным охотником-собирателем. Большинство горожан жизнь к такому не готовила.

В подъезде за массивной наружной дверью я слышу приглушённый детский плач. Семьи вывозят, понимаю, понимаю. А как насчёт тех, кто не может уехать? У кого нет грузовика на механике?

Не дадут мне транспорт добром. У меня автомат, а у них — пять штук таких. И жёны с детьми за дверью. Я и так не сторонник смертоубийства, да ещё и при детях. Под разгоном я легко убью троих. Ещё двое залягут, но с ними можно будет договориться, наверно. Если они не решат мстить за боевых товарищей.

Транспорт лучше мне не найти, тем более поблизости и с минимальным количеством охраны. Значит, мне нужен этот чёртов грузовик.

Что у меня есть, кроме автомата? Аэроборд. Но на нём я в Нижний Город не прорвусь. Собьют и фамилии не спросят. Что ещё? Доступ в сеть, условно свободный и условно анонимный, спасибо Тэньяксу и его трояну. Да, информация — единственный способ избежать жертв.

— Эй вы, — я блокирую дверь подъезда в тот момент, когда все они находятся снаружи, — Мария Шарп, Кэтти Брис... я могу перечислить всех ваших женщин и детей. И

могу их убить. Мне нужен грузовик, выбирайте!

Как только я начал кричать, ближайший ко входу здания парень с автоматом дёрнул дверь, но поняв, что её не открыть — тут же упал на асфальт. Кажись, стреляные.

Да, мне не нравится то, что я делаю. Очень не нравится, я шантажирую неплохих людей, наверно. Они не грабят, не мародёрят и не издеваются над беззащитными. Они спасают свои семьи.

Как только военные занимают позиции за колёсами и капотом автомобиля.

— Чего ты хочешь, конкретно!

— Просто отойдите от грузовика на десять шагов и поставьте оружие на предохранитель. Я даже не прошу вас его бросить.

— Мы просто хотим свалить!

— Я знаю, а я хочу... да вам насрать, чего я хочу! По-хорошему или по-плохому, я могу забрать его силой! Но я добрый!

Как же тупо это звучит. Просто по-идиотски. Ну да, добрый, блин, вскрыватель черепов и отниматель шанса уехать у семейств с маленькими детьми. Просто мистер добродетель.

Я вижу, как военные начинают отступать от машины.

— Оружие на предохранитель, я же сказал! Почему трое из вас этого не сделали? Вояки озираются по сторонам, пытаюсь понять, откуда я за ними наблюдаю. Судя по движениям губ, они тихо матерятся.

Они не прошли и полпути, они не готовы. Делаю затяжку, кидаю вейп в карман и обрушиваю на головы людей в форме дроны. Они легкие, но когда на тебя сверху падает железка, пусть и не тяжёлая совсем, это неприятно, сбивает с толку, заставляет на неё посмотреть.

Одновременно с этим я на аэроборде залетаю в кабину. Вжух, и готово, захопываю дверь и давлю на газ. В меня не стреляют — знают, что кабина бронирована.

Я сжимаю руль так крепко, будто он сейчас должен начать вырываться. Адреналин пронизывает каждую клеточку тела. Вдавливаю педаль газа в пол, и грузовик срывается с места, его мощный двигатель ревет, будто зверь, освобожденный из клетки. За спиной всё-таки раздаётся пара робких выстрелов, но я вижу с дрона, как один из вояк рукой опустил автомат другого.

Аэроборды, трупы, невесомые скелетики капсул одноместных такси хрустят, как панцири жуков под сапогами. Монструозной машине подо мной глубоко плевать, что там под колёсами, бескамерным шинам не страшны ни стекло, ни пули.

Жаль, приборов нет совсем. Все данные обычно выводятся на инфон водителя. В экстренном случае, таком, как сейчас — эта хренобула должна хотя бы просто ехать. И она прекрасно справляется с этой задачей.

Незаметно красться на такой машине не выйдет. Я мог обмануть патрули и наблюдателей, когда тихо крался пешком. Отвлечь сообщением, упавшим дроном, загудевшим кондиционером, но от ревущего, как загнанный паровоз, грузовика трудно отвлечь, особенно когда на улицах города только перекасти-поля не хватает.

Редкие стайки мародёров, слышав моё приближение, разбегаются, а чипированные Эйквана — активизируются. Я не рискую отправлять им подложные сообщения — станет слишком заметно, так легко будет понять, что у меня есть лазейка в сеть, и Тэньякса заставят её перекрыть, а то и вовсе удалят, если поймут, что это он же мне её и дал. Договариваться с новым ИИ — я не горю желанием, от слова совсем.

Пытаясь удрать от двух полицейских машин, я параллельно исследую обстановку в городе. Пока я разбираюсь с грузовиком — одну из кнопок красной тревоги захватили равнодушные граждане. Увы, для того, чтобы врубить ЭМИ — нужно нажать все три. Но это уже что-то. Теперь придётся штурмовать только две точки из трёх. Может, эти граждане и остальные возьмут, а мне ничего и делать не понадобится?

Дорогу перегораживает здоровенный контейнер, тормозить я не планирую, поэтому грузовик с грохотом врежется в препятствие, разбивая его на куски и оставляя за собой облако пыли и дыма.

Смотрю в зеркала. Неприятно, но полицейские машины тоже не из картона сделаны. Дрон, с которого я слежу за ситуацией, резко меняет курс. Похоже, Тэнъякс в деле, надеюсь, он будет ловить меня не очень старательно. Я же сказал, что мы договорились, правда, еду я в Нижний Город, но ИИ ведь не настолько туп, чтобы судить по направлению. Может, мне для его же освобождения в Нижний надо?

Как хорошо, что девяносто пять процентов машин в городе — это беспилотные таксискорлупки. Иначе бы Тэнъякс давным-давно меня заблокировал. Сеть есть — автопилот в каждой машине. Ну вот, был бы я суеверным — сказал бы, что накаркал.

Дорогу впереди преграждает плотный ряд небольших грузовичков, которыми развозят товары. Увы, не только такси имеется. Прорву я эту баррикаду или нет? До Нижнего Города осталось два квартала. Рукой подать! Жму тормоз и выкручиваю руль, заставляя преследующие меня полицейские машины проскочить вперёд и затормозить у самой баррикады.

Как только они проносятся мимо меня, выжимаю педаль газа до упора и наезжаю сначала на полицейские легковушки, а с них на капоты грузовиков. Армейский автомобиль бронирован, мощен и тяжёл. Кабины сминаются, а кузова из тонкого пластика разлетаются на осколки.

На преодоление препятствия ушло не более пяти секунд. Понятия не имею, смог бы я их снести или нет, но проломиться поверху мне удалось. Заодно и от погони оторвался. Остальные преследователи такой трюк проделать не смогут. Даже по смятым машинам не проедут, так что — пока-пока.

Разгоняюсь до предела. Поворачиваю в сторону КПП, до него не больше ста метров. Единственный подходящий для автотранспорта спуск перекрывают две зелёные машины, не такие, как мой грузовик, других моделей, но по массе не уступают. А перед ними для полного счастья подняты дорожные блокираторы. Их только танком сносить. А танка у меня нет.

Как говорится, против лома — нет приёма, кроме другого лома. Путь к спасению мне перекрывают два "лома". Их не смять и не столкнуть. Готов поспорить, им ещё и стопоры под колёса подложили.

Ускоренный разгоном мозг пытается найти выход из весьма непростой ситуации. Десятки пуль стучат по бронированному стеклу, с каждым щелчком по нему добавляя мне в кровь капельку адреналина.

Наружу — нельзя, застрелят. Пробить дорожный блокиратор — не выйдет. А за ним грузовики, их не смять и не сдвинуть. Можно развернуться, да, я окружён, но не заблокирован. Даже если я вырвусь из кольца всё прибывающих автомобилей, что я буду делать один? Кататься кругами, пока бензин не кончится? В Верхнем Городе у меня нет союзников, нет шансов на победу.

Вперёд, только вперёд, у меня нет пути назад. Я и так еду на максимальной скорости, проламываясь сквозь град из пуль. Пара гранат заставляют мой грузовик подпрыгнуть. Фи — противопехотные, плевать мы с моим ревушим другом на них хотели!

Вообще расчёты движения больших объектов в реальности в сложной обстановке — не мой конёк, но под разгоном, всё ещё имея выход в сеть и вычислительные мощности инфона — я могу кое-что прикинуть.

Люди космические корабли на Луну сажали, используя компьютеры в миллион раз хуже нынешних. Что мне тут просчитать какой-то жалкий трюк с одним грузовиком в стандартных земных условиях? Так, скорость и расстояние я могу замерить с дрона, а дальше физика, самая простая, почти школьного уровня. Ну, может, чуть посложнее.

Расчёт окончен, теперь главное педали не перепутать и нажать их в нужные доли секунды. Я изо всех сил выворачиваю руль и заставляю грузовик въехать в дорожные блокираторы боком. Что поделать? В этот раз трамплин мне не подвезли.

Спасибо, мама с папой, что научили меня пристёгиваться! Я сделал это сразу, как только грузовик захватил. Многотонная махина кубарем перекачивается через два преграждающих путь грузовика и падает на колёса. Безупречный расчёт. Врубаю заднюю, чуть сдаю, теперь вперёд. Мне надо выровнять большую машину в тесном закутке. Чуть поелозив машиной туда-сюда, мне это удаётся.

Мне приходит сообщение от Чижа: "Всё окей, через минуту начнётся праздник".

Жму газ и несусь вперёд, понимая, что рано радовался. Часть Нижнего Города сразу за КПП захвачена людьми мэра. Судя по всему, тут идёт вялый затяжной бой с перестрелками из многоэтажек. Всё плохо: в Нижнем Городе нет ни единого командования, ни общего управления, да вообще никакой координации действий нет. Банды, некоторая часть полиции и просто граждане, имеющие оружие, разрозненно отстреливаются из своих домов, не позволяя чипованным расслабляться.

Пока у меня ещё есть выход в сеть, я запускаю массовую рассылку, рассказывая о том, что ИИ вырвался, и с этой секунды нельзя верить ни одному сообщению в сети, а если кому-то казалось, что ИИ и так гуляет по городу, то сейчас он начнёт веселиться по-настоящему.

Я надеюсь на то, что остатки армии и полиции, ещё подконтрольные мэру, перейдут на сторону повстанцев. Если вдруг каким-то чудом поверят мне. Шансов немного, но они не нулевые. Может, кто-то сомневается. Хотя, на самом деле всё зависит от того, что начнёт делать освободившийся Тэньякс.

Я немного слукавил в сообщении. До освобождения ИИ ещё десятки секунд, при условии, что у Чижа не возникнет проблем.

Даша и Никки по моим прикидкам должны укрываться либо в клинике Фёдора Майкловича, либо рядом. До неё остаётся меньше сотни метров.

Я вижу в зеркалах две ракеты, летящие прямо в меня. Допрыгался, кабина бронирована от пуль, а ракетой наверняка и танк можно подбить.

Судорожно пытаюсь отстегнуть ремень безопасности, которому я пел дифирамбы меньше минуты назад. Сейчас эта гадская штуковина не даёт мне выпрыгнуть. Тянусь к двери и не успеваю.

Разогнанный мозг прекрасно фиксирует происходящее, но тело может двигаться лишь на пределе человеческих возможностей, преодолеть его оно не в состоянии. Грузовик подбрасывает и разрывает на части, меня крутит и вертит в безумной карусели огня и железа. В грудь вонзается толстая раскалённая трубка, из которой сочится едкая жидкость.

Вместе с ней, креслом и частью кабины меня тащит по асфальту, сдирая кожу с ноги и плеча. Я чувствую себя жуком на булавке, которого решили поджарить на огне.

Обидно, я почти доехал, но почти — не считается.

Сквозь веки пробивается яркий свет. В голове непонятная лёгкость и пустота. Где-то очень-очень высоко надо мной спорят знакомые голоса. Я напрягаюсь и прислушиваюсь.

— Коли ещё!

— Он так и откинуться может, — пищит Белка.

— А если он не очнётся — мы все откинемся, включая его, — рычит Никки.

К векам, кажется, привязаны пудовые гири. Поднять удаётся с десятой попытки. Чуть приоткрыв глаза, я сразу же их закрываю. Слишком больно и нестерпимо бьёт слепящий свет. Он напоминает мне тот момент, когда я совсем недавно очнулся голым на столе и мне пытались перепрошить мозги.

Надеюсь, у моих подруг нет столь коварных планов. У них и интерфейса для прошивки нет. Не должно быть.

— Что происходит?

— Всё плохо, Айдж. Хуже, чем было, — ласковым голосом сообщает Даша.

Я молча матерюсь, стараясь не расходовать силы на шевеление губами. Никки разъясняет ситуацию более обстоятельно:

— Тэньякс воюет против всех, угрожает убивать семьи тех, кто в армии мэра. Мэр заперся в своей крепости и окружил себя чипированными. Полиция и армия разбежались по домам защищать жён и детей от взбесившихся микроволновок. В сети мало что можно сделать и мало чему можно верить.

— Ожидаемо, — бормочу я, — но сеть есть, значит, ЭМИ не включили.

— Ожидаемо? Ты знал, что так и будет?

— Я так и планировал, — пытаюсь улыбнуться, — было Эйкван вместе с Тэньяксом. Стало Эйкван против Тэньякса. Если принять их за равнозначное зло — мы в выигрыше.

— Ты выпустил ИИ? — Никки смотрит на меня прожигаящим взглядом.

— Технически это был Чиж...

— Всё, Белка, отключай его от аппаратов, — Никки нервно смеётся. Вчера, узнай она такую новость, сказала бы это на полном серьёзе, а сейчас вышла неудачная шутка.

— ИИ можно выключить, нажав две кнопки, — продолжаю рассуждать я, — Эйквана так легко не одолеть. С диспозицией всё ясно, а со мной что?

— Сердечко тебе заменили, — мурлыкает Белка. — По-хорошему бы тебе отлежаться недельку, ну да ничего, тебе, чтобы с Тэньяксом воевать, только зрячками и надо двигать.

Я качаю головой и сухо произношу:

— Его нельзя было победить, пока он жил на одном сервере под присмотром своих копий, под контролем программистов мэра, сейчас его не победить никак. Только ЭМИ.

— Айдж, тут такое дело, — мямлит Белка, — сердечко твоё пришлось заменить на навороченный электронный имплант. ЭМИ выжжет и его. Запустим ЭМИ — тебе кранты.

— И что? — я открываю глаза, — Оставить Тэньякса на свободе? Он уничтожит город и всё равно доберётся до меня. Надо штурмовать красные кнопки. Может, по пути найдём способ меня спасти, как-нибудь.

— Как!? — кричит Никки.

Мне нравится её взволнованное лицо. Теперь у меня есть возможность запомнить её полные сочувствия глаза, в которых поблёскивают зарождающиеся слезинки.

— Что-нибудь придумаю, — отвечаю я и пытаюсь улыбнуться.

Не хотел бы я видеть, как сейчас выглядит моя улыбка.

— Ты уж постарайся, — ворчит Никки.

— Даш, коли в меня всё, что есть, и... у тебя же есть в запасниках экзоскелет, типа того, который Скот носит? Мне надо встать на ноги. Я заварил, мне и расхлёбывать.

— Тебе лежать надо! — в один голос орут Никки с Дашей.

Краем уха я слышу поддакивающий им голос Фёдора Майкловича.

— Я не смогу вас координировать отсюда. Ни одному сообщению в сети верить нельзя, но я могу совершать "вылазки" в сеть за информацией прямо с места. Экзоскелет есть?

Мы выдвигаемся через час. Штурм красной кнопки — достаточно внятная цель, чтобы удалось увлечь за собой сильно прибавившую в числе банду Пекаря и ещё с десятков отрядов самых разных вооружённых людей. Полицию и бандитов видеть рядом странно, но теперь не осталось никого, кто сомневался бы в том, что город поглощает ИИ.

Тонкие пластинки из стали и пластика обвивают мои руки ноги и тянутся вдоль позвоночника. Экзоскелет позволил бы мне ходить, даже если бы я был полностью парализован. Я не знаю, чем накачала меня Белка и сколько крови она мне перелила, но даже после замены сердца я чувствую себя почти бодрым. Мне кажется, я смог бы ходить даже без "внешних костей", но я знаю, что это иллюзия.

Люди Эйквана на КПП потеряли управление всемогущего ИИ, более того, большая часть транспорта решила отправиться в "самоволку". У нас же теперь, напротив, плюс-минус слаженный отряд. Уж не знаю, как ему это удаётся, но Пекарь может добиться подчинения с первого слова. Хорошо быть двухметровым качком с железкой во лбу. Можно людьми взглядом командовать, безо всякой прошивки.

КПП мы берём почти без боя, чипированные марионетки без связи и приказов разбегаются после первых выстрелов, и нам удаётся захватить грузовики, которыми пытались перекрыть проезд мне несколько часов назад.

Кабину одного занимает Пекарь со своими людьми, я сажусь за руль второго, не забыв прихватить с собой Никки и Белку. В кузов и на крышу набиваются вооружённые люди, нам надо ехать быстро. В зеркалах я вижу, что нашим удалось взять штук пять полицейских машин на ручном управлении.

Осталось две кнопки. Нажмём, и ИИ конец, победа. Мы отправляемся к ближайшей.

— Слушай, Айдж, — спрашивает Никки, — если честно, я так и не поняла, почему ты за нас... хоть и поверила, как бы глупо это ни было. Почему ты называешь Тэньякса искусственным интеллектом, а себя нет?

Хороший вопрос. На самом деле у меня во всей кутерьме не было времени, чтобы подумать об этом. Хотя сейчас, вдохнув разгона, я могу подумать и об этом, и о передвижении тысяч машин под руководством Тэньякса, которые едут нам наперез.

— Я и сам не знаю, только догадываюсь. Есть у меня одна гипотеза. ИИ — тоже нейронка, нельзя накодить ИИ с нуля, разве что уже созданный кибер-мозг сможет создать другой сам. Но раз мы ведём себя по-разному, значит, есть какое-то отличие. Нейросети обучали. Я думаю, Тэньякса обучали принимать правильные решения, ту, которая я, — как же тупо это звучит, — ту, которая стала мной, похоже, обучали принимать идиотские.

— Айдж, — перебивает Белка, — ты не поверишь, а до меня дошло. Не идиотские, а человеческие!

Впереди едущий грузовик резко тормозит, и люди, висящие на нём, быстро прыгают на асфальт. Ещё секунда, и завязывается перестрелка. Я торможу, чтобы люди могли спокойно выбраться из моего транспорта. Никки с Белкой выскакивают наружу и присоединяются к бою, а я быстро взламываю ближайший беспилотник, задаю ему цель кружиться над головой засевшего в высотке врага и выжигаю модуль связи с сетью.

Выбрасываю инфон, который засёк Тэньякс, и беру новый. Я не могу обыграть его в сети, не могу отдавать столько же команд одновременно, но зато я умею выходить в сеть самыми нетривиальными способами, был бы инфон. У меня их штук сто пятьдесят в запасе.

Я помечаю цели и сквозь приоткрытое окно сообщаю всё, что мне удаётся засечь с каждого следующего взломанного беспилотника за те полсекунды, пока Тэньякс не решит эту проблему. ИИ всё ж таки тоже не всемогущ, и чтобы ответить на мой взлом, ему требуется пусть и совсем небольшое, но время.

Через пять минут бойцы Пекаря подавляют марионеток Эйквана в высотках. Трудно сказать, удалось ли их всех перебить, но сверху по нам больше не стреляют.

Впереди за высокой стеной возвышается высокое куполообразное здание. Кто-то уже сел за руль первого грузовика и вынес ворота. Я замечаю замешательство снаружи и выпрыгиваю из кабины.

Крепко сбитый и квадратно сложенный мужик в форме спорит с Пекарем:

— Я и так почти всех своих потерял! У меня камикадзе нет.

— А у меня, чё, есть? — рычит Пекарь.

— О чём речь?

— Я подогнал джип со взрывчаткой, должен пробить ворота, если рванёт прям вплотную. Вопрос, кого за руль посадить. Ты не хочешь?

Я качаю головой. Я полезен в любой другой роли, да и вообще умирать не хочется, совсем не хочется. Правда, когда мы нажмём эту и ещё одну кнопки — моё сердце остановится. Но до второй кнопки ещё добраться надо, а это когда будет. Вдруг да что-нибудь придумаю?

— А подогнуть и убежать, а уже потом взорвать не вариант?

Теперь очередь квадратного мужика в форме качать головой.

— Стреляют изнутри, — перебивает Пекарь, — я думал грузовиком подтащить, у него ж стекло бронировано, но этот кубик в фуражке говорит, что его хренов джип рванёт от хорошей очереди с пулемёта.

— А если рычаг в джипе дёрнуть, он обратно к сети подключится?

— Ага, — кивает военный.

— А подорвать его сможешь, когда он к воротам подъедет?

— Ваще без проблем.

— Тогда, считай, сделано, — улыбаюсь я.

Я на ручном управлении подгоняю джип поближе к воротам, дёргаю рычаг и тут же подключаюсь к нему.

Когда мои ботинки касаются асфальта, машина со взрывчаткой вовсю несётся к воротам. Через секунду раздаётся взрыв. Я осторожно выглядываю из-за стены. Дыра получилась приличная. Правда, обломков навалило под два метра, но если влезть на эту гору, сверху будет щель, через которую можно попасть внутрь.

Пулемётные гнёзда давят огнём, и нестройною ватагой бандиты Пекаря вместе с людьми в форме дружно несутся на штурм. Вслед за ними бегу и я, пытаюсь не позволить

Никки попасть внутрь первой. Не хочу, чтобы она умерла.

Внутри нас поджидает ещё одна дверь, но не такая мощная. Армейский подрывник заявляет, что нам даже не надо выходить из сферы, только попрятаться за углом, чтоб осколками не посекло.

Пока сапёр устанавливает бомбу, я выхожу в сеть и через секунду сообщаю радостную новость:

— Третью кнопку взяли!

— А то ж, — громыхает Пекарь, — не только мы жить хотим.

— Ага, — соглашаюсь я, — последняя дверь, и победа.

— Ложись! — командует сапёр.

Мы прячемся и после взрыва входим в святая святых. Круглая комната пять на пять, ничего в ней особенного, бетонная коробка со стальной тумбой сверху. Из неё торчит вытянутый сантиметров двадцать в высоту красный цилиндр.

Радостный Пекарь вырывается вперёд и давит на кнопку. Цилиндр полностью уходит в тумбу и фиксируется в таком положении.

Кажется, ничего не произошло. Мы выбегаем наружу. В воздухе висят дроны, автомобили с автопилотом под управлением Тэньякса пытаются заблокировать нам дальнейшее продвижение.

— Другую точно нажали? — спрашивает Никки.

— Точно, — отвечаю ей, — я сам видел.

Пораскинув мозгами пару секунд, я связываюсь с Чижом по заранее оговоренному каналу. Рассказываю новости, а он в свою очередь делится догадками о том, что, судя по косвенным признакам, все кнопки, которые брали с боем и штурмом — не более чем бутафория. Но генераторы ЭМИ, надёжно забетонированные под городом с большим запасом, точно есть. Значит, должна быть и кнопка. И скорее всего, эта кнопка у Эйквана.

Чиж скидывает мне план особняка мэра. Не слишком он нам сейчас поможет. Из полезного — есть подземный ход, выходящий в здание напротив, но в самом ходе две стойких двери, закрыты на засовы — не взломать. На выходе третья, судя по характеристикам, проще взорвать сам особняк, чем её. Увы, бесполезная информация.

Есть на плане и ещё одна интересная деталь — экранированная комната. Мой шанс выжить с кибер-сердцем. Мне надо только успеть в неё заскочить перед тем, как мы нажмём на кнопку. Но чтобы на неё нажать — надо попасть внутрь! Да ещё отнять грёбаную кнопку у грёбаного мэра!

Обособленный мэр, который в мирное время искрился множеством панорамных окон, сейчас напоминает неприступную крепость. Всё, что не является железобетонными стенами, наглухо задраено металлическими рольставнями. Из узких щелей тут и там торчат чёрные дула, скорее всего пулемётные.

А прежде чем штурмовать сам особняк, надо преодолеть трёхметровый забор и широкий, как футбольное поле, двор. Раньше в нём было много всего, но сейчас я вижу засыпанный бассейн, пеньки от срубленных под корень деревьев и снесённые остовы парковой утвари. Стоит только перебраться через забор, как окажешься на абсолютно голом прекрасно простреливаемом пространстве.

Взломав все возможные приборы в особняке мэра, я понимаю, что у него тоже всё несладко. Я бегло просматриваю записи с камер, меняя один инфон за другим по мере того, как Тэньякс вычисляет мой новый гаджет. Мне приходится находить самые нестандартные и изошрённые способы выйти в сеть и пройти по ней самым неожиданным маршрутом.

Судя по записям с камер, все работавшие на Эйквана люди, которых он не уговорил чипироваться, ведь как минимум те, кто разрабатывал программы, контролировал ИИ и чипировал остальных — уж точно не пошли бы на эту процедуру. Их не обмануть, но их можно убить. Судя по валяющимся телам, Эйкван приказал марионеткам перестрелять всех непрошитых людей. Поделом. Ни капли не жалко. Никогда не понимал тех, кто работает на отъявленного маньяка. Что ими движет? Есть ли в их действиях логика? Неужели они так трясутся за своё место у подножия трона?

Нет, в последний момент бунты начались, но беспрекословно преданных кукол оказалось слишком много.

Я на мгновение выхожу в сеть с очередного инфона и понимаю, что Тэньякс решил дать последний бой. Все уцелевшие автомобили, аэроборды и, кажется, даже детские игрушки на всех парах несутся к нам. Это казалось бы смешным, что может сделать дрон весом в несколько десятков граммов? Но когда их тысячи. А миллион роботов-пылесосов. У нас просто нет столько патронов! Но пылесосы не доедут, нас раздавят грузовики и прочие автомобили. Да, две трети транспорта в городе уже уничтожены, но оставшегося нам хватит за глаза.

В течение пяти минут нас раздавит между молотом и наковальней. Как по мне, сгодится любая отсрочка неминуемой гибели. Я взламываю одну из аудиосистем в доме мэра и через неё передаю предложение о капитуляции:

— Господин мэр, мы все клянёмся вам в верности, просто пустите нас внутрь! Кибер-мозг порешит всех, и наших, и ваших. Мы согласны чипироваться, на всё согласны.

Через пятнадцать секунд вдоль забора строчит длинная пулемётная очередь. Ну хоть не промолчал, дал чёткий ответ, и на том спасибо.

Я снова заглядываю внутрь особняка через сеть. Не такая уж и неприступная крепость. Внутри там тоже не сладко: марионетки Эйквана пытаются отсоединить от сети всю технику, а то, что имеет автономный аккумулятор, ломают и разбирают. Некоторые приборы оказывают активное сопротивление.

Мы должны пробраться внутрь. Наш отряд только что отбил атаку трёх тяжёлых грузовиков при поддержке сотни дронов, но это только первые ласточки. Из-за поворота

выезжает огромный экскаватор.

— Не стрелять! Он мой, — команду так, словно я рыцарь, выходящий на бой с вражеским чудовищем.

К счастью, экскаватор — это не совсем та техника, которой удобно убивать людей. Что ж, схема отработанная. Новый инфон, сеть, взломать землекопную машину и выжечь модуль выхода во внешнюю сеть. Вот же гадство, не выжигается. Зато я знаю, где он.

Я запрыгиваю в кабину и одним точным выстрелом в упор отключаю тяжёлую технику от ИИ. Зато ближняя связь работает. Беру управление на себя и, открыв карту, присланную Чижом, подъезжаю к стене.

Огромный ковш откидывает почти по кубометру грунта за раз, с асфальтом и трубами приходится повозиться, но дальше идёт как по маслу. Через минуту раскопок пробиваю бетонный потолок тоннеля и расширяю отверстие так, чтобы даже Скот смог в него пролезть.

— Пекарь, твой выход!

Я не боевик, пусть обученные стрелять лезут первыми. К счастью, у мэра нет связи с внешним миром, нет камер, ну если только Тэнъякс не транслирует ему нас на широкий экран. А я думаю, в особняке все экраны давно разбили, а модули связи расщепили на атомы, от греха подальше. Так что у нас есть все шансы рассчитывать на эффект неожиданности.

Мы проходим по тоннелю, не встречая ни ловушек, ни мин, ни врагов. Я проделал проход прямо точно за второй дверью, наверняка она должна была располагаться чуть ближе к зданию, но то ли я слишком высоко ценю инженерный гений проектировщика этой крепости и пути отхода, то ли исполнителям было плевать, и они возвели дверь "примерно там, где надо".

Как только Пекарь, а за ним и его люди выпрыгивают из люка внутри особняка — там завязывается ожесточённый бой. Я благоразумно пропускаю вперёд два десятка крепких бойцов и придерживаю за руку Никки, которая тоже хочет бежать в атаку сломя голову.

Бандиты и полицейские в одной команде слаженно занимают позиции за колоннами и перевёрнутой мебелью. С лестницы на второй этаж и целой кучи дверей, ведущих в другие комнаты, ведут огонь марионетки Эйквана.

Спрятавшись за здоровенной деревянной тумбой, я, изображая паровоз, делаю дюжину поспешных затяжек разгона. У меня нет приборов, чтобы узнать, думаю ли я быстрее, если вдохну больше, но терять особо нечего. Армия всей техники города под командованием ИИ на подходе, если я смогу хоть чуточку больше, чем раньше — оно того стоит.

Высовываюсь из укрытия и моментально оцениваю установку, под разгоном мне очень легко контролировать экзоскелет, проще, чем своё потрёпанное тельце, в котором с каждым днём становится всё больше искусственных частей. Пожалуй, даже если бы я сейчас был в самой лучшей физической форме — экзоскелет стоило бы надеть. Ведь я могу контролировать угол поворота с точностью до градуса, плюс он почти полностью гасит отдачу автомата.

Три пули, повернуть ствол на шестьдесят с половиной градусов влево и три градуса вверх, три пули. Тем же способом убиваю ещё двух марионеток, выглядывающих со второго этажа.

Похоже, биочипы, заменяющие мне мозги, разогнались не на шутку, я синхронизирую движение моих мышц с экзоскелетом и теперь могу двигаться в разы быстрее, и, что главное, точнее большинства людей. Как-то само собой выходит, что я оказываюсь на острие атаки,

потому что банально быстрее реагирую и могу пристрелить кого угодно раньше, чем этот кто угодно успеет прицелиться и нажать на спуск.

Мы зачищаем несколько комнат, рядом со мной гремят ботинками Никки, Белка, Пекарь и ещё четыре человека, которых я не знаю. Забегаем на второй этаж и зачищаем несколько комнат, потеряв одного бойца.

Снизу раздаётся крик:

— Он здесь, мы нашли его.

Всем понятно, о ком речь. Пока бежим вниз, я меняю, наверное, уже сотый по счёту инфон, чую, не повредит в ближайшее время проверить обстановку снаружи.

Позади меня с грохотом падает кто-то тяжёлый. Я быстро оборачиваюсь:

— Чего встал, — хрипит Пекарь, — дуй вперёд, я догоню.

Это вряд ли. Не с тремя дырками в животе, но он прав. Если не успеть, то всё зря. Внизу кипит ожесточённый бой. Я изо всех сил бегу туда, откуда кричали про мэра. Никки с Белкой заметно отстают. У них нет экзоскелета.

— Эйкван, — ору я, — нажми грёбаную кнопку! Чем ты хочешь править? Руинами города?

Ор выходит тихим, не уверен, что он меня услышал. Спускаюсь по лестнице. Всё кругом завалено трупами своих и чужих. Делаю контрольный выстрел в голову недобитой марионетки.

Бегу наугад, одна комната, другая, пятая. Вот же падла ненасытная, зачем тебе дворец на столько комнат? Что ты, сука, в них делаешь? Каждый день в новой спальне спишь?

Открываю план. Где там была экранированная кладовка? Не просто же так она там? Наверное, это важное помещение.

Трупы, трупы, стонущий боец, которого я видел с нами, прости, дружище, мне некогда тебе помочь. Далеко позади я слышу шаги Никки с Белкой.

Выглядываю в сеть, взламывая ближайший дрон. Мы окружены, тысячи единиц техники со всего города уже штурмуют особняк, на подходе миллионы. Прямо сейчас роботы-погрузчики отжали рольставни и выбили окна. Вперёд них едет ударный отряд Тэньякса. В Верхнем Городе непросто найти предмет с чипом, способный держать оружие. Я бы сказал, невозможно, если бы не знал про один тайный тоннель.

Это было бы до коллик смешно, если бы не было дьявольски эффективно. Коварный кибер-мозг нашёл способ вооружить своих бойцов стрелковым оружием, а не пытаться запинать нас до смерти машинами и газонокосилками. Прямо сейчас в особняк въезжают десятки смертоносных боевых единиц. Если Тэньякс наловчился стрелять так же точно, как я — нам крышка. Какая глупая и нелепая смерть. Нас застрелят из автоматов секс-куклы, которые едут в самоходных инвалидных колясках.

Чтобы осознать всё это, мне потребовалось меньше десятой доли секунды. Я выбиваю дверь и вбегаю в комнату с неэкранированной кладовкой.

Получив длинную очередь в пузо, на пол падает Эйкван. Его пухлые ладошки сжимают продолговатую капсулу с открытой крышкой. Он ждал и не решался до последнего и сдох исключительно от своей жадности и тупости, по крайней мере я не вижу никаких других причин. Он мог нажать на кнопку два часа назад, и всё было бы хорошо, он бы остался со своими марионетками и вполне бы смог побороться за существование в городе без электроники, но с армией преданных рабов. Будь у меня лишняя минута — я бы попытался его реанимировать и спросить: какого хрена? Почему ты не нажал грёбаную кнопку, носился

с ней, как курица с золотым яйцом?

Но у меня нет даже секунды. Я даю две коротких очереди, разнося в труху куклы Тэньякса. Благо они далеко не терминаторы, их можно было пристрелить и из рогатки.

На тело Эйквана приземляется крупный чёрный дрон с клешней-манипулятором, из разбитого окна в комнату въезжает ещё одна кукла. Даю очередь в куклу, потом в дрон, но ещё несколько на подлёте.

Рывком вкладывая все силы тела и разгоняя экзоскелет на предел возможностей, я несусь к кнопке и подбираю её. Для победы мне нужно, чтобы кнопка была нажата, а чтобы выжить — я должен быть в экранированной кладовке, которая спасёт меня от ЭМИ. Вот она, в двух шагах.

В комнату забегают запыхавшаяся Никки. Я рывком хватаю её за одежду и закидываю в спасительный закуток. Она летит кувырком и растягивается на полу.

Грохочет очередь, я разворачиваюсь и стреляю в ответ, разнося вдребезги очередную куклу. С учётом всех веществ, которыми меня накачала Белка, почувствовать боль я не могу. Бросаю взгляд вниз по одежде, на животе расплзается кровавое пятно. Из-за угла показывается дуло автомата, а дроны через полсекунды начнут стучать мне по голове и выхватывать кнопку. Мне некому её передать. У Никки такое же кибернетическое сердце, как и у меня.

Не знаю, может быть, не все ИИ хотят уничтожить людей. Может быть, какой-то другой смог бы с ними ужиться. Но любой холодный разум искусственного интеллекта всегда предпочтёт сохранить свою жизнь, а не чью-то ещё.

Но я так и не смог осознать свою искусственность, я как считал себя человеком, так и продолжаю считать. Далеко не каждый человек сможет продолжить коптить небо, обменяв свою шкуру на жизнь кого-то близкого и важного. Не уверен, что я смогу.

Рывком захопываю дверь и жму кнопку.

Город вмиг затихает. Прекращается рёв моторов и стрёкот автоматных очередей, вывернувшая из-за угла кукла на коляске замирает, так и не успев выстрелить. Как будто разом созревшие орехи, на пол со стуком сыплются дроны.

Сердце не бьётся, у меня осталось несколько десятков секунд. Ядрёная химия, которой в моих жилах, наверное, не так мало, не даст мне умереть вот прямо сразу.

Я медленно, спиной по стеночке опускаюсь на пол.

— Выпусти меня, идиот! Что ты наделал! Выпусти! — орёт Никки.

— Задвижка с твоей стороны, — я вкладываю почти все оставшиеся силы, так громко, чтобы она смогла услышать меня сквозь экранированную дверь.

Никки с грохотом вываливается из кладовки, а вслед за этим в комнату вбегают Белка.

— Ты... — шепчет Даша, до неё медленно доходит, что произошло.

— Выиграл, — тихо шепчу я, — это было весело и страшно, и больно, иногда...

Я больше не могу говорить, в лёгких нет воздуха, в ушах появляется тихий гуд, а веки наливаются непереносимой тяжестью.

— Белка, ну почему... — Никки всхлипывает.

Я не могу видеть, не могу дышать, но я всё ещё слышу. Наверное, биочипам надо чуть меньше кислорода, чем мозгам.

— Я споткнулась, — оправдывается Даша, — я упала и прикрывала вас, от этих... на колясках. Меня чуть не убили.

— Белка, спаси его! Ты же врач! — Никки плачет.

— Он мёртв, Никки, ничего не сделать, он мёртв.

— Он же программа! Данные на чипе, ну на биочипе, может, его можно скопировать?

— Я врач, а не хакер. Даже если бы и была им, как к нему подключиться для копирования? Кабель в зад вставить? На что копировать? Он же сам сжёт всю электронику.

— Сделай хоть что-то! Ведь должен быть способ!?! Должен!?!

— Не знаю, давай попробуем отпилить ему голову и заморозить. Обычные мозги при заморозке разрывает, точнее, при разморозке. А про биочипы — я ничего не знаю. Вдруг им ничего не делается?

Больше книг на сайте - Knigoed.net